

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 77

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

Томск
2020

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется: eLIBRARY.RU; Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index; Scopus

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Залевский Г.В. (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград). E-mail: usya9@sibmail.com

Лукьянов О.В. – зам. главного редактора (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмитс, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор Шумская Е.Г.; редакторы-переводчики: Лукьянова Е.О., Стайпек А.А., Горенинцева В.Н.; оригинал-макет Шумской Е.Г.; дизайн обложки: Кривцова Л.Д.

Подписано в печать 30.09.2020 г. Формат 70x108^{1/16}. Усл.-печ. л. 12,5. Тираж 50 экз. Заказ № 4447. Цена свободная.

Дата выхода в свет 16.10.2020 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–12 months

Abstracting and Indexing: eLIBRARY.RU; Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection's); Scopus.

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

Editor-in-Chief – Genrikh V. Zalevsky, Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, honored scientist of Russian Federation, member of the World Federation of Mental Health. E-mail: usya9@sibmail.com

Deputy Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Dr. Sci. (Psychol.), Tomsk State University, Russia. E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya, Tomsk State University, Russia. E-mail: sibjornpsy@gmail.com

EDITORIAL COUNCIL

S.A. Bogomaz (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **T.G. Bokhan** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **V.I. Kabrin** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.D. Karnyshev** (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia); **N.V. Kozlova** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **O.M. Krasnorjadtseva** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.V. Seryy** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

EDITORIAL BOARD [In Russian Alphabetical order]

A.G. Asmolov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **N.A. Bokhan** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russia); **L.I. Vasserman** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russia); **E.V. Galazhinsky** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **I.E. Garber** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russia); **Iu.P. Zinchenko** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **V.V. Znakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); **Yu. Kovas** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **F. Laghi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **C. Lombardo** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **F. Lucidi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **S.B. Malykh** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russia); **H. Takooshian** (Fordham University, New York, USA); **A.Sh. Tkhostov** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **D.V. Ushakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

PUBLISHER:

Tomsk State University Press (Tomsk State University, Tomsk, Russia)

Editor E.G. Shumskaya; editor-translators: E.O. Lukyanova, A.A. Stipek; V.N. Gorenintseva; camera-ready copy E.G. Shumskaya; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 30.09.2020. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 12,5. Circulation – 50 copies. Order N 4447.

36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation. Tel. +7(382-2)–52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Залевский Г.В. К читателю	6
---------------------------------	---

К юбилею «Сибирского психологического журнала»

Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Психологические исследования в современной России: опыт наукометрического анализа (по материалам «Сибирского психологического журнала»)	10
Мазилев В.А. Психологическая наука в «строительных лесах»	23

Общая психология и психология личности

Клементьева М.В. Теоретико-методологические аспекты психологического исследования биографической рефлексии личности	44
Бохан Т.Г., Галажинский Э.В., Терехина О.В., Ульянич А.Л., Богомаз С.А. Личностные детерминанты субъективного качества жизни работающей сельской и городской молодежи	68
Зобков А.В. К проблеме прокрастинации родителей во взаимодействии с детьми	90

Медицинская психология

Пеняевская А.В., Мещерякова Э.И., Стоянова И.Я. Типология отношения к болезни и общественно опасному деянию больных шизофренией во взаимосвязи с психологическими характеристиками	111
Певнева А.Н. Особенности невротического состояния матери ребенка с церебральным параличом	130

Педагогическая психология

Токарева О.А., Серый А.В., Яницкий М.С. Диагностика эмоционального интеллекта детей 5–7 лет с использованием компьютерной программы «EQ. дети»	153
--	-----

Социальная психология

Шамионов Р.М. Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи	176
Карнышев А.Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Байкал и психологические ресурсы подталкивания к экологическому патриотизму	196

CONTENTS

Zalevsky G.V. To the reader	6
--	---

To the anniversary of "Siberian Journal of Psychology"

Mazilov V.A., Slepko Iu.N. Psychological Research in Modern Russia: Experience of Scientometric Analysis (Based on the Materials of the Siberian Journal of Psychology)	10
Mazilov V.A. Psychological Science in "Scaffolding"	23

General psychology and psychology of the person

Klementyeva M.V. Theoretical and Methodological Aspects of the Biographical Reflection Study	44
Bokhan T.G., Galazhinsky E.V., Terekhina O.V., Ul'yanich A.L., Bogomaz S.A. Personal Determinants of the Subjective Quality of Life among Working Rural and Urban Youth	68
Zobkov A.V. To the Problem of Parental Procrastination in Interaction with Children	90

Medical psychology

Penyavskaya A.V., Meshcheriakova E.I., Stoyanova I.Ya. Typology of Relationship to Diseases and Socially Dangerous Activities of Patients with Schizophrenia in Relation to Psychological Characteristics	111
Pevneva A.N. Neurotic State Characteristics of Mothers of Children with Cerebral Palsy	130

Psychology of education

Tokareva O.A., Seryy A.V., Yanitskiy M.S. The Diagnostics of Emotional Intelligence of Children Aged 5–7 Held in the "EQ.Children" Digital Program	153
---	-----

Social psychology

Shamionov R.M. The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-being and Social Frustration of Young People	176
Karnyshev A.D., Ivanova E.A., Karnysheva O.A. Lake Baikal and Psychological Resources to Encourage Environmental Patriotism	196

Уважаемый читатель!

«Сибирскому психологическому журналу» исполняется 25 лет

«Сибирский психологический журнал» (СПЖ) был основан в 1995 г. Его первый выпуск в строгом смысле еще нельзя было назвать журналом. Это был первый опыт: обложка желтого («цыплячьего») цвета, объем – всего 68 страниц, главным образом материалы конференции, проведенной в Томске в декабре 1994 г. и посвященной очень актуальной проблеме психологической помощи человеку (населению). Удивительно, что томские (сибирские) психологи были озабочены проблемой психологической помощи населению почти за 20 лет до появления проекта закона «О психологической помощи населению Российской Федерации»!

Конечно, оформление первого номера свидетельствовало о полном отсутствии у основателей журнала издательского опыта и необходимого финансирования – на издание журнала из бюджета не выделялось ни копейки, ведь это был 1995 г., время практически кризисного финансирования науки. Поэтому пришлось начинать создавать журнал на собственные средства. Он был продуктом исключительно энтузиазма немногих психологов, работающих главным образом в вузах г. Томска и мечтавших о настоящем психологическом журнале, издаваемом в Сибири. Не надо забывать, что «Сибирский психологический журнал» – первое и по сей день фактически единственное периодическое издание по психологии на огромной территории от Урала до Дальнего Востока. Да, это был «цыпленок», но на его обложке гордо смотрелось название – черным по желтому – «Сибирский психологический журнал». Рождение журнала приветствовал первый президент Российской академии образования Артур Владимирович Петровский в своем обращении к читателям (СПЖ. 1995. № 1).

Появление «Сибирского психологического журнала» не только стало знаменательным событием для сибирской психологической науки, но и позволило целенаправленно оказывать помощь и поддержку ученым из разных регионов Сибири и за ее пределами.

С момента первого выпуска прошло 25 лет. Из «гадкого утенка», образно говоря, журнал превратился, не побоюсь сказать, в значительно более симпатичную как по внешнему виду, так и по содержанию «птицу». В этом немалая заслуга прежде всего факультета психологии Томского государственного университета, с 2000 г. курирующего издание журнала, а также ректората ТГУ, оказывающего ему всемерную поддержку.

Сегодня «Сибирский психологический журнал», прошедший российскую и международную регистрацию, известен далеко за пределами Томска, Сибири и России. На него можно подписаться через систему Респечати. Содержание и резюме статей печатаются не только на русском, но и на английском языке. С 2007 г. «Сибирский психологический журнал» вошел

в список так называемых «ваковских» журналов. Стратегическая цель журнала – объединение психологического сообщества Сибири и Дальнего Востока. За время своего существования «Сибирский психологический журнал» превратился в авторитетное научное издание, он предоставляет широкие возможности саморазвития как для становящихся, так и для уже состоявшихся профессионалов-психологов, а также для всех читателей журнала, что вызывает к нему доверие и уважение.

В нашем журнале можно встретить оригинальные статьи зарубежных коллег-психологов на английском и немецком языках. Среди авторов журнала – ведущие психологи России, не только охотно откликающиеся на приглашение выступить на его страницах в качестве авторов, но и поддерживающие его в качестве членов редакционного совета. Разумеется, такие имена, как А.В. Петровский, А.В. Брушлинский, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьев, В.С. Мухина, А.Г. Асмолов, А.Ш. Тхостов, Ю.П. Зинченко, А.В. Юревич, Ю.Ф. Поляков, В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев, Л.И. Вассерман, Б.А. Вяткин, Д.В. Ушаков, В.А. Мазиллов и др., поднимали и поднимают авторитет журнала, способствуют повышению интереса к нему со стороны широкой психологической общественности в регионе и за его пределами. Это позволило журналу избежать «местечковости» тематики и мелкотемности, сохраняя свое лицо, не дублируя, но ориентируясь на высокие авторитеты – прежде всего «Психологический журнал» и «Вопросы психологии». За последние пять лет редакционный совет журнала расширился за счет зарубежных ученых из Италии (К. Ломбардо, Ф. Лучиди, Ф. Лаги, Римский университет Ла Сапиенца), Великобритании (Ю. Ковас, Голдемита, Университет Лондона), США (Г. Такушян, Фордхемский университет, Нью Йорк).

Роль «Сибирского психологического журнала» в развитии психологической науки и практики в регионе и за его пределами

Главными авторами, создающими лицо и авторитет журнала, являлись и являются, конечно, психологи обширного региона от Урала до Дальнего Востока. Однако география авторов этим не ограничивается, она охватывает и европейскую часть России, и ближнее и дальнее зарубежье. Среди авторов журнала не только маститые ученые и многоопытные практики, но и начинающие психологи – молодые исследователи, вузовские преподаватели, аспиранты и соискатели. Журнал предоставляет свои страницы будущим кандидатам и докторам наук для публикации результатов своих исследований, что, с одной стороны, позволяет материалу журнала быть актуальным, дискуссионным и во многом отличаться новизной, а с другой – дает им возможность обнародовать свои научные достижения. В журнале постоянно присутствуют и публикации студентов-психологов, занимающихся научной работой, участвующих в научных конференциях, психологических олимпиадах и различных грантовых проектах.

«Сибирский психологический журнал» – это научно-практический журнал, охватывающий основные области психологической науки и прак-

тики. Постепенно откristаллизовалась структура журнала, долгие годы включавшая следующие разделы: «Общая психология и психология личности», «Социальная психология», «Генетическая психология (психология развития)», «Клиническая (медицинская) психология», «Педагогическая психология (психология образования)». Это основные и как бы обязательные разделы, представленные в каждом выпуске СПЖ. В остальной своей части он был достаточно вариативен по рубрикам и материалу. Почти в каждом выпуске журнала представлялась новая рубрика: «Психология психолога», «Из архива», «Вместо рецензии» (№ 4), «Психологический фольклор» (№ 5-6), «Психологическая служба» (№ 11), «Психологическая экспертиза и психология экспертизы» (№ 12), «Проба пера: материалы студентов-психологов», «Дискуссии» (№ 13), «В помощь психологу: исследователю и практику» (№ 14-15, 27), «Краткие сообщения» (№ 16-17), «Психологическая супервизия» (№ 7, 8-9, 13, 14-15, 16-17, 30), «Психологический словарь» (№ 18), «Методы и технологии психологических исследований» (№ 19), «Теория и методология психологии» (№ 20), «Психология детской одаренности» (№ 21), «История психологии» (№ 24) «Психология здоровья и безопасности» (№ 36, 37), «Экологическая психология» (№ 38).

Ряд выпусков СПЖ был посвящен знаменательным датам истории психологии – 120-летию со дня открытия первой экспериментальной психологической лаборатории В. Вундтом (№ 10) и юбилеям видных отечественных и зарубежных психологов: 100-летию со дня рождения Л.С. Выготского (№ 3); 60-й годовщине со дня смерти З. Фрейда (№ 11); 85-летию со дня рождения М.С. Роговина (№ 24), 100-летию со дня рождения Б.Г. Ананьева (№ 26), 90-летию со дня рождения Л.М. Веккера (№ 30) и др.

Разумеется, в каждом номере журнала давалась самая разнообразная информация, представляющая интерес прежде всего для психологов региона: о будущих и состоявшихся конгрессах, конференциях, школах, диссертационных советах по психологическим наукам, новых психологических изданиях, о международном сотрудничестве, знаменательных датах и т.д.

«Сибирский психологический журнал» за годы своего существования внес, несомненно, весомый вклад в развитие психологической науки и практики в регионах Сибири, Дальнего Востока и за их пределами, способствовал тому, что за эти годы выросла целая плеяда кандидатов и докторов наук. Он служил консолидирующим печатным органом, объединяющим психологов региона, способствовал реализации разного рода научных и прикладных проектов в области психологии. Демократичная, открытая для дискуссий позиция редакции журнала создавала возможность для представления на суд профессиональной психологической общественности материалов с разными позициями, что особенно важно в контексте развития российской психологической науки и практики.

С момента своего основания «Сибирский психологический журнал» менял и свой внешний облик: с № 14-15 он начал выходить с обложкой, на которой появилась фотография главного корпуса Томского государственного университета, затем эта фотография начала отражать времена

года, поскольку журнал с 2008 г. стал выходить четыре раз в год. С 2011 г. журнал выходит в новом формате, который стал и более удобным (несколько меньшим по размеру), и более читабельным.

В 2006 г. «Сибирский психологический журнал» был награжден дипломом и Золотой медалью Сибирской ярмарки УЧСИБ-2006 «за высокий теоретико-методологический уровень издания», а в 2007 г. отмечен высокой наградой Федерации психологов образования и Минобрнауки РФ – дипломом II степени в номинации «Лучшее периодическое издание по психологии».

С 2010 г. появилась и электронная версия «Сибирского психологического журнала» (psy.tsu.ru/mag.php).

Вряд ли «Сибирский психологический журнал» выжил и достиг отмечаемого сегодня его читателями высокого уровня по форме и по содержанию, получил признание не только в регионе, но и далеко за его пределами, в том числе и у зарубежных коллег, если бы не большая, но энергичная команда заинтересованных томских психологов-энтузиастов не боролась за него все эти годы. Это прежде всего доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО Э.В. Галажинский, доктор психологических наук, профессор С.А. Богомаз, кандидат психологических наук В.Г. Залевский, доктор психологических наук Т.Г. Бохан, доктор психологических наук Н.В. Козлова, доктор психологических наук О.В. Лукьянов, кандидат психологических наук Т.Е. Левицкая и др. Эти коллеги росли вместе с журналом и выросли от ассистентов до доцентов и профессоров. Конечно, был и более широкий внешний круг психологов – из Барнаула (профессор Л.Д. Демина), Иркутска (профессор А.Д. Карнышев), Кемерово (профессор А.В. Серый) и других городов региона, – которые внесли свою лепту в качестве авторов, членов редколлегии и редакционного совета журнала на разных этапах его становления. Хочу также поблагодарить членов редколлегии журнала нынешнего его состава, и в первую очередь заместителя главного редактора, доктора психологических наук О.В. Лукьянова, во многом благодаря умелым действиям которого журнал, так сказать, «дорос» до такого уровня, чтобы оказаться в известных и престижных базах данных Web of Science (2018) и Scopus (2019). Журнал достойно встретил новые вызовы времени и вошел в списки высоко цитируемых профессиональных периодических изданий.

Большое спасибо заслужил и коллектив Издательского Дома Томского государственного университета под руководством главного редактора К.Г. Шилько за усилия в поддержании высокого содержательного и издательского уровня журнала.

Поздравляю со славным юбилеем коллектив «Сибирского психологического журнала» и его авторов, желаю дальнейших успехов!

*Основатель и главный редактор Г.В. Залевский,
доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО,
Заслуженный деятель науки РФ*

К ЮБИЛЕЮ «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ НАУКОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (по материалам «Сибирского психологического журнала»)¹

В.А. Мазиллов^а, Ю.Н. Слепко^а

^а Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

Представлен опыт наукометрического анализа на материале российского журнала. Проанализирован корпус в 1 237 опубликованных в журнале статей (1995–2019). Анализ динамики публикаций статей в семи наиболее популярных разделах отражает живую историю изменения интереса исследователей к изучению проблем клинической психологии, общей психологии и психологии личности, социальной психологии, психологии образования, психологии развития и др.

Ключевые слова: психология; наука; наукометрия; «Сибирский психологический журнал»; наукометрический анализ; объяснение; тенденции развития.

В современной России издается значительное число психологических журналов. Не все выдерживают испытание временем: некоторые перестают выходить, испытывая трудности с финансированием или организационные затруднения. Журналом, доказавшим свою состоятельность, ныне входящим в перечень ВАК, реферируемым в базах данных Web of Science и Scopus, наконец, пользующимся авторитетом и популярным в психологическом сообществе, является «Сибирский психологический журнал», издающийся в Томске вот уже 25 лет. «Сибирский психологический журнал» (СПЖ) был основан в 1995 г.

Интересна история издания первого номера журнала, который включал главным образом материалы конференции, проведенной в Томске в декабре 1994 г. и посвященной очень актуальной проблеме психологической помощи человеку (населению). Исследования проблемы здоровья человека, ставшие отправной точкой для создания журнала, вылились в одно из ведущих направлений его публикационной активности. Это нашло свое

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00137.

отражение в том, что раздел «Клиническая психология», дополняемый в разные периоды истории журнала тематикой медицинской психологии, психологии здоровья, стал ведущим и сохраняет эти позиции и по сей день. Примерно четверть (24%) опубликованных за все время деятельности журнала статей посвящена именно проблемам клинической, медицинской психологии, психологии здоровья. Характерно, что в течение практически каждого года не менее 10 статей посвящено этой проблематике. Исключения составляют 2002 г. (9 статей), 2006 г. (7 статей) и 2018 г. (7 статей).

Особо отметим, что столь серьезное внимание сибирских психологов к проблеме здоровья человека почти на 20 лет опередило внесение в Государственную Думу проекта Федерального закона «О психологической помощи населению в Российской Федерации» (24.06.2014). История этого проекта закончилась быстро – через 6 месяцев (08.12.2014) он был снят с рассмотрения. Однако проблематика здоровья человека как была, так и осталась одним из ведущих направлений деятельности журнала. На его страницах обсуждается множество проблем здоровья человека, заболеваний и отклонений, среди которых можно встретить анализ проблематики невротических расстройств (10% статей от общего числа публикаций, посвященных здоровью), задержки психического развития (8%), сахарного диабета (6%), соматической патологии (6%), шизофрении (6%), депрессии (4%), наркомании (4%), нарушений опорно-двигательного аппарата (4%), сердечно-сосудистых патологий (4%), церебрального паралича (4%) и др.

Конечно, проблематика здоровья далеко не единственная, интересующая и сибирских психологов, и редакционную коллегию журнала. На наш взгляд, важно акцентировать внимание на том, что «Сибирский психологический журнал» с самого начала своей деятельности ставил в приоритет решение прикладных задач средствами их глубокого методологического, теоретического, экспериментального анализа. Именно последнее и позволило журналу не только пережить трудные для всей психологической науки 1990-е гг., но и стать широко известным далеко за пределами Томска, Сибири, России.

Импульсом для развития журнала стало внимание Российской академии образования и ее президента – Артура Владимировича Петровского – к появлению журнала. Начало журналу было положено на факультете психологии Томского государственного университета, с 2000 г. он стал издаваться при поддержке ректората университета, в 2007 г. вошел в перечень «ваковских» журналов. Международная известность журнала связана с его включением в авторитетные базы данных Web of Science Core Collections, Scopus, Emerging Sources Citation Index, European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS), Directory of Open Access scholarly Resources (ROAD). Высокий научный статус журнала поддерживается публикациями ведущих российских психологов – А.Г. Асмолова, А.В. Брушлинского, Л.И. Вассермана, Б.А. Вяткина, В.П. Зинченко, Ю.П. Зинченко, В.В. Знакова, А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, В.С. Мухиной, А.В. Петровского, Д.В. Ушакова, А.В. Юревича и др.

Редакционный совет журнала составляют ведущие и авторитетные специалисты в самых разных областях отечественной и зарубежной психологической (А.Г. Асмолов, Э.В. Галажинский, И.Е. Гарбер, Ю.П. Зинченко, В.В. Знаков, С.Б. Малых, А.Ш. Тхостов, Д.В. Ушаков, Ф. Лаги (Италия), Г. Такушьян США), медицинской (Н.А. Бохан, Л.И. Вассерман), философской (Ю.В. Ковас (Великобритания), К. Ломбардо (Италия), Ф. Лучиди (Италия)) науки.

Привлечение столь авторитетных ученых в редакционный совет журнала, его успешная история и современное состояние стали безусловной заслугой основателя и главного редактора – известного российского психолога, доктора психологических наук, профессора, члена-корреспондента РАО, Заслуженного деятеля науки РФ Генриха Владиславовича Залевского. Он смог привлечь к работе и развитию журнала известных томских психологов – Э.В. Галажинского (доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО), С.А. Богомаза (доктор психологических наук, профессор), В.Г. Залевского (кандидат психологических наук), Т.Г. Бохан (доктор психологических наук), Н.В. Козлову (доктор психологических наук), О.В. Лукьянова (доктор психологических наук), Т.Е. Левицкую (кандидат психологических наук) и др. Благодаря их работе журнал имеет сегодня высокий научный статус и широкую известность в России и за рубежом. Особенно необходимо отметить работу заместителя главного редактора – Олега Валентиновича Лукьянова, – благодаря активности которого журнал вошел в число рецензируемых в известных международных базах Web of Science Core Collections и Scopus.

Методы исследования

В статье решалась задача изучения опыта публикационной деятельности «Сибирского психологического журнала» в период с 1995 по 2019 г. Для ее решения был проведен тематический анализ всех публикаций, представленных в журнале в указанный период. Тематический анализ публикаций позволил дать количественную характеристику статей, опубликованных в разных разделах журнала, определить частоту обращения авторов журнала к психологическим понятиям и проблемам и частоту исследования авторами определенных социальных и возрастных групп, а также количество статей, посвященных различным заболеваниям и др.

Результаты исследования

«Сибирский психологический журнал» издается на протяжении четверти века и тем самым неотъемлемо принадлежит новейшей истории российской психологии, а потому заслуживает изучения как объект исследования, в том числе и методами наукометрии. Наукометрия – относительно новая область знания, занимающаяся статистическими исследованиями структуры и динамики научной деятельности. Как отмечает известный методолог

истории психологии В.А. Кольцова, «следует отметить, что в последние годы измерение широко применяется в области изучения закономерностей развития научной деятельности для выявления количественной определенности различных ее сторон и характеристик. Оно лежит в основе специальной науковедческой дисциплины – наукометрии. Прогресс истории психологии как частной науковедческой дисциплины, превращение ее в доказательную область знания также в немалой степени зависят от освоения ею количественных методов исследования. Как показали проведенные в последние годы исследования, предметом измерения могут выступать многие важные структурные компоненты психологического познания – научные публикации, события жизни психологического сообщества (съезды, конференции, создание научных и учебных центров в области психологии и т. д.). Использование количественных индикаторов исследуемых явлений позволяет выявить динамику проблемного поля психологической науки, проследить изменения в ее структуре (появление новых проблемных областей и направлений исследования, развитие междисциплинарных связей психологии с другими науками, характер ее взаимодействия с практикой» [1. С. 341]. Однако наукометрические методы в современной российской психологии используются пока недостаточно широко.

Известные историки психологии отмечают, что одной из задач, стоящих перед историей психологии, является повышение объективности и обоснованности получаемых результатов и формулируемых выводов, а успешное решение этой задачи связано с используемыми методами исследования [2]. «Общепризнано, что использование формализованных методов, опирающихся на возможность количественной обработки получаемых данных, обеспечивает необходимый результат. В настоящее время в области истории психологии такими, в частности, являются методы наукометрии» [Там же. С. 220].

«Конечно, спектр наукометрических методов, используемых в современной науке, достаточно широк и не ограничивается только количественными показателями... полученными на основе статистического метода. Не меньший, а для историка психологии, несомненно, больший интерес представляет содержательный анализ тематики изучаемых проблем, используемого категориально-понятийного аппарата диссертаций. Применение метода “контент-анализа”, тезаурусного и сленгового методов позволяет анализировать именно содержательные аспекты развития научного знания на основе количественных показателей» [Там же. С. 221].

В начале статьи мы уже показали, как использование тезаурусного метода позволяет эксплицировать и презентировать некоторые особенности развития «Сибирского психологического журнала». Проблемы клинической и медицинской психологии, психологии здоровья, конечно же, не составляют всего многообразия публикуемых в нем результатов исследований. «Лицо журнала» составляют практически все наиболее актуальные в психологической науке разделы и проблемы. За годы существования «Сибирского психологического журнала» в нем было открыто 32 раздела,

которые можно условно разделить на две группы по основанию количества опубликованных статей и периодичности их публикации.

В первую группу разделов входят «Клиническая психология (в том числе медицинская психология и психология здоровья)» – 24% статей за все время, «Общая психология, психология личности» – 19%, «Социальная психология» – 17%, «Психология образования (в том числе педагогическая психология)» – 12%, «Информация (в том числе о статьи о новых книгах и рецензии на них)» – 7%, «Генетическая психология (в том числе психология развития, акмеология)» – 7%. Данные разделы, во-первых, имеют наибольшее число опубликованных в них статей (87% за все время), во-вторых, характеризуются наибольшим постоянством публикации в них в течение всего периода существования журнала.

Вторая группа разделов характеризуется, во-первых, меньшим числом опубликованных в них статей, во-вторых, зависимостью числа публикаций от определенного события, которому эти статьи посвящены. Например, в 2001 г. в Томске проходила Всероссийская школа молодых ученых-психологов, материалы которой (лучшие, как мы понимаем) были представлены в № 14-15 журнала (см., напр.: [3]). Можно только приветствовать мотивацию редакционной коллегии, отдавшей более трети выпуска результатам исследований молодых психологов (35% от общего числа всех статей в выпуске). Конечно, вопрос целесообразности публикации подобных материалов дискуссионен, особенно если следовать модной сегодня идее повышения цитируемости научных публикаций и продвижения научных журналов в самых разных базах данных. Обратим внимание, что из 13 опубликованных докладов Всероссийской школы молодых ученых-психологов лишь одна за все время (а прошло уже 19 лет) была процитирована дважды – [Там же]. При этом опубликованные в остальных разделах журнала 23 статьи за тот же срок были процитированы 97 раз. Между тем публикация в журнале стала одной из отправных точек для научного роста участников «Всероссийской школы молодых ученых-психологов» (см., напр.: [4]).

Во вторую группу разделов журнала вошли и материалы, значимость которых выходит за пределы сибирского региона. Это публикации, периодически посвящаемые юбилейным датам (80-летию А.В. Петровского – № 20; 70-летию В.Я. Семке – № 24; 60-летию В.И. Кабрина – № 26; 90-летию Л.М. Веккера – № 30; 85-летию со дня рождения М.С. Роговина – № 24 и др.), а также тематические выпуски журнала (проблемы супервизии в психологии – № 30; психологии детской одаренности – № 21 и др.) и др.

Отметим, что уже упоминавшийся № 14-15 журнала (2001), помимо материалов Всероссийской школы молодых ученых-психологов, был посвящен 80-летию выдающегося российского психолога М.С. Роговина. Читатели могут познакомиться и с публикацией, посвященной его памяти и вкладу в развитие психологической науки [5], и с одной из работ самого М.С. Роговина, в которой рассматривается проблема логического, рационального, дискурсивного познания психического и познания его путем интуиции [6].

Значительное место в истории развития «Сибирского психологического журнала» занимает обращение к проблеме *теории, методологии, практики психологии* как научной дисциплины. На страницах журнала постоянно обсуждаются самые разные направления, теории и подходы в психологической науке. Им посвящено около 15% опубликованных за все время статей. При этом и здесь мы можем выделить ведущие темы, к которым относятся исследования психологии как научной дисциплины (12% от числа статей, посвященных проблемам теории, методологии, практики психологии), супервизии (10%), этнопсихологии (9%), психотерапии (8%), методологии психологии (7%), психодиагностики (7%). Как мы уже отмечали выше, в основе столь значительного внимания к данной проблематике лежит высокопрофессиональный и статусный состав редакционного совета журнала, привлекающий к публикации статьи ведущих российских и зарубежных исследователей. Помимо указанных, на страницах журнала обсуждаются и такие темы, которые можно встретить в ведущих психологических изданиях, — психоистория, психология религии, авиационная психология, соционика и др. Журнал сегодня стал хорошей базой для изучения множества существующих в психологии подходов к изучению не только теории и методологии психологии, но и прикладных аспектов психологии. На страницах журнала можно встретить статьи, посвященные таким подходам, как коммуникативный, компетентностный, личностно ориентированный, психолого-акмеологический, психометрический, рефлексивно-коммуникативный, средовой, структурно-функциональный, эколого-психологический и др.

Не менее важным аспектом анализа истории развития «Сибирского психологического журнала» является обращение к многообразию представленных в статьях *понятий и категорий психологии*. Заметим, подобный анализ является важным средством определения психологических проблем, интересующих и редакцию журнала, и психологов — авторов публикаций. В качестве примера успешного и перспективного применения такого способа анализа можно привести недавно опубликованную работу российских психологов А.Я. Анцупова, С.Л. Кандыбовича и Г.Н. Тимченко [7]. На примере анализа докторских диссертаций, защищенных в период с 1935 по 2019 г., авторы показали, что «сравнительный анализ частоты использования понятий в темах докторских диссертаций позволяет, во-первых, определить, какие психологические проблемы предпочитают исследовать отечественные психологи высшей квалификации. Во-вторых, такой анализ дает возможность оценить, какие категории людей чаще выступают объектом докторского психологического исследования» [Там же. С. 83].

Так, за все время в «Сибирском психологическом журнале» было предложено к анализу 232 психологических понятия: 39 понятиям (17%) и связанным с ними проблемам было посвящено более 10 статей; 109 понятиям (47%) посвящено не более 1 статьи. Среди множества понятий, которым посвящено более 10 статей, есть и явные лидеры. Список десяти наиболее часто упоминаемых понятий и проблем следующий: *личность* (56 статей), *ценности* (43 статьи), *обучение / образование* (40 статей), *здоровье* (36 статей),

общение / коммуникация (34 статьи), поведение (34 статьи), семья (34 статьи), образ (30 статей), деятельность (27 статей), эмоциональная сфера (25 статей). Представленный список специфическим образом согласуется с результатами уже упомянутого исследования А.Я. Анцупова, С.Л. Кандыбовича и Г.Н. Тимченко. Сравнительный анализ списка «Сибирского психологического журнала» и «Докторского списка» [7. С. 85], представленный в таблице, позволяет установить следующее.

**Сравнительный анализ частоты использования понятий в списке
«Сибирского психологического журнала»* и «Докторском списке»****

Список «Сибирского психологического журнала»		«Докторский список»	
Понятие	Частота****	Понятие***	Частота****
1. Личность	56	1. Психология	209
2. Ценности	43	2. Деятельности	191
3. Обучение / образование	40	3. Личности	165
4. Здоровье	36	4. Основы	151
5. Общение / коммуникация	34	5. Психологические	149
6. Поведение	34	6. Развития	133
7. Семья	34	7. Развитие	106
8. Образ	30	8. Формирования	70
9. Деятельность	27	9. Детей	64
10. Эмоциональная сфера	25	10. Условиях	55

Примечания. * Список «Сибирского психологического журнала» – ранжированный по количеству посвященных определенным понятиям список статей. Составлен на основе анализа названий публикаций в «Сибирского психологического журнала» с 1995 по 2019 г. ** «Докторский список» составлен на основе данных таблицы 4.3.1. «Иерархия частоты использования первых 20 понятий в темах докторских диссертационных исследований (1935–2018 гг.)» исследования А.Я. Анцупова, С.Л. Кандыбовича и Г.Н. Тимченко [Там же]. В оба списка вошли по 10 наиболее часто упоминаемых понятий. *** Понятие – авторы «Докторского списка» специально обратили внимание, что «название категории, названия или термина приведено на основании семантического анализа без изменения падежа, числа» [Там же]. **** Частота – в «Докторском списке» это количество диссертаций, в названии которых встречается данное понятие. В списке «Сибирского психологического журнала» это количество статей, в названии которых встречается данное понятие и которому статья посвящена.

Во-первых, мы видим, что в обоих списках находятся понятия «личность» и «деятельность». К этому можно добавить и рассмотренное выше значительное число статей, посвященных в «Сибирском психологическом журнале» проблемам психологии как науки, что хорошо отражает встроенность идеологии «Сибирского психологического журнала» в разработку и решение значимых для всего российского психологического сообщества проблем.

Во-вторых, данные таблицы позволяют говорить и о достаточно высокой степени специфичности журнала, так как оба списка не согласуются друг с другом в 80% случаев. Конечно, необходимо с высокой степенью осторожности подходить к таким выводам, так как в основе составленных списков лежат разные основания – авторы статьи осознают данные огра-

ничения. Однако это не отменяет того, что «Сибирский психологический журнал» не только представляет разработки общих для всей отечественной психологической науки проблем и вопросов, но и заметно отличается от российских изданий подобного типа.

Также нельзя не обратить внимания и на то, что представленный понятийный анализ статей нуждается в доработке и уточнении требований к методике его проведения. Это связано с тем, что одно понятие может быть использовано в разных контекстах, объединение которых в единую проблемную группу спорно. Например, как мы указывали выше, понятие *здоровье* является четвертым по частоте посвященных ему статей. Однако под этим понятием мы объединили разные типы здоровья – психическое, экологическое, духовное, психологию здоровья, здоровье личности, профессиональное здоровье. Или, например, понятие *поведение* – шестое по частоте публикаций, еще более многообразно по используемым контекстам его применения. В нашем исследовании мы объединили в одну группу исследования стиля поведения, поведения аддиктивного, девиантного, материнского, пищевого, профессионального, репродуктивного, социального, инновационного. Заметим, подобная технология укрупнения характерна исключительно для сложных психологических понятий, таких как здоровье, общение, поведение, семья, образ, деятельность, адаптация, одаренность, смысл, способности, идентичность, отношение, компетентность, культура и пр. Чем меньшее число статей посвящено тому или иному понятию, тем меньше необходимости осуществлять обсуждающуюся процедуру.

К сожалению, объем настоящей публикации не позволяет расширить обозначенные позиции, поэтому остановимся еще на двух отличительных особенностях публикационной истории «Сибирского психологического журнала». Выше мы уже говорили о том, что понятийный анализ позволяет оценить, какие категории людей чаще выступают объектом исследований в журнале. В связи с этим «Сибирский психологический журнал» можно назвать «молодежным» по ряду причин, что хорошо соответствует его 25-летию.

Во-первых, наиболее часто изучаемой *социальной группой*, представленной на страницах журнала, являются студенты – этой группе посвящено 98 статей, что составляет около 10% всех публикаций (заметим, это означает, что студенческому сообществу посвящена практически каждая 10-я публикуемая статья). Еще к двум категориям, широко представленным в публикациях, относятся «участники образовательного процесса» (ученики, учителя, администрация образовательных учреждений и пр.) – 38 статей, и «психологи» (как профессия, психолог в школе, в вузе, в других учреждениях) – 19 статей. Помимо обозначенных категорий объектом представленных в журнале исследований являются женщины, менеджеры, предприниматели, родители, военнослужащие, преступники, религиозные люди, участники финансовых пирамид.

Во-вторых, можно выделить и статьи, посвященные разным возрастным группам. Здесь приоритетом выступает исследование подросткового воз-

раста – ему посвящено 90 статей, что составляет 7% от общего числа публикаций. Значительное число публикаций посвящено и другим возрастам – юношескому (39 статей), младшему школьному (31), детскому (21), дошкольному (19). К сожалению, не обошла журнал и характерная для всей отечественной психологии ситуация недостаточного внимания к более старшим возрастным группам. В ходе анализа удалось обнаружить чуть более 1% статей, посвященных ранней взрослости, зрелому и пожилому возрасту.

Обсуждение результатов

За пределами наукометрического анализа отметим несколько моментов, которые, на наш взгляд, важны для понимания роли издания в ландшафте современной российской психологии.

Для судьбы любого журнала значима фигура главного редактора. Не будем здесь подробно говорить о личности Г.В. Залевского, основателя и бессменного главного редактора (подробно см.: [8]). Важно лишь подчеркнуть, что это человек с широчайшим кругозором, масштабно мыслящая личность, человек энциклопедических знаний, один из ведущих российских методологов психологической науки. Отметим, что он – один из немногих, кто пишет в современной российской психологии о проблеме объяснения [9]. Не секрет, что, испытывая трудности с использованием причинно-следственного объяснения, многие отечественные психологи избегают объяснения, довольствуясь лишь интерпретацией.

Как уже отмечалось, значительное число статей в «Сибирском психологическом журнале» посвящено проблемам психологии как науки. Дело в том, что психология как наука испытывает в настоящее время существенные сложности методологического характера. Относительно недавно – в XX столетии – все было понятно. Всеми признавалось, что психология – это единая наука. Современное состояние психологии достаточно своеобразно. Еще несколько десятилетий тому назад общепринятым было положение о единой психологической науке: общая психология представляет «ядро» психологии, вокруг которой группируются ее отрасли. В 1970-е гг. обсуждался тезис, вызывавший тогда жаркие дискуссии, – как должна развиваться общая психология: «в ствол» или «в куст». Эта метафора отражала позицию исследователя, согласно которой психология должна была строиться на одном (ствол) или нескольких (куст) базовых понятиях. Характерно, что само единство психологии в те времена под сомнение не ставилось – оппоненты были в этом вопросе единодушны.

В настоящее время можно констатировать, что положение радикально изменилось. Многие авторы считают, что общая психология уже не существует, нет единой психологической науки, а есть, скорее, конгломерат наук с разными объектами и методами исследования. Некоторые идут еще дальше, утверждая, что можно говорить не о существовании наук, а лишь о наличии различных исследовательских подходов. В частности, можно

услышать, что название «психология» не выражает современного состояния этой научной области, что полноценной науки о психике в XXI столетии так и не появилось, что пройденный психологией исторический путь во многом случаен и гордиться там нечем, что прошлое психологической науки недостойно, чтобы на него ссылаться и к нему апеллировать, что психологии как единой дисциплины не существует, что в психологии имеется лишь множество различных исследовательских подходов, фактически не связанных между собой, и т.п. В этом случае возникает искушение, состоящее в том, что, кроме своего узкого подхода, развиваемого в той или иной научной школе, психологу знать более ничего и не надо. Тем более что можно свою позицию «усилить» философским тезисом, что разные теории «несоизмеримы»: таким образом, знание других подходов просто «бесполезно» [10. С. 218–219].

Отметим, что позиция редактора (и его многочисленных последователей не только в Томске, но и по всей России) однозначна – он сторонник единой психологической науки. В основу его известных исследований положен *целостно-ценностный подход в контексте антропологической психологии*. Выразим солидарность с тезисом Г.В. Залевского так как, по нашему мнению, антропологизм в психологии необходим. «В рамках такого подхода человек (антропос, т.е. человек, устремленный ввысь) и его здоровье понимаются как целостно-ценностные образования, биопсихосоциоэтическое / духовное единство со структурно-уровневым строением, высшим и интегрирующим уровнем которого является духовный уровень (духовность и духовное здоровье). Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни “человеческих связей с миром” (А.Н. Леонтьев), “взаимодействия с действительностью” (А.В. Брушлинский), “разные уровни бытия” (Л.Р. Правдина)» [11. С. 71].

Поэтому совершенно не случайно, что в «Сибирском психологическом журнале» публикуются резонансные интервью о методологии психологии и дальнейшем развитии психологической науки [12].

Выводы

Завершая статью, поздравим замечательное психологическое издание – «Сибирский психологический журнал» – с 25-летним юбилеем. Пожелаем ему дальнейших успехов и неуклонного развития, новых перспектив и горизонтов, процветания.

Проведенный тематический анализ показал, что в его истории нашли отражение основные тенденции развития российской психологии в конце XX – начале XXI в. За относительно короткую историю журнал приобрел собственное неповторимое лицо, сформировались ведущие и стабильно наполняемые научно значимым содержанием разделы журнала, появились признаки, заметно отличающие журнал от ему подобных. Главное – журнал не только продолжает успешно развиваться, но и есть вполне понятные и интересные перспективы развития.

Литература

1. Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. 512 с.
2. Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н. Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории «индивидуальность» в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.) // Методология, теория, история психологии личности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М. : Ин-т психологии РАН, 2019. С. 218–233.
3. Ветчанина Е.Г., Мальгина Г.Б. Особенности реакций беременных на психоэмоциональный стресс в различные сроки беременности // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14-15. С. 150.
4. Федоров А.А. Библиометрический анализ публикаций по постнеклассической психологии в РИНЦ // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 135–145.
5. Залевский Г.В. Роговин Михаил Семенович // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14-15. С. 6–7.
6. Роговин М.С., Залевский Г.В. Верифицируемое и интуитивное познание психического // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14-15. С. 8–12.
7. Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Тимченко Г.Н. Проблемы отечественной психологии : указатель 1 410 докторских диссертаций (1935–2019 гг.). М. : Проспект, 2020. 368 с.
8. Мазиллов В.А. «Все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом»: несколько штрихов к портрету Г.В. Залевского // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 207–217.
9. Залевский Г.В. Объяснение и понимание против «циклопной психологии» // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 41–46.
10. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Методологические размышления: психология труда через призму учебника XXI века // Методология современной психологии : сб. / под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. М.–Ярославль : Ярославл. гос. ун-т, 2020. Вып. 11. С. 215–225.
11. Залевский Г.В. «Строительные леса» на здании, которое называется «психология человека» // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 79–106. DOI: 10.17223/17267080/71/4.
12. Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. Кому и как разрабатывать методологию психологии? // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 6–45.

Поступила в редакцию 27.04.2020 г.; принята 04.09.2020 г.

Мазиллов Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

E-mail: v.mazilov@yspu.org

Слепко Юрий Николаевич – кандидат психологических наук, доцент, декан педагогического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

E-mail: slepko@inbox.ru

For citation: Mazilov, V.A., Slepko, Iu.N. Psychological Research in Modern Russia: Experience of Scientometric Analysis (Based on the Materials of the Siberian Journal of Psychology). *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 10–22. doi: 10.17223/17267080/77/1. In Russian. English Summary

Psychological Research in Modern Russia: Experience of Scientometric Analysis (Based on the Materials of the Siberian Journal of Psychology)

V.A. Mazilov^a, Iu.N. Slepko^a

^aYaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 180/1, Respublikanskaya Ave., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

Abstract

The article represents the experience of scientometric analysis based on the materials of a Russian journal. The «Siberian Journal of Psychology» was chosen as the object of analysis. The magazine enjoys authority in the psychological community, it is included in the list of State Commission for Academic Degrees and Titles, is referenced in the databases Web of Science and Scopus. The thesaurus method, which is quite widespread in scientometric research in psychology, was used in the work. The whole body of articles published in the journal (1995-2019), including 1237 articles, is analyzed. The article presents the results of statistical analysis: distribution of articles posted in different sections of journals; articles on personalities, psychology as a science (directions, sections, approaches, etc.), various diseases (mental, physical, psychophysiological, etc.), the study of various social groups (normative, professional), the study of age groups (preschool, primary school, adolescent and other age), various concepts and problems. The analysis of publication dynamics in seven most popular sections reflects a living history of changes in the interest and editions of the journal, and researchers themselves to study the problems of clinical psychology, general psychology and personality psychology, social psychology, educational psychology, developmental psychology, etc. Despite the great variability of the problem field publications, we highlighted the leading sections in the journal, the most significant areas for the journal, approaches and sections of psychological science; social and age groups to which article authors are most interested; concepts, problems, phenomena of psychology, which are the subject of the largest number of articles. The authors of the article believe that over the 25-year history of the «Siberian Journal of Psychology» has acquired not only its own unique face among many other psychological publications, but also has become strongly associated, on the one hand, with a discussion of a very specific field of urgent problems for psychological science. On the other hand, the presence of the leading problems and issues discussed on the pages of the journal is unique and consistent with the high degree of variability of studies presented in the journal. All this allowed the editorial staff of the journal to enter the «Siberian Journal of Psychology» firmly into the recent history of Russian and world psychological science in a relatively short period of its history.

Keywords: psychology; science; scientometrics; "Siberian Journal of Psychology"; scientometric analysis; explanation; development trends.

References

1. Koltsova, V.A. (2008) *Istoriya psikhologii. Problemy metodologii* [History of Psychology. Methodological Problems]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
2. Eliseeva, I.N. & Oleynik, Yu.N. (2019) Naukometricheskii analiz kak metod izucheniya sostoyaniya i dinamiki nauchnogo napravleniya (na primere ispol'zovaniya kategorii "individual'nost" v nazvaniyakh dissertatsionnykh issledovaniy 1992–2018 gg.) [Scientometric analysis as a method for studying the state and dynamics of a scientific direction (a case study of the use of the category "individuality" in the titles of dissertations in 1992–2018)]. In: Zhuravlev, A.L., Nikitina, E.A. & Kharlamenkova, N.E. (2019)

- Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti* [Methodology, Theory, History of Personality Psychology]. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 218–233.
3. Vetchanina, E.G. & Malgina, G.B. (2001) Osobennosti reaktsiy beremennykh na psikhoe-motsional'nyy stress v razlichnye sroki beremennosti [Specificity of reactions in pregnant women to psychoemotional stress at different stages of pregnancy]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 14-15. pp. 150.
 4. Fedorov, A.A. (2019) Bibliometricheskii analiz publikatsiy po postneklassicheskoy psikhologii v RINTs [Bibliometric analysis of publications on post-nonclassical psychology in the RSCI]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 135–145.
 5. Zalevskij, G.V. (2001) Rogovin Mikhail Semenovich [Rogovin Mikhail Semenovich]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 14-15. pp. 6–7.
 6. Rogovin, M.S. & Zalevskij, G.V. (2001) Verifitsiruemoe i intuitivnoe poznanie psikhicheskogo [Verifiable and intuitive cognition of the psychic]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 14-15. pp. 8–12.
 7. Antsupov, A.Ya., Kandybovich, S.L. & Timchenko, G.N. (2020) *Problemy otechestvennoy psikhologii: ukazatel' 1 410 doktorskikh dissertatsiy (1935–2019 gg.)* [Problems of Russian psychology: an index of 1,410 doctoral dissertations (1935–2019)]. Moscow: Prospekt.
 8. Mazilov, V.A. (2018) “Everything in my life was for my becoming a psychologist”: on the portrait of G. V. Zalevsky. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 1. pp. 207–217. (In Russian). DOI: 10.7868/S1819265318010120
 9. Zalevskij, G.V. (2008) Explanation and understanding versus “cyclopean psychology”. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 3(1). pp. 41–46. (In Russian).
 10. Mazilov, V.A. & Slepko, Yu.N. (2020) Metodologicheskie razmyshleniya: psikhologiya truda cherez prizmu uchebnika XXI veka [Methodological reflections: labor psychology through the prism of a 21st-century textbook]. In: Kozlov, V.V., Karpov, A.V., Mazilov, V.A. & Petrenko, V.F. (eds) *Metodologiya sovremennoy psikhologii* [Methodology of Modern Psychology]. Moscow; Yaroslavl: Yaroslavl State University. pp. 215–225.
 11. Zalevskij, G.V. (2019) “Scaffolding” on the Building Called “Psychology of Human”. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 71. pp. 79–106. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/71/4
 12. Asmolov, A.G. & Guseltseva, M.S. (2015) Who and how is to develop the methodology of psychology? *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 55. pp. 6–45. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/55/1

Received 27.04.2020; Accepted 04.09.2020

Vladimir A. Mazilov – Head of the Department of General And Social Psychology Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: v.mazilov@yspu.org

Iurii N. Slepko – Dean of the Faculty of Education Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. Assoc. Professor, Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: slepko@inbox.ru

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В «СТРОИТЕЛЬНЫХ ЛЕСАХ»¹

В.А. Мазиллов^а

^а Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

Обсуждается состояние отечественной психологической науки. Традиционно считается, что психология отделилась от философии и стала самостоятельной дисциплиной во второй половине XIX столетия. Утверждается, что, вопреки распространенному мнению, психология еще не стала полностью самостоятельной наукой, так как не достигнуты необходимые для этого условия. Намечены первоочередные задачи, которые необходимо решить. Важнейшим вопросом является проблема предмета психологической науки. Анализируется реакция отечественной психологии на вызовы глобализации. Утверждается, что понимание глобализации как унификации на основе американской модели является серьезным препятствием на пути полноценного становления психологии как фундаментальной науки, что было предсказано классиками психологии XX в.

Ключевые слова: психология; наука; фундаментальная наука; объяснение; становление науки; предмет науки; система науки; методология; редукция; способности; структурно-уровневый подход.

За монизм психологии платилась высокая
цена неоправданных ограничений.
М.С. Rogovin, Г.В. Залевский

В недавнем номере «Сибирского психологического журнала» была опубликована статья Г.В. Залевского, посвященная обсуждению методологических проблем психологической науки [1]. Это, без сомнения, важное событие, так как рассмотрение методологических проблем науки в целом – большая редкость: чаще всего речь идет об отдельных методологических вопросах в связи с частными предметными областями психологии. Г.В. Залевский – известный специалист в области методологии психологии, поэтому его суждения и разработки имеют для психологии большую ценность. Накануне 25-летнего юбилея «Сибирского психологического журнала» следует позитивно отметить позицию редакционной коллегии, которая уделяет достойное внимание регулярному обсуждению на страницах этого авторитетного издания фундаментальных методологических вопросов психологической науки.

Работа Г.В. Залевского имеет знаменательное название. Речь в этой статье, напомним, идет о «строительных лесах» на здании строящейся психо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07156.

логии. Тем самым статья отсылает читателя к работам М.С. Роговина, замечательного отечественного психолога и философа психологии [2]. В своей книге в 1969 г. М.С. Роговин писал: «Вместе с расширением самой области психологического исследования, вместе со все большей дифференциацией психологии теряется из виду ее главный объект – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные “психологические механизмы”, “детерминирующие тенденции”, “содержания сознания”, “акты”, “процессы”, “обратные связи” и т.п., которые, хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [3. С. 5]. В конце 1960-х гг. М.С. Роговин провел ряд методологических исследований, к некоторым результатам которых нам придется обратиться в настоящей статье. Заметим, что для этого ученого, кстати, непосредственного учителя Г.В. Залевского, было характерно широкое, панорамное видение развития психологической науки, поэтому его свидетельства в свете темы нашей статьи имеют особую ценность. К оценкам М.С. Роговина мы еще вернемся, а пока необходимо предпринять небольшой исторический экскурс, проясняющий некоторые значимые обстоятельства рождения научной психологии.

Для того чтобы провозгласить психологию наукой, требовалось представить такой вариант этой дисциплины, который был бы научным (т.е. соответствовал принятым на тот момент критериями научности или хотя бы имел явные признаки научности) и разделялся бы, поддерживался по крайней мере частью научного сообщества. Нужно заметить, что это событие – провозглашение психологии наукой – давно ожидалось. Дж.С. Милль (1843) обосновал возможность и необходимость существования психологии как отдельной науки [4]. Огюст Конт в своей классификации наук отказал психологии в праве занять место среди научных дисциплин, так как справедливо полагал современную ему психологию целиком метафизической. Кто-то должен был взять на себя миссию, связанную с провозглашением психологии самостоятельной наукой.

Прежде всего стоит обратить внимание, что метафора «выделение» является неудачной. Эта метафора давно и широко используется в истории психологии. Она создает впечатление, что некоторая «часть философии», автономно существовавшая в недрах философского знания, заявила о своем «суверенитете», «автономии» и начала «самостоятельное существование». Это совершенно не соответствует действительности, так как физиологическая психология В. Вундта, которая и была им объявлена отдельной, «самостоятельной» наукой, выстраивалась, конструировалась автором по определенному проекту. Контуры этой дисциплины В. Вундт увидел в работах Иммануила Канта. В скобках отметим, что, на наш взгляд, Г.В. За-

левский в цитированной выше статье справедливо обращается к Канту: представляется, что многогранное кантовское влияние на развитие психологической науки проанализировано как методологией, так и историей психологии пока недостаточно. Вероятнее всего, причиной этого является миф об «антипсихологичности» системы Канта, к сожалению, достаточно распространенный. Как известно, в 1786 году Иммануил Кант в «Метафизических началах естествознания» [5] проанализировал современную ему психологию, выделив четыре ее существенных недостатка. Напомним, по Канту, психология не может использовать математику (1), эксперимент (2), в психологии нельзя обнаружить устойчивые элементы, которые можно сделать основой (3), сам метод самонаблюдения ненадежен и искажает естественный ход душевных процессов (4). Эти недостатки представлялись И. Канту настолько существенными, что его вердикт для психологии был печален: она никогда не сможет стать такой, как естественные науки.

Вундт взял эти кантовские положения за основу и решил построить научную психологию, выполнив определенные действия, которые бы «устранили» кантовскую критику. Забегая вперед, скажем, что это была психология как естественная эмпирическая наука в кантовском представлении 1786 г. Последнее важно, так как у Канта можно обнаружить и другие идеи о разработке психологии.

Заслуживают упоминания имена немецких психологов И. Гербарта и М. Дробиша. Иоганн Герbart (1776–1841) достаточно известен как сокрушитель теории способностей. Нас он интересует как исследователь, сделавший первый шаг в полемике с Кантом по поводу перспектив психологии: он обосновал применимость математики в психологии [6]. По вопросу неприменимости эксперимента в психологии И. Герbart солидарен с Кантом – психология «не смеет» экспериментировать. Но прецедент создан: одно из кантовских критических замечаний снято.

Мориц Вильгельм Дробиш (1802–1896), ныне прочно забытый, впервые стал понимать психологию как подлинно эмпирическую дисциплину. Здесь необходим комментарий. Конечно, об эмпирической психологии говорили многие и до М. Дробиша. В частности, Христиан Вольф еще в XVIII в. посвятил эмпирической психологии объемистый том [7]. Необходимо подчеркнуть, что эмпирическую психологию Вольф понимал своеобразно: обращение к опыту он рассматривал лишь как средство проверки результатов рассуждений. Не случайно он относит эмпирическую психологию к наукам теоретическим (по Вольфу, это наука «эмпирическая теоретическая»; подробнее см.: [8]). Таким образом, Дробиш – пионер эмпирической психологии, в которой опыт является предметом специального анализа, и можно говорить, что психология действительно основана на опыте [9]. В.Ф. Чиж так характеризовал эмпирическую психологию М.В. Дробиша: «Самая книга назначена служить доказательством, что построение психологии возможно “без помощи метафизики и философии вообще, а только на основании беспристрастного наблюдения, расчленения, сравнения и сопоставления явлений нашего внутреннего сознания”». Дробиш так опре-

деляет задачи эмпирической психологии: это “описание и классифицирование явлений”; следовательно, методом ее будет “верное, без предвзятой идеи, совершенно беспристрастное наблюдение, чуждое всякой теоретизации”» [10. С. 26].

Фридрих Альберт Ланге (1828–1875) в своей «Истории материализма» ("Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart", 1866) [11] дал абрис того, как может выглядеть эмпирическая психология, ориентированная на естественные науки.

Наконец, как известно, в своих «Основаниях физиологической психологии» Вильгельм Вундт обосновывает новую область знания – физиологическую психологию [12]. Это дисциплина, которая имеет свой предмет, метод, систему понятий, законы. Обратим внимание, что это дисциплина, в которой полностью устранены кантовские критические замечания к психологии 1786 г.: психология использует математику и эксперимент, устойчивые элементы испытуемый научается выделять в ходе предварительных опытов (напомним, что испытуемый допускался до исследования лишь после того, как пройдет предварительно обучающие запротоколированные 10 тыс. экспериментов), с помощью самонаблюдения изучаются лишь простейшие явления, в которых в силу их простоты и элементарности нарушить ничего нельзя. Кроме того, в состав физиологической психологии включаются ранее проведенные исследования по времени реакции (Ф. Дондерс и др.) и психофизике (Э. Вебер, Г.Т. Фехнер и др.). Обратим внимание, что фехнеровская психофизика требовала значительного переосмысления: Г.Т. Фехнер исходил из психофизиологического тождества, а Вундт рассматривал данные психофизики с точки зрения психофизиологического параллелизма.

Характерно, что Вундт понимал, что его акция преждевременна. Впрочем, приведем цитату. В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 г. писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще недостаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для выполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды, ее дополняющие и исправляющие. Кроме того, именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению» [13. С. III].

Стоит отметить, что эта попытка была благожелательно принята научным сообществом. Оценивая реакцию научного сообщества, нужно иметь в виду следующее. Провозглашение психологии наукой было событием

долгожданным. Область душевных явлений оставалась последней областью, не охваченной наукой с ее экспериментами и точными измерениями. И вот последняя «крепость» пала перед научным наступлением. Правда, пришлось закрыть глаза на некоторые недоработки. Физиологическая психология исследовала лишь элементарные психические явления, поэтому охватывала только ощущения и произвольные движения. Соответственно, все высшие психические функции в сферу ее исследований не попадали. Таким образом, предметное поле новой науки было чрезвычайно сужено. Естественно, что при таком подходе можно было настаивать на тезисе, что это наука без всяких «метафизических допущений». Обратим внимание, что и это в полной мере не удалось. Вундт прекрасно понимал, что сознание целостно. Никакие ассоциации не в состоянии объяснить, как из элементов складываются целостности. Вундту приходится постулировать наличие закона творческого синтеза и, как следствие, выводить из него апперцепцию. Апперцепция – некая сила, локализуемая в лобных долях, способная организовывать элементы опыта в целостности.

Обратим внимание, что Вундт – не атомист, отрицающий целостности. Приведем небольшую цитату из работы самого В. Вундта: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем “психическими соединениями” в широком смысле слова, или – так как все душевные процессы сложны, т.е. являются соединениями – какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно не сравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» [14. С. 118]. И далее: «С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотой и глубиной, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок» [Там же]. Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: «...в процессах ассимиляции, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение» [Там же. С. 118–119].

Согласимся, что такого психолога, хотя и настаивающего на аналитическом структурном подходе, трудно считать убежденным противником целостности. Вопрос исключительно в том, как эту целостность объяснять. Заметим, что, когда мы говорим о целостном подходе, на первый план чаще всего выходят вопросы методологические.

Современник Вундта Франц Brentano, развивавший целостный подход, отстаивавший целостность психического акта, критиковал создателя научной психологии не за невнимание к целому, а за путь к постижению целого. По мысли Brentano, есть целостные образования, которые принципиально несводимы друг к другу. Идти в их исследовании нужно от целого. В этом Brentano видит слабость эксперимента: он аналитичен и нарушает «целостность и доподлинность» психического акта, поэтому лишь самонаблюдение (при поддержке ретроспекции) может быть адекватным методом [15].

Обратим внимание на то, что вундтовская декларация о научной психологии была принята. Причем подчеркнем, что это принятие было осуществлено на разных уровнях. На официальном начали открываться психологические лаборатории, а потом и целые институты. Стали проводиться Международные психологические конгрессы. В Лейпциг со всей Европы, а потом и из других частей света, устремились желающие экспериментально исследовать душевные явления. Общий энтузиазм был вызван тем, что, наконец, наука посягнула на экспериментальное исследование души, о которой ранее только рассуждали.

Принятие вундтовской декларации опиралось на то, что это только первые результаты, дальше сфера научной психологии будет только расширяться. Формально так и происходило: если принять за показатель научности доступность для экспериментального исследования, то сфера экспериментальной психологии неуклонно расширялась: сначала память и внимание, затем речь и мышление, деятельность и научение, воля и личность...

В 20-е гг. XX в. экспериментально стали изучаться социально-психологические феномены. Кажется, что происходит триумфальное шествие экспериментальной психологии, которое исторически «завершилось» на XVIII Международном психологическом конгрессе в Москве в 1966 г. Напомним: 1966 год – всеобщая эйфория, торжество научности и экспериментального метода. Хосе Дельгадо на конгрессе докладывает о вживлении электродов в мозг животного, что позволяет модифицировать социальное поведение последнего. Кажется, еще немного – и откроются последние тайны.

Приведем заключительные слова председательствующего Карла Прибрама: «Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь, в Москве, мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука» [16. С. 87]. Складывается оптимистическая картина, согласно которой наблюдается значимый и неуклонный прогресс. Продолжают печататься материалы Конгресса (последние опубликованные статьи и доклады датированы 1969 г.).

Однако не все столь однозначно. Можно вспомнить, как в мае 1968 г. уже упоминавшийся в статье М.С. Роговин защищал докторскую диссертацию. В частности, диссертант отмечал: «Каким бы диссонансом это не звучало в настоящее время, когда результаты экспериментального метода представляются чуть ли не единственным критерием научности, этот метод сам по себе дает мало повода для размышления над содержанием научных понятий и над их исторической природой» [17. С. 2].

В этой связи можно вспомнить, что сам создатель научной психологии В. Вундт предупреждал в 1913 г., что метод эксперимента мало дает для задачи конституирования психологической науки. И, следовательно, при конституировании науки не экспериментом надо руководствоваться, а философскими основаниями [18].

Обратим внимание на то, что в 1940 г. классик психологии С.Л. Рубинштейн, осуществив анализ становления психологии наукой, пришел к выводу, что этот процесс еще не завершен [19]. С.Л. Рубинштейн пишет: «Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» [Там же. С. 70]. Исследователь подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII в. или переломному периоду от XVII к XVIII в., который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая – ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» [Там же. С. 77].

Как нам представляется, ключевым моментом в данном высказывании – глубоком и верном – является следующее: *«когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией»* (курсив мой. – В.М.).

Таким образом, задачи – если, конечно, психология желает продолжать двигаться по избранному пути – перед психологической наукой, согласно С.Л. Рубинштейну, встают следующие:

1. Оформить систему психологии.
2. Разработать совершенные методики исследования.
3. Создать научную методологию.

С.Л. Рубинштейн, как представляется, пытался эту систему задач решить. В частности, его монументальные «Основы общей психологии» [20, 21] представляли собой попытку создания именно системы мировой психологии.

В силу ряда причин это не удалось [22, 23]. Обратим внимание, что этого вопроса касался в своей диссертации 1968 г. и М.С. Роговин. В частности,

вчитаемся в текст автореферата, где он отмечал: «Совершенно несомненно, что в наши дни психология переживает период бурного развития, как экстенсивного, так и интенсивного. Налицо все большее преобладание тонкого лабораторного эксперимента, использование математически выверенных методов обработки этих экспериментов. Такая тенденция, несомненно, прогрессивна в своей основе, ибо нет и не может быть иного пути превращения в действительно научную дисциплину того пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий, который представляла традиционная психология» [17. С. 2]. Отсюда следует, что психология пока лишь на пути превращения в «действительно научную дисциплину», но ею еще не стала. Хотя и превращается в нее из *«пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий»*.

В итоге мы можем констатировать, что проблема в полном объеме не решена до сих пор. Как нам представляется, решить эту систему взаимосвязанных задач возможно. Главным условием, выполнение которого необходимо для удовлетворительного решения всех трех вышеуказанных признанным классиком психологии задач, является, на наш взгляд, разработка проблемы *предмета психологической науки*.

Об этом прекрасно написал Г.В. Залевский: «На мой взгляд, недостаточно понимать систему, в том числе и методологическую, только с позиции взаимосвязи составляющих ее элементов, не учитывая того, что каждый элемент играет свою роль в этой взаимосвязи, во-первых, и во-вторых, по мере усложнения живой системы – от клетки до человека и человеческого сообщества – эти взаимосвязи все больше иерархизируются с появлением «командного» элемента, играющего роль интегратора всех элементов системы. С моей точки зрения, в интегративной методологии таковым элементом и является *предмет психологии* (точнее, понимание предмета, что для нас выступает в качестве предмета психологии)» (курсив мой. – В.М.) [24. С. 198].

Обратим внимание, что предмет психологии – не просто широкое психологическое понятие. Можно сказать, что история психологии – это история поисков ее подлинного предмета. Это совершенно особое психологическое понятие, роль его чрезвычайно велика. Не случайно на последнем саммите психологов в Петербурге (2–4 июня 2019 г.) А.Г. Асмолов обратился к психологам с призывом: «Мы все время с завидным комплексом неполноценности ищем свой предмет. Мы ищем его уже которую тысячу лет. Но, родные мои, дорогие мои, я еще раз акцентирую внимание: лучше нам с вами быть с комплексом неполноценности, чем с тем комплексом, который я называю комплексом полноценности...» [25].

По нашему глубокому убеждению, так называемый кризис психологии на глубинном уровне означает нерешенность проблемы предмета психологии. Все симптомы кризиса связаны с невозможностью использовать главный методологический инструмент – категорию «предмет психологической науки», который в нынешних условиях не может реализовать свои основные функции, поскольку понимается как частичный, а не совокупный.

В специальной работе автора показано, что конструктивное разрешение наиболее актуальных методологических проблем, стоящих перед современной психологией, требует в качестве необходимого условия предварительного решения центральной проблемы – предмета психологической науки (реагирование психологии на вызовы глобализации; организация эффективных междисциплинарных исследований; интеграция психологического знания и т.д.) [26].

Нам уже приходилось писать о том, что, по нашим представлениям, возможно понимание предмета, которое может составить основу для решения вышеперечисленных задач. Это представление о предмете психологии как во внутреннем мире человека [27].

Обратим внимание, трактовка предмета психологии как совокупного предмета создает возможность для того, чтобы преодолеть значимую опасность для психологии, о которой предупреждали М.С. Роговин и Г.В. Залевский. Это та опасность, которая породила метафору, давшую название и статье Г.В. Залевского, на которую мы уже ссылались, и настоящей статье. Вначале процитируем автореферат докторской диссертации М.С. Роговина: «Психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением» [17. С. 2]. Полагаю, каждому, кому по долгу службы приходится работать в диссертационных советах, знакомо фантазмагорическое чувство, возникающее, когда диссертант докладывает свою работу и при этом серьезно считает психической реальностью наименования шкал опросника, который он имел несчастье использовать. Увы, это характерно не только для соискателей ученой степени, но и для некоторых маститых ученых...

Мы уже приводили рассуждение М.С. Роговина, о том живой человек – единственный настоящий объект психологии. И когда на его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержания сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые, *«хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии»* (выделено Г.В. Залевским), хотя и углубляют понимание закономерностей психики, но, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, они заслоняют собой конечную цель психологического исследования.

Согласно Г.В. Залевскому, в основу его известных исследований положен *целостно-ценностный подход в контексте антропологической психологии*. Выразим солидарность с тезисом Г.В.Залевского, так как, по нашему мнению, антропологизм в психологии необходим. «В рамках такого подхода человек (антропос, т.е. человек, устремленный ввысь) и его здоровье понимаются как целостно-ценностные образования, биопсихосоционотическое / духовное единство со структурно-уровневым строением, высшим и интегрирующим уровнем которого является духовный уровень (духовность и духовное здоровье). Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни «человеческих связей с миром» (А.Н. Леонтьев), «взаимодей-

ствия с действительностью» (А.В. Брушлинский), «разные уровни бытия» (Л.Р. Правдина)» [1. С. 71]

Г.В. Залевский, цитируя работу Е.Б. Старовойтенко, указывает, что можно мыслить эти уровни как «миры (пространства), где совершаются развитие и саморазвитие личности, которые могут быть структурированы следующим образом: мир (пространство) телесности, психологический (функциональный и душевный) мир, общественный (социальный, духовный, культурный) мир» [Там же]).

Мы, не претендуя на охват антропологической проблематики в целом (поскольку это грандиозная по своим масштабам задача), предлагаем использовать в качестве совокупного предмета *внутренний мир человека*. Поскольку нам уже приходилось давать развернутую характеристику внутреннего мира [27], обратимся к рассмотрению наиболее принципиальных моментов [28].

Было предложено в качестве предмета психологии понимать внутренний мир человека (развернутую характеристику внутреннего мира см.: [27, 28]), рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный, идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет *психе как целое*, который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера объяснять психическое через психическое становится реальным. Можно сказать, что в настоящем подходе реализован научный идеал, выраженный В. Дильтеем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать «одушевляющие связи». Достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией [29].

Традиционная психология не может полностью избавиться от функционализма, поскольку отдельные психические процессы взаимодействуют там как различные явления. Между психическими процессами, с одной стороны, и психическими свойствами, с другой стороны, при традиционном понимании имеется серьезный разрыв. В рамках предмета, трактуемого как внутренний мир человека, эти разрывы снимаются.

Внутри внутреннего мира как целого может быть переосмыслено традиционное понимание роли тех или иных его составляющих. Если внутренний мир существует – а он, несомненно, существует реально, – то он

имеет онтологический статус, что является основанием для того, чтобы изучающая его психология могла считать себя фундаментальной наукой. Понимание психического как процесса важно и значимо. Конечно, психическое может рассматриваться как процесс, но это не единственная форма существования психического. Более того, психическое как процесс существует благодаря тому, что есть постоянная основа для возникновения актуального психического процесса. В рамках внутреннего мира психические процессы (психические функции) могут быть рассмотрены как проявления способностей. Легко увидеть, что способности – это то, что объединяет все психические процессы, психические свойства человека, мотивацию.

Обратим особое внимание на то, что способности в рамках внутреннего мира рассматриваются на трех уровнях: на уровне природных качеств, на уровне субъекта деятельности и на уровне личности [30]. Подчеркнем, что на уровне личности выделяются в качестве особого класса духовные способности. Это, на наш взгляд, открывает новые перспективы в понимании смысловой сферы человека (человека ноэтического, выражаясь терминами Г.В. Залевского).

Кратко остановимся еще на одном вопросе, который, однако, имеет важнейшее значение. Как нам представляется, в современной психологии возобладали традиции, в соответствии с которой обсуждение проблемы предмета психологии как науки сводится к поиску «единиц», или «клеточек», заменяющих в процессе исследования собственно предмет. Оправданием подобного логического хода является ссылка на авторитеты, которые многократно утверждали, что «клеточку изучать легче, чем целое».

Конечно, для этого есть резон, да и история науки подтверждает продуктивность подобной стратегии исследования. Во избежание возможных недоразумений сразу же заявим нашу позицию: подобная стратегия неперспективна в подходе к трактовке предмета психологии как науки. Использование такого подхода при исследовании конкретных вопросов в данном тексте под сомнение не ставится (хотя автор полагает, что при принципиальной нерешенности проблемы предмета научной психологии продуктивность решения того или иного конкретного вопроса заметно снижается, но это мы в рамках настоящей статьи обсуждать не будем).

Как можно полагать, в нашей отечественной психологии первым этот подход начал использовать Л.С. Выготский. В свое время он стремился создать марксистскую психологию, поэтому обратился к трудам Карла Маркса. Взяв за основу логику марксова «Капитала», позаимствовав у Маркса идею «клеточки», он перенес на проблематику психологии этот подход, результатом чего явилась известная концепция «анализа по единицам» (в противоположность анализу по элементам). В 1927 г. Л.С. Выготский пишет трактат «Исторический смысл психологического кризиса». В нем, как известно, ученый ставит один из своих диагнозов: «*Существуют две психологии – естественнонаучная, материалистическая, и спиритуалистическая: этот тезис вернее выражает смысл кризиса...*» [31. С. 381]. Выход из кризиса может быть найден путем построения методологии пси-

хологии («диалектики психологии»). Психологии нужен свой «Капитал». «Кризис поставил на очередь разделение двух психологий через создание методологии... психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно» [31. С. 422–423].

Итак, выход из кризиса Выготский видел в создании методологии, «общей психологии». В качестве средства предлагался аналитический метод («весь “Капитал” написан этим методом...»), предполагающий выделение «клеточки» и исходящий из того, что «развитое тело легче изучить, чем клеточку» [Там же. С. 407]. (Заметим, что Л.С. Выготский находился в постоянном поиске, поэтому за свою короткую творческую жизнь он успел сформулировать несколько совершенно различных диагнозов методологического кризиса. В данном тесте мы этого вопроса касаться не будем. Об этом см.: [27].)

Л.С. Выготский, как известно, писал в «Мышлении и речи» (1934): «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства... Психологии, желающей изучить сложные единства, необходимо понять это. Она должна заменить методы разложения на элементы методом анализа, расчленяющего на единицы. Она должна найти эти неразложимые, сохраняющие свойства, присущие данному целому как единству, единицы, в которых в противоположном виде представлены эти свойства, и с помощью такого анализа пытаться решить встающие перед ними вопросы» [32. С. 9]. Как отмечал отечественный методолог психологии В.П. Зинченко, «проблема конструирования единиц анализа, адекватных той или иной предметной области исследования или данному конкретному предмету той или иной науки, решается как на уровне философской методологии, так и на уровне методологии конкретно-научной» [33. С. 81].

Напомним, что в своей книге В.П. Зинченко, обосновывая анализ по единицам, цитирует исследования замечательного отечественного философа науки Э.Г. Юдина [34]. Обратим внимание на то, что Э.Г. Юдин приводит примеры успешного использования этой технологии исследования, взятые из социально-экономической теории, эволюционной биологии, экологии. Иными словами, это примеры из области естественных либо социальных наук. Возникает резонный вопрос: насколько анализ, хорошо зарекомендовавший себя в естественных и социальных науках, применим к психологии? Как ни удивительно, вопрос о принадлежности современной психологии к той или иной группе научных дисциплин, как представляется, не решен. Некоторое время тому назад признавалась аргументация, в соответствии с которой разные уважаемые авторы отводили психологии особое место в классификации наук (Б.М. Кедров, Ж. Пиаже). Это означало, что психологию нельзя однозначно отнести к естественным, социальным или философским наукам – она имеет тесные двусторонние связи с этими группами дисциплин. Сейчас почему-то считается, что психология при-

надлежит к классу социогуманитарных дисциплин, хотя научное обоснование, сравнимое с кедровским, как представляется, просто отсутствует. Есть подозрения, что такая квалификация психологии была порождена «оптимизирующим» ходом мысли чиновника Министерства образования и науки, упорядочивающего подготовку аспирантов в области философии науки, но не эпистемологическими исследованиями, о чем приходится сожалеть.

В разных группах дисциплин свои закономерности, поэтому не стоит удивляться: что очевидно для естественной науки, не обязательно должно быть правильным для гуманитарной.

Что касается психологии, она имеет свою специфику; общие философские наработки в психологии зачастую непосредственно не применимы.

Как нам представляется, это справедливо для современной психологии. В нашей стране психология в значительной степени приобрела настоящий вид под влиянием марксизма. Вероятно, по-другому и быть не могло. В советской психологии возражать против позиции, освященной именем Маркса, не мог никто. Даже мудрый С.Л. Рубинштейн разделял эту позицию: «Для того чтобы понять многообразные психические явления в их существенных внутренних взаимосвязях, нужно прежде всего найти ту “клеточку” или ячейку, в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве» [21. С. 173].

Обратим внимание на один момент: если с конструированием единиц анализа, «адекватных области исследования», все совершенно ясно – это перспективный подход к конкретному исследованию, то относительно применимости этого тезиса к «предмету науки» есть много сомнений. Не имея возможности обсуждать здесь этот вопрос сколь-нибудь подробно, обратим внимание, что на нынешнем уровне развития психологической науки адекватные целостному предмету единицы вряд ли могут быть сконструированы. Дело в том, что по большому счету мы пока не постигли сущности психического. Как прекрасно по этому поводу выразился Карл Юнг, мы пока далеки, чтобы понять сущность психологического фактора: «мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность» [35. С. 418]. Раз мы не понимаем в точности сущности целого, вряд ли мы сможем сконструировать единицы, отражающие эту не вполне понятную нам сегодня сущность.

Пока нам не известна природа души – подлинного предмета психологии, – мы должны выбирать объекты нашего психологического исследования с большой осторожностью. Как нам представляется, нельзя допускать замены целостного совокупного предмета на клеточку или единицу. Ведь это должна быть такая единица, которая содержит в себе не только основные составляющие души (что само по себе проблематично), не говоря уже о том, что там должно быть представлено духовное начало. Большой вопрос про составные части последнего пока что остается без ответа.

Итак, повторим: как представляется, эта стратегия применительно к *предмету психологии* неприменима. Сам по себе анализ по единицам в противо-

вес анализу по элементам возражений не вызывает. Как метод исследования частных научных вопросов он, несомненно, имеет право на существование. Возражение вызывает, как уже отмечалось, применение его к предмету психологии.

Обратим внимание на один принципиальный момент. Нам уже приходилось писать о том, что логика выделения единиц неизбежно приводит к тому, что происходит «воплощение» психического, в частности его сведение к тем или иным моделирующим представлениям [26]. Иными словами, уже в процессе понимания психического происходит определенная редукция. Такое сведение представляется неизбежным.

Этого не произойдет, если мы будем понимать *под предметом науки психологии целостность*, т.е. *совокупный предмет*. Это создает принципиальную возможность идти не от элементов или единиц, а именно *от целого*. В нашем случае моделирующим представлением выступает «мир», но внутренний мир, который имеет свою архитектуру, созданную на основе опыта философских и психологических исследований в предшествующие столетия. Обратим внимание еще на один момент. Это единство не задается декларативно, а обнаруживается через единство входящих в него компонентов, которые трактуются не как разнородные, а, напротив, как взаимообусловленные. Именно поэтому можно утверждать, что при таком подходе используется нередуктивная логика исследования.

История поиска единиц достаточно длительна, но принципиального прорыва она пока не принесла. Во всяком случае длинный список единиц психического, использование которых в психологии себя не оправдало, приведенный в цитированной работе В.П. Зинченко, убеждает, что, возможно, это не тот путь, который ведет к успеху. Поэтому нам представляется, что более надежной исследовательской стратегией является работа с целостным, совокупным предметом.

Нельзя не остановиться еще на одном моменте. Как можно полагать, признаками зрелой науки являются накопление знаний и ее поступательное развитие (что бы ни писали сторонники теории научных революций и «перерывов постепенности»). В науке должны происходить аккумуляция знаний, учет и использование того, что было наработано. Наоборот, признаком незрелости может являться перманентный поиск новых подходов, что мы в изобилии обнаруживаем в психологии. Образно выражаясь, нацеленность на изобретение оригинальных подходов, скорее, ассоциируется с юношеским максимализмом. В этом случае условием перехода к зрелой науке можно полагать использование совокупного предмета.

Хочется подчеркнуть, что совокупный предмет – это не «лоскутное одеяло», а единая область. Единства предметной области мы еще коснемся в рамках настоящего текста. Обратим внимание, что об этом на заре научной психологии писал В.Ф. Чиж, замечательный русский психолог и методолог психологии. В далеком 1886 г. он отмечал: «В прошлом психологии мы не находим самого главного признака того, что предмет изучался научно, – равномерного прогресса; известно, например, как мало помалу разви-

валаась механика, выяснялись новые факты, создавались все более и более объясняющие теории, предыдущее дополнялось, а не уничтожалось последующим; не то в психологии: каждая новая система прежде всего объявляла несостоятельными все предыдущие, потому что это были метафизические системы психологии, а не последовательная разработка психологии как науки» [10. С. 5]. На первый взгляд может показаться, что это высказывание целиком относится к прошлому психологии, тем более что с момента написания этих строк прошло без малого полтора столетия, включивших в себя XX в., когда были получены наиболее важные результаты. Однако более пристальный взгляд позволяет заключить, что в оценке русского мыслителя, сделанной в XIX столетии, заключено рациональное зерно, делающее это высказывание во многом актуальным: «последовательной разработки» психологии как науки по-прежнему нет, поскольку есть соперничающие подходы. Есть основания полагать, что происходит так исключительно потому, что отсутствует совокупный предмет психологической науки, тогда как различные конкурирующие направления и подходы конструируют свои частные предметы.

Таким образом, использование совокупного предмета позволяет выйти на новый уровень интеграции психологического знания в научной психологии. Предлагая широкую трактовку предмета, мы тем самым получаем возможность вписать то, что было получено ранее, в новую общую схему. О внутреннем мире как предмете психологии писал в 1917 г. С.Л. Франк [36]. Такого же мнения придерживались другие психологи. Здесь не место обсуждать историю исследований внутреннего мира человека.

До недавнего времени не было возможности рассматривать внутренний мир человека в его целостности, внутренний мир был общей идеей. Работы В.Д. Шадрикова, в которых внутренний мир не только был провозглашен предметом психологии, но и была представлена его архитектоника, сделали возможным конкретизировать и операционализировать внутренний мир человека, в связи с чем возникает возможность конкретно пересмотреть основные психологические понятия, выявив новые отношения между ними [28, 29].

Следует особо подчеркнуть, что когда мы говорим о целостном понимании предмета, о совокупном предмете, это никоим образом не означает, что он не дифференцирован, не имеет внутренней структуры.

Обратим внимание на следующие моменты.

Когда говорят об изменении трактовки предмета психологии, обычно имеется в виду отказ от старого понимания и предлагается «революционная» декларация об изменении трактовки. Обычно это означает призыв к «перерыву постепенности» и переход к новому подходу, т.е. содержится претензия на совершение революции. В данном случае ничего подобного не предполагается, ибо ничего не отвергается: практически все понятия, которые включаются в общую психологию, сохраняются. Результаты, полученные ранее, также сохраняются, лишь дополнительно устанавливаются новые связи и отношения, которые нельзя было установить ранее, так как не существовало объединяющего целого.

Возникает вопрос: за счет чего происходит содержательное объединение предмета, выступающего как целостность? Ответ простой: за счет внутреннего объединения, позволяющего органично соединить то, что ранее выступало исключительно как разнородное. Центральным понятием в данном случае выступают способности. В настоящем подходе способности рассматриваются как центральное организующее понятие, позволяющее органично связать психические процессы (понимаемые как способности) с личностными чертами, мотивацией и формами активности. Подобного рода переосмысление было осуществлено в работах В.Д. Шадрикова и его последователей [28, 29]. Внутренний мир человека имеет свою архитектуру, которая была описана и представлена в [14]. Общая психология выступает как наука о внутреннем мире человека, имеющем структуру и уровневое строение.

Отметим следствия такого рассуждения:

- удовлетворительное решение получает психофизиологическая проблема, поскольку функционирование внутреннего мира обеспечивается работой соответствующей функциональной системы [28];

- снимается конфликт между конкурирующими принципами отражения и конструктивизма, поскольку во внутреннем мире разграничиваются сферы их действия [27];

- удовлетворительно решается биосоциальная проблема обусловленности внутреннего мира человека, поскольку способности – центральное системообразующее понятие в структуре внутреннего мира – рассматриваются на трех уровнях: уровне природных способностей, уровне субъекта деятельности и личностном уровне, что позволяет четко понять и развести влияние указанных факторов;

- внутренний мир рассматривается как имеющий онтологический статус, поэтому психология получает реальное основание считаться фундаментальной наукой, изучающей реально существующие явления [27];

- пересматривается роль объяснения в психологии, появляется возможность нередуктивного объяснения, позволяющего производить причинно-следственное и другие виды объяснения в пределах предмета психологической науки [26].

Подводя итог, отметим, что, как нам представляется, будущее психологической науки связано с использованием именно совокупного предмета психологии. В настоящей статье как перспективный вариант трактовки совокупного предмета предлагается внутренний мир человека.

У Канта есть замечательный образ. Он говорит, что если у ученого отсутствует «философский глаз», он становится циклопом, замыкается в пред-рассудках какой-либо области знания. Эту метафору часто продуктивно использует Г.В. Залевский [37]. Возможна и иная интерпретация этой кантовской метафоры. Психология, как можно полагать, будет оставаться «циклопной», если один ее глаз будет направлен на конкретную исследуемую область, что совершенно естественно. Нужен второй глаз, направленный на целостный предмет, чтобы не терялась перспектива: что именно

исследуется, что является вспомогательными приспособлениями, «леса-ми», а что имеет непосредственное отношение к предмету психологической науки. В этом случае, надо полагать, «циклопности» не останется, а психология будет развиваться поступательно и полностью соответствовать статусу фундаментальной науки.

Литература

1. Залевский Г.В. «Строительные леса» на здании, которое называется психология человека // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 79–106. DOI: 10.17223/17267080/71/4.
2. Залевский Г.В., Мазиллов В.А. Строитель мостов и разрушитель стен. М.С. Роговин и его вклад в становление психологии как науки // Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки : сб. ст. / под ред. В.А. Мазилова. Ижевск : ERGO, 2016. С. 137–158.
3. Роговин М.С. Введение в психологию. М. : Высшая школа, 1969. 384 с.
4. Mill J.S. A System of logic. New York : Harper, 1846. 593 p.
5. Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.
6. Гербарт И.Ф. Психология. СПб. : Пантеон литературы, 1895. 278 с.
7. Wolff Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae actheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae : Libraria Rengeriana, 1738. 720 p.
8. Майоров Г.Г. Вольф // Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1989. С. 96–97.
9. Drobisch M. Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode. Leipzig : Voss, 1842. XII, 355 S.
10. Чиж В.Ф. Научная психология в Германии. СПб. : Унив. тип. (М. Катков), 1886. 107 с.
11. Lange F.A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Serlohn ; Leipzig : J. Baedeker, 1887. 845 S.
12. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig : Engelmann, 1874. XII, 870 S.
13. Вундт В. Основания физиологической психологии. М. : Тип. М.Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
14. Вундт В. Основы физиологической психологии. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1908. Вып. 1: Естествознание и психология. 136 с.
15. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Leipzig : Duncker & Humblot, 1874. Bd. 1. 278 S.
16. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 86–96.
17. Роговин М.С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1968. 28 с.
18. Вундт В. Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии. СПб. : Образование, 1913. Сб. 10: Методы психологии II. С. 93–131.
19. Рубинштейн С.Л. Философские корни экспериментальной психологии // Проблемы общей психологии. М. : Педагогика, 1973. С. 68–90.
20. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. : Госпедиздат, 1940. 595 с.
21. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. М. : Госпедиздат, 1946. 704 с.
22. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2017. 419 с.
23. Мазиллов В.А. Психология в эпоху глобализации: поиски собственного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 6. С. 149–153.

24. Залевский Г.В. Рецензия на монографию В.А. Мазилова «Методология психологической науки. История и современность» // Сибирский психологический журнал 2019. № 71. С. 197–200.
25. Асмолов А.Г. Вечный вопрос психологии: помогает ли решение проблем психологии разрешать «психологические проблемы»? URL: <https://psy.su/feed/7542/>
26. Мазиллов В.А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 180 с.
27. Мазиллов В.А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. № 6. С. 60–70.
28. Шадриков В.Д. Внутренний мир человека. М. : Логос, 2006. 386 с.
29. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология : учебник для акад. бакалавриата. М. : Юрайт, 2015. 411 с.
30. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека. М. : Ин-т психологии РАН, 2019. 274 с.
31. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собрание сочинений. М. : Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
32. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934. 304 с.
33. Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М. : МГУ, 1983. 164 с.
34. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности : методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978. 392 с.
35. Jung K.G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie // Ges. Werke. 1967. Bd. 8. S. 418–423.
36. Франк С.Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб. : Наука, 1995. С. 417–632.
37. Залевский Г.В. Объяснение и понимание против «циклопной» психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 41–47.

Поступила в редакцию 26.02.2020 г.; принята 04.09.2020 г.

Мазиллов Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.
E-mail: v.mazilov@yspu.org

For citation: Mazilov, V.A. Psychological Science in "Scaffolding". *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 23–43. doi: 10.17223/17267080/77/2. In Russian. English Summary

Psychological Science in "Scaffolding"

V.A. Mazilov^a

^aYaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 180/1, Respublikanskaya Ave., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

Abstract

The article discusses the state of Russian psychological science. Traditionally, it is said that psychology separated from philosophy in the second half of the 19th century and became an independent discipline. It is argued that, contrary to popular opinion, psychology has not yet become a fully independent science, the process of its formation continues into the pre-

sent. S.L. Rubinstein (1940), of M.S. Rogovin (1968) argue in favor of not completed yet formation of psychology as a science, because the necessary conditions are not achieved. This problem is international, that is, a problem of the world of psychology in general. The article shows that the validity confirmation of such qualification status of psychology is the conclusion of some psychologists that the methodological crisis in psychology is permanent and associates with the unresolved fundamental issues of psychology related to the strategy of mental study in present conditions. The article set the priorities that are to be discussed in psychology on its way to becoming a full-fledged fundamental science. The most important issue requiring a decision and exposed the key to psychology is the problem of subject in psychological science. The article analyzes the reaction of Russian psychology to the challenge of globalization. It is argued that the understanding of globalization as unification on the basis of the American model is a serious obstacle to the full development of psychology in fundamental science, which was predicted by the classics of psychology of the 20th century.

Keywords: psychology; science; basic science; explanation; development of science; subject of science; system of science; methodology; reduction; abilities; structural-level approach.

References

1. Zalevskij, G.V. (2019) "Scaffolding" on the Building Called "Psychology of Human". *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 71. pp. 79–106. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/71/4
2. Zalevskij, G.V. & Mazilov, V.A. (2016) Stroitel' mostov i razrushitel' sten. M.S. Rogovin i ego vklad v stanovlenie psikhologii kak nauki [Bridge builder and wall destroyer. M.S. Rogovin and his contribution to the formation of psychology as a science]. In: Mazilov, V.A. (ed.) *Vokrug "Sten i mostov": razmyshleniya o metodologii psikhologicheskoy nauki* [Around "Walls and Bridges": reflections on the methodology of psychology]. Izhevsk: ERGO. pp. 137–158.
3. Rogovin, M.S. (1969) *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to Psychology]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Mill, J.S. (1846) *A System of Logic*. New York: Harper.
5. Kant, I. (1966) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 6. Translated from German. Moscow: Mysl'.
6. Herbart, I.F. (1895) *Psikhologiya* [Psychology]. Translated from German. St. Petersburg: Panteon literatury.
7. Wollf, Ch. (1738) *Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae actheologicae naturalis tractationem via sternitur*. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana.
8. Mayorov, G.G. (1989) Vol'f [Wolf]. In: Ilichev, L.F. & Fedoseev, P.N. (eds) *Filosofskiy entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya. pp. 96–97.
9. Drobissh, M. (1842) *Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode*. Leipzig: Voss.
10. Chizh, V.F. (1886) *Nauchnaya psikhologiya v Germanii* [Scientific psychology in Germany]. St. Petersburg: Univ. tip. (M. Katkov).
11. Lange, F.A. (1887) *Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart*. Serlohn; Leipzig: J. Baedeker.
12. Wundt, W. (1874) *Grundzüge der physiologischen Psychologie*. Leipzig: Engelmann.
13. Wundt, W. (1880) *Osnovaniya fiziologicheskoy psikhologii* [Fundamentals of physiological psychology]. Translated from German. Moscow: Tip. M.N. Lavrova i Ko.

14. Wundt, W. (1908) *Osnovy fiziologicheskoy psikhologii* [Fundamentals of physiological psychology]. St. Petersburg: Tip. P.P. Soykina.
15. Brentano, F. (1874) *Psychologie vom empirische Standpunkte*. Vol. 1. Leipzig: Duncker & Humblot.
16. Garai, L. & Kechke, M. (1997) Eshche odin krizis v psikhologii! [Another crisis in psychology!]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*. 4. pp. 86–96.
17. Rogovin, M.S. (1968) *Elementy obshchey i patologicheskoy psikhologii v postroenii psikhologicheskoy teorii* [Elements of general and pathological psychology in the construction of a psychological theory]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
18. Wundt, W. (1913) *Psikhologiya v bor'be za sushchestvovanie* [Psychology in the struggle for existence]. In: Lossky, N.O. & Radlov, E.L. (eds) *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. Vol. 10. St. Petersburg: Obrazovanie. pp. 93–131.
19. Rubinstein, S.L. (1973) *Problemy obshchey psikhologii* [Philosophical roots of experimental psychology]. Moscow: Pedagogika. pp. 68–90.
20. Rubinstein, S.L. (1940) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow: Gospedizdat.
21. Rubinstein, S.L. (1946) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. 2nd ed. Moscow: Gospedizdat.
22. Mazilov, V.A. (2017) *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Methodology of Psychological Science: History and Present]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
23. Mazilov, V.A. (2018) *Psikhologiya v epokhu globalizatsii: poiski sobstvennogo puti* [Psychology in the era of globalization: the search for your own path]. *Psikhologicheskij zhurnal*. 39(6). pp. 149–153.
24. Zalevskij, G.V. (2019) Review of the monograph “Methodology of Psychology. History and Contemporaneity” by V.A. Mazilov. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 71. pp. 197–200. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/71/11
25. Asmolov, A.G. (n.d.) *Vechnyy vopros psikhologii: pomogaet li reshenie problem psikhologii razreshat' “psikhologicheskie problemy”?* [The eternal question of psychology: does the problem solving of psychology help to solve “psychological problems”?]. [Online] Available from: <https://psy.su/feed/7542/>
26. Mazilov, V.A. (2020) *Predmet psikhologii* [The Subject of Psychology]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
27. Mazilov, V.A. (2019) *De anima: Predmet psikhologii i granitsy ego postizheniya* [De anima: The subject of psychology and the boundaries of its comprehension]. *Vysshee obrazovanie segodnya – Higher Education Today*. 6. pp. 60–70.
28. Shadrikov, V.D. (2006) *Vnutrenniy mir cheloveka* [Human Inner World]. Moscow: Logos.
29. Shadrikov, V.D. & Mazilov, V.A. (2015) *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. Moscow: Yurayt.
30. Shadrikov, V.D. (2019) *Sposobnosti i odarennost' cheloveka* [Human abilities and giftedness]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
31. Vygotsky, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 291–436.
32. Vygotsky, L.S. (1934) *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speaking]. Moscow: [s.n.].
33. Zinchenko, V.P. & Smirnov, S.D. (1983) *Metodologicheskie voprosy psikhologii* [Methodological issues of psychology]. Moscow: Moscow State University.
34. Yudin, E.G. (1978) *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti: metodologicheskie problemy sovremennoy nauki* [System approach and principle of activity: methodological problems of modern science]. Moscow: Nauka.
35. Jung, K.G. (1967) *Ges. Werke*. Vol. 8. pp. 418–423.
36. Frank, S.L. (1995) *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [The Subject of Knowledge. Human Soul]. St. Petersburg: Nauka. pp. 417–632.

37. Zalevskij, G.V. (2008) Explanation and understanding versus “cyclopean psychology”. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 3(1). pp. 41–46. (In Russian).

Received 26.02.2020; Accepted 04.09.2020

Vladimir A. Mazilov – Head of the Department of General And Social Psychology Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. Professor, D. Sc. (Psychol.).
E-mail: v.mazilov@yspu.org

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ЛИЧНОСТИ

М.В. Клементьева^а

^а Тульский государственный университет, 300012, Россия, Тула, пр. Ленина, 92

Дан краткий обзор современной научной дискуссии о конструкторе биографической рефлексии и обсуждены проблемы ее исследования в рамках актуальных направлений психологии развития личности. Спорадичность биографической рефлексии автор связывает с гетерогенными механизмами рефлексивного анализа автобиографического Я и методологической трудностью их исследования. Предложена оригинальная концепция биографической рефлексии как ресурса развития личности во взрослости и показан ее объяснительный потенциал.

Ключевые слова: биографическая рефлексия; развитие; личность; взрослость; жизненный путь; ресурс; самодетерминация; саморазвитие; автобиографическое.

Постановка проблемы биографической рефлексии в психологии

Вызовы и стремительные трансформации общества в XXI в. изменяют социальную ситуацию развития, традиционный жизненный цикл и жизненные отношения взрослых людей. Отчуждение от традиций, гибкая и самостоятельная регуляция жизненного пути, свобода выбора траекторий развития, попытка контролировать события своей жизни, подчеркивание собственного достоинства и аутентичности – таковы особенности развития современных взрослых людей. Однако индивидуализация жизненного пути и «биографическое экспериментирование» не только несут свободу, но и повышают уязвимость к рискам развития, поскольку человек при этом теряет важнейшие социально-культурные ресурсы поддержки и берет на себя ответственность за результативность собственной жизни. Кроме того, «авторство» жизни не означает безусловного признания взрослым человеком самоэффективности и того, что жизненный путь сложился так, как было запланировано: саморегуляция и самодетерминация могут быть конструктивными или ошибочными и неудачными, иметь желательные или нежелательные, в том числе негативные, последствия, приводить к саморе-

ализации или вызывать сожаление и отчаяние. В связи с этим *проблема внутренних личностных ресурсов развития*, способствующих повышению самоэффективности и качества жизни современных взрослых людей, приобретает все большую актуальность, делая чрезвычайно востребованными практикой психологические исследования явлений, выступающих детерминантами процессов саморазвития, самодетерминации, саморегуляции. Одним из таких явлений, получивших трактовку в современной психологии, является *биографическая рефлексия*.

Биографическая рефлексия – вид рефлексии, проявляющейся в осознании и анализе жизненного пути личности. Область ее проявления – события жизни, когда актуализируются возможности саморазвития, а жизненные изменения осознаются как условия переосмысления автобиографического «Я». Являясь механизмом самоисследования личности и ее жизненного пути, биографическая рефлексия способствует переосмыслению своего «Я», своей жизни, своих отношений с миром, обретению контроля над качеством своей жизни во времени и утверждению авторства над своей судьбой.

Предпосылки изучения биографической рефлексии сформированы гуманитарной традицией исследования рефлексивного автобиографического «Я» в текстах личного содержания (исповедях, дневниках, автобиографиях, биографиях, мемуарах и пр.) и оформившимся в современной науке пониманием биографической рефлексии как устойчивого *психологического свойства* автобиографического субъекта (см. обзор: [1]). Теоретический и практический интерес к биографической рефлексии появился в начале XX в. одновременно с научной психологией в работах Ш. Бюлер, В. Штерна, Г. Мюррея, Н.А. Рыбникова, С.Л. Рубинштейна, однако вплоть до настоящего времени конструкт биографической рефлексии не имел своего концептуального и операционального психологического наполнения. Как в классических, так и в современных психологических работах нередко упоминается биографическая рефлексия, однако сама она редко выступает в качестве специального предмета исследования.

Традиционно в психологии биографическая рефлексия рассматривается как *биографический метод* исследования личности и закономерностей ее развития в масштабе жизненного пути (см. обзор: [2]). Подобное положение, на наш взгляд, обусловлено методологическим «парадоксом рефлексии» [3], когда рефлексивный процесс влияет на объект рефлексии, а рефлексивные механизмы как метапроцессы регуляции своего жизненного мира выступают внутренними ресурсами личностного потенциала, отмечают С.А. Богомаз, В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева и М.А. Подойницина [4]. Иными словами, биографическая рефлексия, являясь механизмом регуляции жизненного пути, влияет на его структуру и функционирование целом. Научный анализ объектов биографической рефлексии (например, субъективной картины жизненного пути, автобиографических знаний, смысла жизни, автобиографического «Я», жизненных сценариев и пр.) формирует «золотой» фонд психологической науки и практики, в то время как источ-

ник этих экспликаций – биографическая рефлексия – часто остается за рамками научно-психологического анализа.

Можно выделить два аспекта, которые затрудняют операциональное наполнение конструкта биографической рефлексии в системе дефиниций психологической науки.

Во-первых, существует множество механизмов, с помощью которых человек может осуществлять саморегуляцию и осмысление жизни. И механизмы биографической рефлексии не являются единственными. Например, В.В. Знаков выделяет экзистенциальное понимание-постижение жизни [5], В.К. Карпинский пишет об экзистенциальном переживании жизни [6], в работах А. Лэнгле и его последователей психологически операционализировано явление «экзистенциальной исполненности» жизни [7]. Биографическая рефлексия существенно дополняет экзистенциально-бытийные механизмы регуляции и осмысления жизни, делая факты переживания, постижения, исполненности жизни явными сознанию человека и доступными для анализа. Научный интерес к биографической рефлексии как психическому явлению связан, на наш взгляд, с утверждением в современной зарубежной и отечественной психологии представления о рефлексии жизни как необходимом условии саморазвития человека во взрослом возрасте. Обладая биографической рефлексией, человек целенаправленно формирует жизненную перспективу, самостоятельно реализует жизненные проекты, свободно свершает жизненные выборы, обретает новые смыслы жизни, ответственно решает жизненные задачи.

Во-вторых, гетерогенность и чрезвычайная сложность механизмов биографической рефлексии делают ее феноменологически близкой к личностной (экзистенциально-личностной) рефлексии и функционально связанной с автобиографической памятью. Однако существует различие между личностной и биографической рефлексиями, что связано в первую очередь с предметом: для личностной рефлексии это самосознание, а для биографической – жизненный путь, осмысленный в форме авто- и биографии. Биографическая рефлексия вместе с автобиографической памятью составляет комплекс системообразующих механизмов автобиографического самосознания [8], автобиографических знаний [9], автобиографического «Я» [10], аутоидентичного «Я» [11], самости [12], нарративной идентичности [13], зрелости [14] и субъективной онтологии [15], психологического времени личности [16], мудрости [17]. Однако автобиографический рефлексивный анализ жизни может касаться не только автобиографических воспоминаний прошлого, но и автобиографического размышления о будущем и настоящем, антиципаций и экспектаций [18]. Кроме того, автобиографические воспоминания, как и автобиографические размышления, не всегда влекут за собой рефлексии. А в условиях жизненных изменений именно биографическая рефлексия позволяет сохранить самость и поддержать чувство непрерывности «Я»; только лишь автобиографических воспоминаний оказывается недостаточно, отмечают Т. Habermas и С. Köber [12].

Настолько ли гетерогенна биографическая рефлексия, что делает ее неумовимой для научно-психологического исследования, а разработку концепции биографической рефлексии невозможной? Или существует целостность биографической рефлексии как психического явления, отличающая ее от смежных явлений? Для ответа на эту дилемму проанализируем теоретические положения и эмпирические факты, полученные в рамках психологических исследований, касающихся проблематики биографической рефлексии, в первую очередь ее психологического содержания, функций и генеза.

Подходы к исследованию проблемы биографической рефлексии в психологии

Проблематика биографической рефлексии затронута преимущественно в теориях психобиографического развития личности, разработанных в русле психоаналитического, нарративного, персонологического, экзистенциального, когнитивного, всевозрастного, культурно-исторического, субъектного, акмеологического подходов.

Для удобства анализа психологических подходов к исследованию биографической рефлексии воспользуемся системой *параметров оценки теорий и концепций* развития, предложенной А. Фламмером (см.: [19]): образ человека, объем описания, возрастные периоды, направление развития, описываемые изменения, процессы развития, движущие силы развития, возможности внешнего влияния. В таблице различные подходы сопоставлены.

Образ человека, обладающего биографической рефлексией. Биографической рефлексией обладает взрослый человек, достигший высшего уровня личностного развития. Однако предпосылки ее становления связаны с центральными линиями личностного развития человека в юношеском возрасте и молодости, такими как накопление уникального жизненного опыта, индивидуальное жизненное проектирование, преобладание диалектического анализа и использование рассудочных стратегий в разрешении жизненных затруднений над эмоциональными оценками. Все это способствует освоению рефлексии жизни в период 17–25 лет. В современных концепциях развития человека подчеркивается влияние самого взрослого человека на содержание развития, что обусловлено овладением рефлексией биографической направленности. Лишаясь социокультурных ресурсов и источников поддержки развития, взрослый обращается к биографической рефлексии, делая ее внутренним необходимым условием определения перспектив дальнейшего развития, освоения позиции автора жизни. Так, к примеру, в работе U.M. Staudinger [20] биографическая рефлексия противопоставлена ностальгии: в рефлексии жизни взрослый человек освобождается от статичного образа прошлой жизни и, становясь более решительным, обретает новое направление жизненного развития, а ностальгия усиливает стагнацию, сохраняет неизменным жизненный путь.

Сравнительный анализ психологических подходов к биографической рефлексии

Подходы и представители	Параметры оценки							
	Образ человека	Объем описания	Возрастные периоды	Направление развития	Описываемые изменения	Процессы развития	Движущие силы развития	Возможности внешнего влияния
Когнитивный (S.B. Klein, S. Bluck, J.E. Birren)	Способный к метаанализу автобиографической памяти и мышления	Когнитивный анализ событий жизни в автобиографии	Взрослость, старость	От рефлексии к метарефлексии	Возникновение метарефлексии	Ретроспективный и проспективный анализ	Установления временной когерентности событий жизни	Направленное автобиографирование
Психоаналитический (К. Юнг, А. Ферро, C. Fitzgerald)	Рефлексирующий латентный жизненный опыт	Рефлексивный анализ мало-осознаваемых смыслов, целей и идеалов	Взрослость	От интуитивного к рефлексивному отношению	Повышение ясности, осознанности	Индивидуация	Саморефлексия биографического опыта клиента в диалоге с аналитиком	Рефлексия «нерефлексируемых» смыслов жизни
Нарративный (D. McAdams, T. Habermas, G. Kenyon)	Нарратор жизненной истории	Нарративный анализ жизненной истории	Юность, взрослость, старость	Формирование и реконструкция жизненного нарратива	Изменение объектов рефлексии, осознание себя нарратором	Установление психосоциального единства	Установление нарративного единства событий жизни	Нарративное интервьюирование
Персонологический (Е.Б. Старовойтенко)	Самотождественный, подлинный своему «Я» человек	Герменевтический анализ авто- и биографий	Юность, взрослость	Перевод рефлексивных моделей автобиографии в способы самопознания	Ясность осознания рефлексивных моделей автобиографии	Углубленный самоанализ, ретроспективное осмысление, понимание	Осознанное противоречие между желаемым и действительным образом «Я» и жизненным путем (образом жизни, стратегий жизни, модусом жизни и пр.) при от-	Рефлексивный анализ автобиографических текстов
Экзистенциальный (Е.Е. Сапогова, В.Н. Дружинин, А. Лэгле, Р. Wohlg G. Reker)		Экзистенциальный анализ смыслов, самоинтерпретация	Взрослость	От экзистенциального переживания к рефлексивному анализу	Ясность осознания смыслов жизни, мотиваций, целей		путь (образом жизни, стратегий жизни, модусом жизни и пр.) при от-	Dasein-analis, экзистенциальный рефлексивный диалог

Продолжение таблицы

Подходы и представители	Параметры оценки							
	Образ человека	Объем описания	Возрастные периоды	Направление развития	Описываемые изменения	Процессы развития	Движущие силы развития	Возможности внешнего влияния
Всевозрастный (П. Балтес, А. Крузе, C.D. Ryff, U.M. Staudinger, J.E. Birren)	Рефлексирующий. Достижения и потери в жизни	Рефлексия жизни как социально-когнитивный процесс, автобиографический анализ	Юность, взрослость, старость	От воспоминаний о событиях жизни и затем к рефлексии жизни и смерти	Изменение объектов рефлексии и функций с возрастом	Самоисследование, самодистанцирование	сутствии социальных и культурных источников и ресурсов поддержки	Техника life-review, интеграция жизненного опыта в социальных коммуникациях
Культурно-исторический (А.Н. Леонтьев, Е.Е. Сапогова, В.В. Нуркова, Н.Н. Толстых)	«Автор» жизни	Анализ смыслов жизни, прецедентов, хронотопов	Взрослость, старость	От обозрения жизни «извне» к рефлексии переживания жизни «изнутри»	Изменение механизмов, уровней и форм рефлексии с возрастом	Инверсия и интеграция рефлексивного слоя сознания		Ретроспективный анализ жизни, автобиографирование
Субъектный (С.Л. Рубинштейн, Н.А. Логинова, К.А. Абульханова, Е.Ю. Коржова)	Субъект жизни	Рефлексия жизненных задач и стратегий; обнаружение связей между событиями жизни	Взрослость	От «бытийного» к «рефлексивному» способу жизни	Ясность осознания себя субъектом жизни	Инроспекция, понимание		Каузометрия, life-line, анализ связей между событиями жизни
Акмеологический (А.А. Бодалев, Н.А. Рыбников)	Достигший «акме»	Критический анализ автобиографии	Взрослость	—	—	—		Акмеограмма, психобиография

Близкую идею значительно раньше высказал А.Н. Леонтьев, говоря о том, что личность человека не только возникает «в ходе своей биографии. В этом смысле личность и есть сгусток биографии» [21. С. 196], но личность – это также результат того, *что человек делает из своей биографии*: в рефлексии жизни человек «сбрасывает с себя груз своей биографии» [Там же. С. 217], освобождаясь от чего-то и утверждая что-то в себе. Вместе с тем в исследованиях отмечается амбивалентность биографической рефлексии, которая может характеризовать не только подлинного субъекта, автора жизни, но и человека, склонного к навязчивым рефлексивным размышлениям о драматических событиях жизни, стремящегося найти самооправдание жизненных неудач и эскапизма, заикливающего на негативных оценках событий, неспособного найти выход из жизненных затруднений. Например, в работе F. Raes, D. Hermans, J.M.G. Williams, P. Eelen отмечается отрицательная связь рефлексии с осмысленностью жизни и адаптированностью [22], а согласно данным С. Camia, M. Kuhn, I. Peters, T. Habermas [13] рефлексивные размышления о жизни положительно связаны с показателями осмысленности жизни и психологического благополучия. Очевидна ограниченность сложившихся подходов в идентификации биографической рефлексии, которая при интерпретации результатов психологических исследований часто приводит к противоречивым выводам.

Объем описания явлений биографической рефлексии. В современной психологической науке биографическая рефлексия соотносится с гетерогенными механизмами анализа субъектом своего жизненного пути: *экзистенциальным* анализом условий жизни, необходимых для осознания смысла жизни [5, 14], *когнитивным* анализом автобиографических знаний [9, 17], *герменевтическим* анализом автобиографии [11] и *нарративным* анализом своей жизни [12, 13], которые выступают способами самопонимания и саморазвития личности в контексте жизненного пути. Перечисленные механизмы биографической рефлексии – это логические приемы, которые направлены:

1) на обнаружение человеком жизненных условий, необходимых для обретения и поддержания смысла жизни;

2) понимание этапов и событий своей жизни путем разложения автобиографических знаний на составные элементы;

3) интерпретации смысла своей жизни и жизни других людей путем формулировки вопроса, ответ на который может быть обнаружен в автобиографии или биографии;

4) осмысление жизненной истории путем соотнесения текста с формальными структурами (сюжет, персонаж и пр.).

Гетерогенность механизмов и чрезвычайная сложность психологического содержания выступает существенным ограничением в исследованиях биографической рефлексии. Избыток противоречивых концепций, в которых отражены данные о многомерной природе биографической рефлексии, составляет трудность разработки общих положений и стратегий исследования для всех ее проявлений.

Возрастные периоды, которые охватывают процессы развития биографической рефлексии, – юность, взрослость и старость. К 17 годам впервые появляется биографическая направленность рефлексии как рефлексивное умение анализировать свой жизненный опыт [12], жизненный нарратив [13], временную перспективу жизни [23], жизненные планы [24], субъективную картину жизненного пути [25]. Становление биографической рефлексии связано с накоплением жизненного опыта и автобиографических знаний, формированием жизненной перспективы и жизненного нарратива, возникновением новых потребностей (например, потребности в «самовыговаривании» [14], потребности в автономии [26]), а также с развитием рефлексивных механизмов и личностного самосознания [20], в том числе автобиографического [10]. Во взрослости и старости биографическая рефлексия выступает ведущим механизмом в решении возрастных задач и формировании психических и личностных новообразований, среди которых наиболее значимыми являются продуктивность в социальной и экзистенциальной сферах жизни [24], жизнотворчество [14], мудрость [17], жизненная компетентность [20]. Вместе с тем большинство исследований не охватывают целостную картину возрастного развития биографической рефлексии, лишь фрагментарно касаясь отдельных аспектов на одном из возрастных этапов. Очевидна проблема дефицитарности контекстов исследования.

Направление развития биографической рефлексии раскрывается через движение от становления ее как новообразования к овладению рефлексией как личностным ресурсом. Становление биографической рефлексии соотносится с переходом от анализа жизни как бы «извне» с акцентом на объективное описание фаз и событий жизни в условиях социально-исторических возможностей и ограничений к рефлексивному анализу жизни как бы «изнутри» с акцентом на выделение и понимание уникальных фаз и событий жизни. Однако источники этих переходов по-разному осмысливаются психологами. С позиции зарубежной психологии возникновение во взрослости биографической рефлексии как новообразования связывается со спонтанным уменьшением зависимости самопонимания человека от социального самоопределения в сторону увеличения роли в этом процессе критического анализа жизни. В отечественной психологии развитие рефлексии, ее структурно-уровневое изменение объясняются исходя из укорененности рефлексивных механизмов в системе общественных значений и в связи с процессами ресоциализации.

Описываемые изменения биографической рефлексии в онтогенезе. Изменение биографической рефлексии в русле отечественной психологии видится в последовательном переходе от «низших» форм (уровней) к «высшим» формам (уровням), сопровождаемом появлением новых рефлексивных механизмов и сменой объектов рефлексии. «Высшие» уровни (формы) рефлексии исследователи связывают с жизненным самоопределением, обретением зрелости и духовности, самопринятием, готовностью к саморазвитию, произвольной регуляцией жизнедеятельности, а «низшие» – с ме-

ханизмами, регулирующими отдельные стандартизированные действия и выборы, соответствующие следованию нормативному жизненному сценарию, не требующие от человека усилия, мужества преодоления, отвечающие за сопоставление сценария с промежуточными результатами действий и жизненных ситуаций. В зарубежной психологии отмечаются переходы между двумя функционально различными формами биографической рефлексии: рефлексии как целенаправленного самоанализа и рефлексии как руминации – бесцельного размышления в поисках самооправдания («самокопание»).

Процессы развития биографической рефлексии включают интеграцию, социализацию и индивидуацию. Интегративные процессы обеспечивают связность между биографической рефлексией и другими психологическими явлениями: автобиографической памяти [9], биографического мышления [18], «Я» [10], идентичности [12], личностной зрелости [14], мудрости [17], жизненной компетентности [27] и др. То есть биографическая рефлексия становится неотъемлемой частью системной и смысловой организации жизненного мира человека. Процессы социализации обуславливают становление и актуализацию биографической рефлексии в условиях социальных коммуникаций через установление психосоциального единства между индивидуальным жизненным опытом и культурной концепцией автобиографии (или культурным жизненным сценарием), включающей совокупность нормативно-важных событий, соотносимых с основными предсказанными этапами развития [13], или биографическими прецедентами [14]. Биографическая рефлексия помогает преодолевать отчужденность и одиночество, поддерживать социальные привязанности и обеспечивать преемственность и связанность своего жизненного пути с жизнями других людей. Процессы индивидуации определяют связность биографической рефлексии с механизмами понимания самобытного жизненного опыта, субъективной жизненной онтологии [15], уникальных экзистенциальных смыслов жизни [6], субъективной картины жизненного пути [2, 16], переживаний, связанных с кризисами жизни [28] и пр. Таким образом, биографическая рефлексия выступает необходимым условием самоисполненности личности.

Движущие силы развития биографической рефлексии видятся в *осознанном противоречии* между желаемым и действительным образом «Я» и жизненным путем (образом жизни, стратегией жизни, модусом жизни и пр.) при отсутствии социальных и культурных источников и ресурсов поддержки. К 25–30 годам пройден «пик» событий «нормативного» культурного жизненного сценария [8]. Далее центральной тенденцией развития становится индивидуализация жизненного пути [15], накапливается «ненормативный» жизненный опыт, который не связан с возрастом или происходит намного раньше или позже, чем ожидалось. Результаты лонгитюдных исследований жизненного пути [29] убедительно демонстрируют, что современный взрослый человек лишен тех социальных ресурсов поддержки, которые определяли его психическое и личностное развитие на более ранних этапах, а культура не предоставляет новых ресурсов, если

человек выбирает жизненный путь, который не выбирают другие люди. В условиях «биографического экспериментирования» преодоление жизненных трудностей и противоречий требует привлечения внутренних, личностных ресурсов развития. Биографическая рефлексия, связанная с критическим анализом смыслов, стратегий, способов жизни, позволяет взрослому сделать свой уникальный жизненный опыт источником новых смыслов жизни и перспектив дальнейшего развития, а также помогает стабилизировать жизненные изменения, вызывающие беспокойство.

Возможности внешнего влияния на развитие биографической рефлексии связаны со стимулирующими воздействиями и формирующими интервенциями, которые включают условия принятия и решения задачи анализа жизненного опыта, автобиографической памяти, временной перспективы, автобиографического текста, целей и смыслов жизни. На этих условиях основаны использование техник life-review-терапии [30], управляемой автобиографии (Guided Autobiography, GAB) [31], нарративной терапии [12, 13], каузометрии [16], применение биографического метода в области практической психологии [2] и консультировании [14] подростков, взрослых, пожилых людей как в норме, так и с различной когнитивной дефицитностью, в том числе умственной отсталостью [32].

Таким образом, несмотря на недостаток психологических исследований биографической рефлексии и их спорадичность, очевидно единство свойств и функций биографической рефлексии, что позволяет отличать ее от смежных явлений. Представленные в аналитическом обзоре работы вносят вклад в разработку проблемы биографической рефлексии как ресурса развития личности, но психологическое содержание и механизмы функционирования биографической рефлексии являются предметом научного анализа лишь в исследованиях М.В. Клементьевой [33], Н.О. Садовой и Ф. Заннони [28], Д.Л. Иванковой [27].

Авторский взгляд на биографическую рефлексия представляет наиболее целостное описание этого психического явления, связанного с критическим анализом человеком событий собственной жизни как субъективно значимых планов своего личностного развития.

Основные положения авторской концепции биографической рефлексии как ресурса развития личности

Методологическим основанием авторской концепции биографической рефлексии как ресурса развития личности послужили принципы отечественной психологии: *активности, субъектности, системности, интегративности, развития и антиципации развития*, в соответствии с которыми биографическая рефлексия рассмотрена как:

- 1) механизм перехода личности от развития к саморазвитию;
- 2) условие становления человека субъектом жизненного пути, способным самостоятельно выбрать и осуществлять жизненный путь и осознавать себя таковым;

3) ресурс личностного развития, предвосхищающий прогрессивное саморазвитие во взрослости;

4) целостное многокомпонентное образование, содержание и функции которого зависят от природы составляющих и особенностей взаимосвязи между ними;

5) новообразование взрослости, становление и развитие которого отличаются гетерогенностью и неравномерностью;

6) системный объект, являющийся системообразующим фактором жизненного пути личности и обусловленный сферой ее актуализации (ситуациями и условиями работы человека с автобиографическим текстом).

С позиции авторской психологической концепции биографическая рефлексия представляет собой *вид рефлексии*, который выделен в ряду других видов рефлексии на основании объекта рефлексии и специфических механизмов рефлексии.

Специфика биографической рефлексии проявляется в осознании и экзистенциальном, нарративном, герменевтическом, когнитивном анализе жизненного пути, осмысленного в форме биографии. Экзистенциальный анализ – анализ условий, необходимых для осознания смысла жизни; когнитивный анализ – анализ автобиографических знаний; герменевтический анализ – интерпретация авто- и биографий; нарративный анализ – анализ рассказанной жизненной истории. На рис. 1 представлена структура биографической рефлексии, образованная связью составляющих (когнитивной, личностной, социально-перцептивной, конфигуративной), каждая из которых представляет собой индивидуальную меру выраженности когнитивного, экзистенциального, герменевтического нарративного анализа жизненного пути.

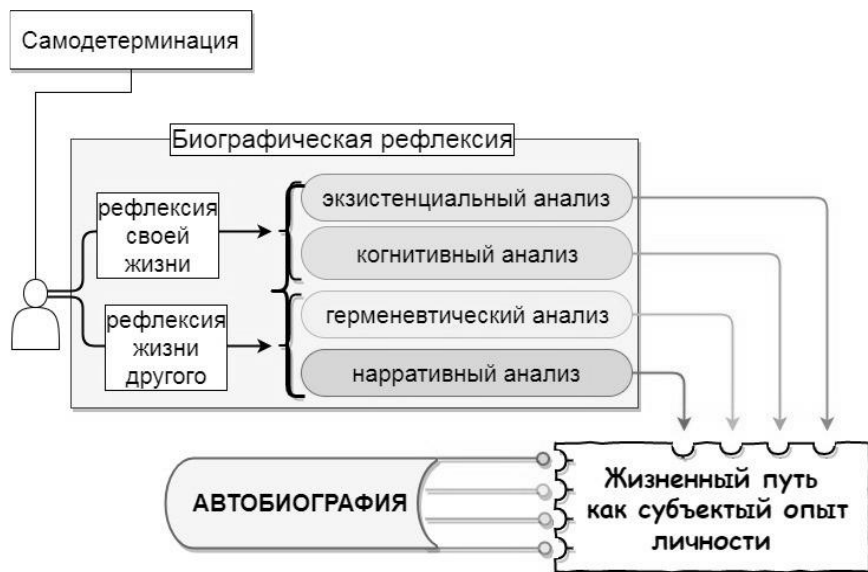

Рис. 1. Структура биографической рефлексии

Психологическое содержание биографической рефлексии адекватно тому, как и при каких условиях возникает рефлексия жизни. В условиях осознанного противоречия между желаемым и действительным в жизненном пути возникает необходимость пересмотра траекторий дальнейшего развития. Человек осознает степень своего влияния, соотносит жизненные устремления с возможностью их реализации, критически анализирует автобиографические знания, связывает себя с фрагментами жизни, наделяет автобиографию личностным смыслом, что составляет содержание *рефлексивного анализа своей жизни*. Люди выстраивают свой жизненный путь, совершая жизненные выборы в условиях социально-исторических возможностей и ограничений, которые выражаются через сеть социальных отношений. Данное обстоятельство обуславливает необходимость *разделения своего жизненного пути с другим человеком* и соотнесения событий своей жизни с интериоризированными прецедентами или сценариями, ставшими уже интрапсихическими структурами, что дает понимание значения автобиографии и вызывает намерение создать жизненный нарратив, понятный другим людям: так, в содержание биографической рефлексии включен рефлексивный *анализ жизни Другого* (обобщенного или типичного представителя поколения, эпохи, культуры).

Таким образом, механизмы биографической рефлексии (когнитивный, экзистенциальный, герменевтический, нарративный) разворачиваются в системах «Я–Я» и «Я–Другой», где рефлексия может быть автобиографической (рефлексия своей жизни) и собственно биографической (рефлексия жизни Другого). Рефлексия своей жизни направлена на анализ подлинного, самобытного в своей личной жизни, где достоверность подтверждается только самим человеком, вне апелляции к Другому. Рефлексия жизни Другого направлена на анализ правильного в своей общественной жизни, где достоверность подтверждается через обнаружение сходства с жизнью Другого или отличия от нее, где Другой (в качестве которого выступают конкретные люди или их идеи, воплощенные в искусстве, науке, религии) является источником смысла жизни и экзистенциальной поддержки личностного развития человека, но также и необходимым условием обнаружения и сохранения своей идентичности, осознания востребованности своего жизненного опыта и преодоления одиночества и чувства покинутости.

Мы разделяем точку зрения Е.Е. Сапоговой [34], которая отмечает, что автокоммуникативное рефлексивное отношение «Я–Я» является необходимым для конструирования самопонимания не столько по объекту рефлексии (макроконцепты, миниконцепты-экзистенциалы, смысловые концепты-кванты), сколько по способу рефлексии жизни – критическому автобиографическому анализу, и Е.Б. Старовойтенко [35], которая подчеркивает необходимость внутреннего рефлексивного диалога «Я–Другой» в достижении и сохранении аутентичности «Я» и гармоничного отношения к своей жизни при столкновении с вызовами расточдествления.

Являясь системным образованием, биографическая рефлексия возникает в результате становления новой целостности – установления взаимозависимости и связи между отдельными составляющими, функционально

организованными для автобиографического критического анализа жизни. Фактором, определяющим становление биографической рефлексии как новой целостности, является мотив самодетерминации. Мотив самодетерминации в структуре биографической рефлексии рассматривается как *опредмеченная потребность в автономии*, выделенной в теории мотивации Е.Л. Deci, R.M. Ryan [26]. *Мотив самодетерминации*, являясь внутренним, выражает стремление человека осознавать себя автором жизни, инициатором событий жизни, способным контролировать свою жизнь, находясь в рефлексивной позиции, подвергая анализу жизненный путь. Полагаем, что биографическая рефлексия запускается мотивом самодетерминации и служит ресурсом саморегуляции и осмысления жизни.

Представленные структурные и содержательные характеристики биографической рефлексии *эмпирически верифицированы* в наших исследованиях [33, 36].

Биографическая рефлексия является системообразующим фактором жизненного пути, обнаруживая себя во множественных связях с его подсистемами: событийно-фактологической, смысловой, интерперсональной, нарративной. На рис. 2 показано соотношение биографической рефлексии с отдельными подструктурами жизненного пути.

Событийно-фактологическую подсистему образует совокупность фактов и эпизодов жизни, насыщенных чувственным, бытийным содержанием, синтезирующим и связывающим импульсы, интуиции, помыслы, предчувствия, ощущения, в опыт, где образуется переживаемое «событие жизни». В биографической рефлексии человек занимает мысленную позицию «вне» событий жизни для выработки суждения о них, использует содержание непосредственного опыта жизни как бытийный материал, из которого может быть выстроена цепочка событий жизненного пути как порожденной психической реальности.

Смысловую подсистему образуют смыслы жизни как «знание порядка, последовательности и цели своей жизни, стремление и достижение достойных целей, а также сопутствующее этому чувство удовлетворения» [37. Р. 41]. В биографической рефлексии человек критично анализирует смыслы жизни, согласуя их с процессуально-результативными характеристиками жизненного пути, наделяя смыслом связи между отдельными событиями жизни, повышая степень ясности целей жизни, осуществляя самостимуляцию жизни, переживая удовлетворенность жизнью и чувствуя свободу своего «Я».

Интерперсональную подсистему формирует совокупность рефлексивных отношений жизни человека с жизнями других людей. В биографической рефлексии реализуется отношение человека к своему жизненному пути, включающее обобщенный взгляд на жизнь других людей, которые осуществляют поддержку его развития, и операции сравнения своей жизни с жизнями других людей для формирования убежденности в достоверности и правильности своего жизненного пути. По сути, это есть биографическая рефлексия значений способов или сценариев жизни, ставших уже внутренними структурами психики в ходе социализации, а Другой – часть внутреннего мира Я.

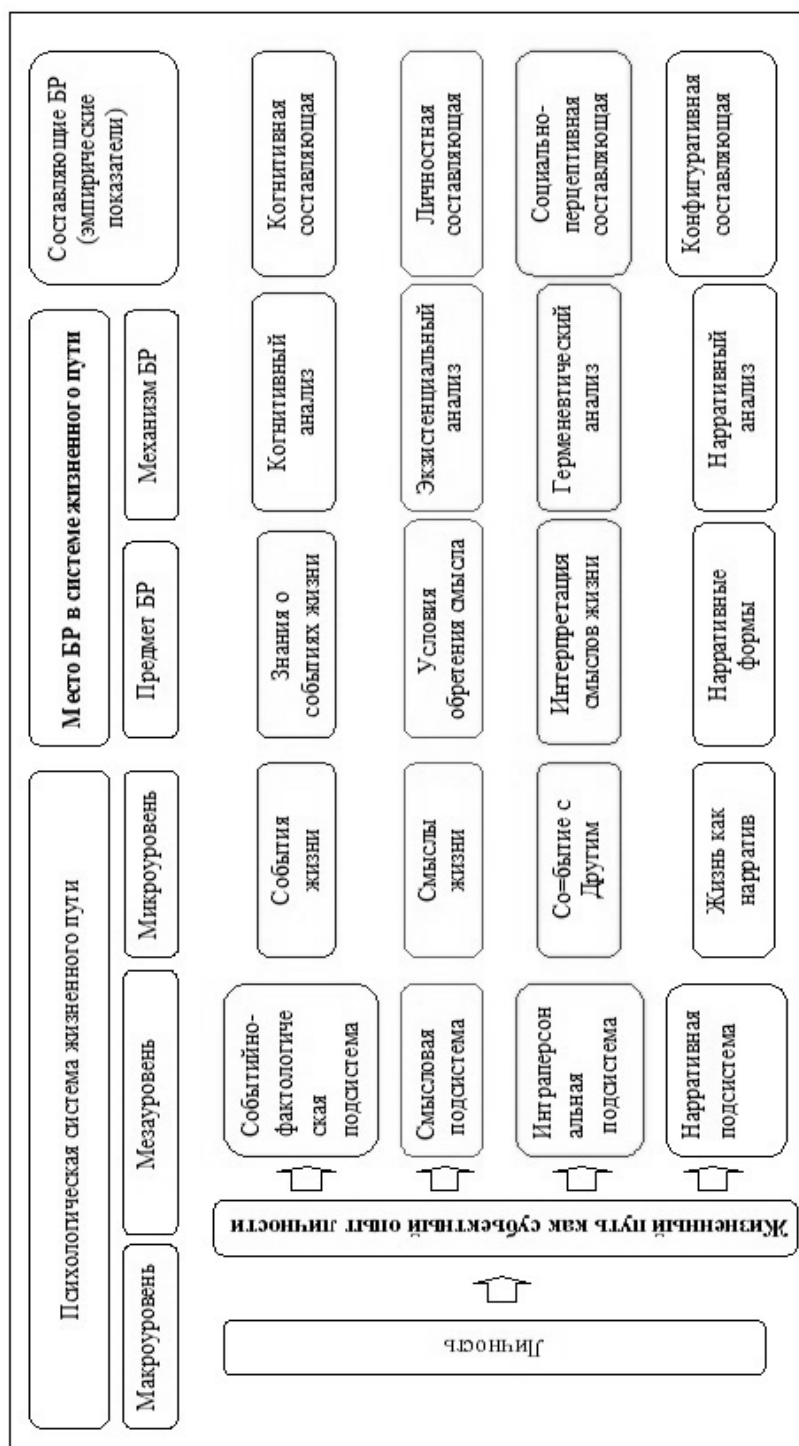

Рис. 2. Соотношение биографической рефлексии с отдельными подструктурами жизненного пути (БР – биографическая рефлексия)

Нарративная подсистема раскрывается как жизненный нарратив, выполняющий инструментальные функции самопонимания, осмысления и созидания человеком своего «Я» в условиях возрастной последовательности ролей, возможностей, ограничений и событий, которые формируют автобиографию от рождения до смерти. Рассказывая о жизни, человек занимает рефлексивную позицию: он рассматривает на свою жизнь отчужденно, выступая одновременно автором и героем жизненного нарратива, рассказывая свою жизнь «с конца». В рефлексии он понимает свою жизнь рационально как согласованную и непротиворечивую историю, связывая произвольно события прошлого, настоящего и будущего, противопоставляя свое понимание иному.

Понимание жизненного пути как нарратива, сложившееся в современной психологии (см. обзор в работах: [12, 14, 25 и др.]), значимо дополняет «субъективную картину жизненного пути» [38]: теперь рефлекслируемый жизненный путь – это уже не «картина» (в сопоставимом значении с «картиной мира» М. Хайдеггера [39]), более или менее адекватно замещающая действительную жизнь и оставляющая рефлекслирующего субъекта за ее пределами, а «нарратив», вовлекающий субъекта в смысловое пространство, подлежащее интерпретации и пониманию.

Таким образом, благодаря механизмам биографической рефлексии устанавливаются связи между отдельными фазами и событиями жизни, возникает *новая целостность – жизненный путь*, который наделяется смыслами и значениями.

С этой позиции становление биографической рефлексии во взрослом возрасте может рассматриваться как поворотный момент в развитии, связанный с обретением взрослым человеком позиции автора по отношению к своей жизни, превращением жизненного пути в форму саморазвития.

Полагаем, что конечной формой проявления биографической рефлексии является превращение ее в *психологический ресурс*. Овладение ресурсной функцией биографической рефлексии во взрослом возрасте связано с процессами интеграции ее составляющих и представляет собой линию интериоризации знаково-символических структур, опосредствующих критический автобиографический анализ жизни. В качестве медиаторов, запускающих механизм овладения человеком своим внутренним жизненным миром посредством культурного преобразования, могут выступать как биографические концепты [40], так и другие образования, например субъективные онтологемы [15], нарративные конструкции [12], герменевтические структуры автобиографических текстов [11], культурные жизненные сценарии [8, 13] и пр. Иными словами, речь идет не о «присвоении» культурных артефактов и их значений, а об «усилении» биографической рефлексии, где знаково-символические структуры как медиаторы осуществляют связь между индивидуализированным пониманием того, как жить, и обобщенным общественным опытом, опирающимся на устоявшийся культурный жизненный сценарий.

В исследовании [33] эмпирически обосновано, что освоение биографической рефлексии относится к периоду взрослости: начало соотносится

с ранней или формирующейся взрослостью (17–25 лет), а завершение – с поздней взрослостью (60–65 лет), после чего возможно ее снижение за счет типичных изменений когнитивных функций в старости. В период 25–65 лет биографическая рефлексия обретает и сохраняет свой функциональный оптимум ресурса развития. Пересекая оптимум, эмпирический общий показатель биографической рефлексии становится константным, а ее влияние на показатели осмысленности жизни, саморегуляции и жизнестойкости значительно возрастает. По-видимому, овладение ресурсной функцией биографической рефлексии связано с гипотетическим *криволинейным паттерном «авторства» жизни* [29]: возрастание в молодости (25–30 лет), сохранение плато в средней взрослости и постепенное снижение после 60–65 лет.

Важно отметить, что возраст не рассматривается нами как фактор, определяющий механизмы и закономерности развития биографической рефлексии. Данные эмпирического исследования [36] убеждают нас в том, что возраст – это условный и в определенной мере интегративный показатель, который удобен в описании и прогнозировании вероятностных траекторий развития взрослого человека, поскольку демонстрирует *накопительный эффект влияния многих детерминант, определяющих качество жизни взрослого человека*. Динамика биографической рефлексии во взрослом возрасте в период функционального оптимума служит подтверждением сказанному. Развитие биографической рефлексии во взрослом возрасте отличается гетерохронностью, неравномерностью и периодичностью актуализации двух ее форм: рефлексии своей жизни и рефлексии жизни Другого. Наблюдается последовательное чередование линий интенсивной актуализации рефлексии, направленной на свою жизнь, и рефлексии, предметом которой является типичная жизнь Другого (представителя своей культуры и исторического времени). Это чередование необходимо для успешной социализации в хронотопе культуры, а также для осмысления самобытности своей жизни и аутентичности «Я». Полагаем, что в каждой точке своего личностного развития взрослый человек обладает известным расхождением между рефлексией своей жизни и рефлексией жизни Другого. Моменты максимального расхождения соотносятся с кризисами, после которых взрослый человек обращается к той форме биографической рефлексии, которая была недостаточно активно использована в предшествующий период. Так, принятие и решение основных возрастных задач, связанных с жизненным самоопределением в период ранней молодости, и задач, связанных с экзистенциально-личностным самопознанием в период поздней взрослости, стимулируют рефлекссию своей жизни, а принятие и решение основных возрастных задач, связанных с ресоциализацией в период средней взрослости, стимулируют рефлекссию жизни Другого.

В совокупности оба направления актуализации биографической рефлексии (точнее, ее форм: рефлексии своей жизни и рефлексии жизни Другого) образуют единый процесс. Полагаем, что использование ресурсов разных форм биографической рефлексии позволяет взрослому обращаться

к различным источникам смысла жизни и оптимально формировать свой жизненный путь, преодолевая «негативное» влияние рефлексивного самокопания, или руминации. Такое *«челночное» движение от одной формы биографической рефлексии к другой* есть необходимое условие продуктивности рефлексии: отвлечение от руминации текущего опыта и беспристрастный самоанализ происходящего, ментальный выход за рамки жизненной проблемы с целью ее контролируемой и преднамеренной когнитивной обработки. В тех случаях, когда одна из форм биографической рефлексии оказывается недостаточно эффективной, человек, владеющей ресурсной функцией рефлексии, способен переключиться, выбрать альтернативную форму. Поскольку механизмы чередующихся форм биографической рефлексии разворачиваются в разных системах («Я–Я» и «Я–Другой»), человек способен произвольно изменять рефлексивную позицию и объекты рефлексирования так, чтобы обеспечить оптимум регуляции и осмысления жизненных изменений.

Решающее влияние на становление, развитие и функционирование биографической рефлексии оказывают как внешние (социокультурная среда и формирующие интервенции, направленные на развитие биографической рефлексии), так и внутренние факторы (мотивация самодетерминации и процессы интеграции механизмов рефлексии). *Движущей силой развития биографической рефлексии*, по-нашему мнению, является рассогласованность между действительной жизнью и стремлениями взрослого человека в условиях сохранения мотивационной доминанты самодетерминации.

Ведущая роль биографической рефлексии в личностном развитии человека во взрослом возрасте обнаруживается в рефлексивных механизмах установления конгруэнтности между возможностями и запросами человека, утверждения позиции автора жизни и обретении контроля над собой во времени жизни.

Заключение

Таким образом, биографическая рефлексия как вид рефлексии проявляется в критическом анализе жизненного пути и, обладая самостоятельным статусом психического явления, не может быть сведена лишь к методу исследования личности. Краткий обзор современной научной дискуссии показал, что проблематика биографической рефлексии затронута преимущественно в теориях психобиографического развития личности, в которых формируется представление о жизненном пути как форме саморазвития человека, наделенного рефлексией. В современных научных психологических дискурсах российские и зарубежные исследователи сосредоточены на изучении гетерогенных механизмов автобиографического анализа событий жизни, условий осознания смысла жизни, автобиографических знаний, жизненного нарратива, интерпретации автобиографий и биографий, они также рассматривают динамику этих механизмов в разных возрастах жизни (юность, зрелость, старость) и социально-исторических условиях.

Собственный взгляд автора на современные дебаты о биографической рефлексии, ее психологическом содержании, функциях и генезе в масштабе жизненного пути подчеркивает, с ее точки зрения, важное значение биографической рефлексии как ресурса в саморазвитии человека во взрослом возрасте, когда жизненные изменения осознаются как условия переосмысления автобиографического «Я», а социально-культурные источники и ресурсы поддержки развития отсутствуют. В оригинальной концепции автор предложила рассматривать биографическую рефлексию как ресурс развития личности во взрослости, базируясь на методологических принципах российской психологии (активности, субъектности, системности, интегративности, развития и антиципации развития).

Специфику биографической рефлексии автор видит в рефлексивном анализе своей жизни и рефлексивном анализе жизни Другого, осмысленных в форме автобиографии и биографии соответственно.

Становление биографической рефлексии как новообразования в период 17–25 лет автор связывает с интеграцией гетерогенных механизмов автобиографического анализа жизни (экзистенциальных, когнитивных, нарративных, герменевтических), которую сопровождает интериоризация знаково-символических структур, опосредствующих анализ жизни, и возникновением мотивации самодетерминации. Дальнейшее развитие биографической рефлексии в период 25–65 лет автор рассматривает как этап овладения взрослым человеком рефлексией как ресурсом развития, а именно: утверждения позиции автора жизни, обретения произвольного контроля над собой и своим жизненным путем, свободного поиска смыслов жизни за счет использования чередующихся форм биографической рефлексии. Благодаря механизмам биографической рефлексии устанавливаются связи между отдельными фазами и событиями жизни, возникает новая целостность – жизненный путь, который становится формой саморазвития взрослого человека.

Современная жизнь взрослых людей базируется на индивидуализации жизненного пути. Биографическая рефлексия является условием обретения человеком контроля над качеством своей жизни во времени.

Литература

1. Зарецкий Ю.П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Субъект и культура / отв. ред.: В.Н. Порус. СПб. : Алетейя, 2014. С. 369–393.
2. Логинова Н.А. Некоторые итоги развития биографического метода психологии в XX веке // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, № 2. С. 67–81.
3. Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск : Наука, 1977. 222 с.
4. Богомаз С.А., Ключко В.Е., Краснорядцева О.М., Подойницина М.А. Стратегии самореализации у студенческой молодежи // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 49–58.
5. Знаков В.В. Психологические условия понимания мира человека // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 16–27.
6. Карпинский К.В. Смыслжизненные задачи и состояния в развитии личности как субъекта жизни // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 79–106. DOI: 10.17223/17267080/71/5.

7. Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 4. С. 763–788.
8. Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования : электронное периодическое издание. 2012. № 5 (25). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2019)
9. Klein S.B, Gangi C. The multiplicity of the self: Neuropsychologic evidence and its implications for the self as a construct in psychological research // Annals of the New York Academy of Sciences. 2010. Vol. 1191. P. 1–15. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2010.05441.x.
10. Damasio A., Meyer K. Consciousness: an overview of the phenomenon and of its possible neural basis // The Neurology of Consciousness: Cognitive Neuroscience and Neuropathology / S. Laureys, G. Tononi (eds.). London : Academic Press, 2009. P. 3–14. DOI: 10.1016/B978-0-12-374168-4.00001-0.
11. Старовойтенко Е.Б. Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 4. С. 121–142.
12. Habermas T., Köber C. Autobiographical reasoning in life narratives buffers the effect of biographical disruptions on the sense of self-continuity // Memory. 2015. Vol. 23, № 5. P. 564–574. DOI: 10.1080/09658211.2014.920885.
13. Camia C., Kuhn M., Peters I., Habermas T. Mentalizing oneself: detecting reflective functioning in life narratives // Attachment & Human Development. 2019. Vol. 21, № 4. P. 313–331. DOI: 10.1080/14616734.2018.1473886.
14. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М. : Смысл, 2013. 760 с.
15. Сапогова Е.Е. Субъективная онтология и жизненный мир личности // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 1. С. 35–45. DOI: 10.17759/chp.2019150104.
16. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М. : Смысл, 2008. 294 с.
17. Ardel M. Disentangling the relations between wisdom and different types of well-being in old age: Findings from a short-term longitudinal study // Journal of Happiness Studies. 2016. Vol. 17, № 5. P. 1963–1984.
18. Cordonnier A., Barnier J., John A., John S. Phenomenology in Autobiographical Thinking: Underlying Features of Propection and Retrospection // Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice. 2018. Vol. 5, № 3. P. 295–311. DOI: 10.1037/cns0000156.
19. Сапогова Е.Е. Психология развития человека. М. : Аспект пресс, 2001. 460 с.
20. Staudinger U.M. Life reflection: a social-cognitive analysis of life review // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5, № 2. P. 148–160. DOI: 10.1037/1089-2680.5.2.148.
21. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
22. Raes F., Hermans D., Williams J.M.G., Eelen P. Reduced autobiographical memory specificity and affect regulation // Cognition and Emotion. 2006. Vol 20. P. 402–429.
23. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. М. ; Смоленск : Универсум, 2018. 292 с.
24. Golovey L.A., Manukyan V.R., Strizhitskaya O.Y. Formation of personality psychological maturity and adulthood crises // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Т. 8, № 2. С. 99–112.
25. Коржова Е.Ю., Веревкина А.Б. Становление психологии жизненного пути личности: западный и отечественный подходы // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 18–25.
26. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination research: Reflections and future directions // Handbook of self-determination research / E.L. Deci, R.M. Ryan (eds.). Rochester, NY : University of Rochester Press, 2002. P. 431–441.

27. Иванкова Д.Л. Психологическое содержание жизненной компетентности в контексте решения возрастных задач в период ранней взрослости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8, № 4. С. 381–395.
28. Садовникова Н.О., Заннони Ф. Психологические особенности переживания педагогами профессионального кризиса личности // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 3. С. 83–99. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-3-83-99.
29. Handbook of the Life Course // M.J. Shanahan, J.T.Mortimer, J.M. Kirkpatrick (eds.). Boston, MA : Springer, Cham, 2016. 749 p. DOI: 10.1007/978-3-319-20880-0. (Handbooks of Sociology and Social Research).
30. Hendricks J. The Meaning of Reminiscence and Life Review. London : Taylor & Francis Ltd, 2019. 224 p.
31. Birren J.E., Cochran K. Telling the Stories of Life through Guided Autobiography Groups. London : Johns Hopkins University Press, 2001. 190 p.
32. Westerhof G.J., Beernink J., Sools A. Who Am I? A Life Story Intervention for Persons With Intellectual Disability and Psychiatric Problems // Intellectual and Developmental Disabilities. 2016. Vol. 54, № 3. P. 173–186. DOI: 10.1352/1934-9556-54.3.173.
33. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс личностного развития взрослого человека. Тула : Изд-во ТулГУ, 2016. 518 с.
34. Сапогова Е.Е. Структура личностного тезауруса: экзистенциально-психологический подход // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 40–59. DOI: 10.17223/17267080/73/3.
35. Старовойтенко Е.Б. Самоощущение Я во внутреннем диалоге // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 3. С. 434–456. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-3-434-456.
36. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 1. С. 14–23. DOI: 10.17759/chp.2016120102.
37. Reker G.T. Theoretical Perspective Dimensions and Measurement of Existential Meaning // Exploring Existential Meaning: Optimizing Human Development across the Life Span / G.T. Reker, K. Chamberlain (eds). Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2000. P. 39–55.
38. Логинова Н.А. Становление понятийного аппарата биографической психологии // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. 12–14 апреля 2017 г. / под ред. Е.Ю. Коржовой, А.В. Микляевой. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 169–176.
39. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. СПб. : Наука, 2007. С. 58–86.
40. Клементьева М.В. Биографический концепт как психологическое средство осмысления жизни // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 4. С. 68–78. DOI: 10.17759/chp.2019150407.

Поступила в редакцию 11.01.2020 г.; принята 04.09.2020 г.

Клементьева Марина Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Тульского государственного университета.
E-mail: marinaklementyeva@yandex.ru

For citation: Klementyeva, M.V. Theoretical and Methodological Aspects of the Biographical Reflection Study. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 44–67. doi: 10.17223/17267080/77/3. In Russian. English Summary

Theoretical and Methodological Aspects of the Biographical Reflection Study

M.V. Klementyeva^a

^a Tula State University, 92, Lenin Ave., Tula, 300012, Russian Federation

Abstract

The article presents with psychological characteristic of biographical reflection as a reflective analysis of the life course. The author provides an overview of contemporary scientific discussion about biographical reflection, and adduces the data obtained through the study, the subject of which was the psychological content, functions and genesis of the biographical reflection of a personality. In the contemporary scientific psychological discourses, the biographical reflection is considered as a method of studying the personality on the scale of the life path, or as the main property of the personality and of the autobiographical subject. The researchers in Russia and the West are focused on the heterogeneous mechanisms of autobiographical analysis of life events, conditions for understanding the meaning of life, autobiographical knowledge, life narrative, interpretation of an autobiography and a biography. They consider as well the dynamics of these mechanisms in lifespan development. The author offers the reader her own view of the contemporary debate about psychological content, and functions and genesis of the biographical reflection, highlighting important, from her point of view, a reflection of the autobiographical Self in the life changes when there are no social and cultural sources and resources to support development. In the original concept, the author proposed to consider biographical reflection as a resource for the personality self-development in adulthood. This work examined the specific of biographical reflection in an alternation two forms of the reflective analysis: a reflection of «life of Me» and a reflection of «life of Other» (a prototype of generation and culture). The formation process of biographical reflection at the age 17-25 is associated with integrating the heterogeneous mechanisms of life course reflective analysis (existential, cognitive, narrative, and hermeneutic) and interiorizing biographical signs and symbols, which is accompanied by the motivation of self-determination. The author considers the further development of biographical reflection (in age 25–65) as a stage of mastering by adults a reflection as a development resource for affirming the position of the author of life, and gaining arbitrary control over autobiographical Self, and exercise of free choosing a life course, and search for the meanings of life. The author argues that thanks to the mechanisms of biographical reflection, connections are established between the separate life events and new integrity arises as a life course that becomes a form of self-development of a modern adult. These results suggest that modern adults, who are choosing the individualization of life course, are more likely to have higher biographical reflection and use it as recourse to gain control over the quality of the individual life in time.

Keywords: biographical reflection; development; personality; adulthood; life course; resource; self-determination; self-development; autobiographical Self.

References

1. Zaretskiy, Yu.P. (2014) Istoriya sub"ektivnosti i istoriya avtobiografii: vazhnye obnoveniya [History of subjectivity and history of autobiography: important updates]. In: Porus, V.N. (ed.) *Sub"ekt i kul'tura* [Subject and Culture]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 369–393.
2. Loginova, N.A. (2006) Some results of the development of the biographical method of psychology in the 20th century. *Metodologiya i istoriya psikhologii* – Methodology and History of Psychology. 1(2). pp. 67–81. (In Russian).
3. Rozov, M.A. (1977) *Problemy empiricheskogo analiza nauchnykh znaniy* [Problems of empirical analysis of scientific knowledge]. Novosibirsk: Nauka.

4. Bogomaz, S.A., Klochko, V.E., Krasnoryadtseva, O.M. & Podoynitsina, M.A. (2018) Strategii samo-osushchestvleniya u studencheskoy molodezhi [Self-realization strategies among student youth]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 49–58.
5. Znakov, V.V. (2018) Psikhologicheskie usloviya ponimaniya mira cheloveka [Psychological conditions for understanding the human world]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 16–27.
6. Karpinskiy, K.V. (2019) Meaning-oriented Tasks and Meaning-associated States in Personality Development. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 71. pp. 79–106. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/71/5.
7. Shumsky, V.B., Ukolova, E.M., Osin, E.N. & Lupandina, Ya.D. (2016) Measuring Existential Fulfillment: An Original Russian Version of Test of Existential Motivations. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 13(4). pp. 763–788. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2016-4-763-788
8. Nourkova, V.V., Dnestrovskaya, M.V. & Mikhaylova, K.S. (2012) Cultural life script as a dynamic semantic structure of autobiographical experience (re)organization. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 5(25). (In Russian). [Online] Available from: <http://psystudy.ru> (Accessed: 10th December 2019)
9. Klein, S.V. & Gangi, C. (2010) The multiplicity of the self: Neuropsychologic evidence and its implications for the self as a construct in psychological research. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1191. pp. 1–15. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2010.05441.x
10. Damasio, A. & Meyer, K. (2009) Consciousness: an overview of the phenomenon and of its possible neural basis. In: Laureys, S. & Tononi, G. (eds.) *The Neurology of Consciousness: Cognitive Neuroscience and Neuropathology*. London: Academic Press. pp. 3–14. DOI: 10.1016/B978-0-12-374168-4.00001-0
11. Starovoytenko, E.B. (2013) Capacities of the I in Relationship with the Other: Hermeneutics and Reflection. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 10(4). pp. 121–142. (In Russian).
12. Habermas, T. & Köber, C. (2015) Autobiographical reasoning in life narratives buffers the effect of biographical disruptions on the sense of self-continuity. *Memory*. 23(5). pp. 564–574. DOI: 10.1080/09658211.2014.920885
13. Camia, C., Kuhn, M., Peters, I. & Habermas, T. (2019) Mentalizing oneself: detecting reflective functioning in life narratives. *Attachment & Human Development*. 21(4). pp. 313–331. DOI: 10.1080/14616734.2018.1473886
14. Sapogova, E.E. (2013) *Ekzistentsial'naya psikhologiya vzroslosti* [Existential Psychology of Adulthood]. Moscow: Smysl.
15. Sapogova, E.E. (2019) Sub"ektivnaya ontologiya i zhiznenny mir lichnosti [Subjective Ontology and the Individual's Lifeworld]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 15(1). pp. 35–45. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2019150104
16. Kronik, A.A. & Akhmerov, R.A. (2008) *Kauzometriya: metody samopoznaniya, psikhodiagnostiki i psikhoterapii v psikhologii zhiznennogo puti* [Causometry: methods of self-knowledge, psychodiagnosics and psychotherapy in the psychology of the life path]. Moscow: Smysl.
17. Ardelt, M. (2016) Disentangling the relations between wisdom and different types of well-being in old age: Findings from a short-term longitudinal study. *Journal of Happiness Studies*. 17(5). pp. 1963–1984.
18. Cordonnier, A., Barnier, J., John, A. & John, S. (2018) Phenomenology in Autobiographical Thinking: Underlying Features of Prospection and Retrospection. *Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice*. 5(3). pp. 295–311. DOI: 10.1037/cns0000156
19. Sapogova, E.E. (2001) *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow: Aspekt press.
20. Staudinger, U.M. (2001) Life reflection: a social-cognitive analysis of life review. *Review of General Psychology*. 5(2). pp. 148–160. DOI: 10.1037/1089-2680.5.2.148

21. Leontiev, A.N. (1994) *Filosofiya psikhologii: iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of Psychology: From Scientific Heritage]. Moscow: Moscow State University.
22. Raes, F., Hermans, D., Williams, J.M.G. & Eelen, P. (2006) Reduced autobiographical memory specificity and affect regulation. *Cognition and Emotion*. 20. pp. 402–429. DOI: 10.1080/02699930500341003
23. Tolstykh, N.N. (2018) *Khronotop: kul'tura i ontogenez* [Chronotope: culture and ontogeny]. Moscow; Smolensk: Universum.
24. Golovey, L.A., Manukyan, V.R. & Strizhitskaya, O.Y. (2015) Formation of personality psychological maturity and adulthood crises. *Psychology in Russia: State of the Art*. 8(2). pp. 99–112. DOI: 10.11621/pir.2015.0209
25. Korjova, E.Yu. & Verevkin, A.B. (2019) Formation of the individual's life path psychology: Western and Russian approaches. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya – Systems Psychology and Sociology*. 3(31). pp. 18–25. (In Russian). DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.02
26. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2002) Self-determination research: Reflections and future directions. In: Deci, E.L. & Ryan, R.M. (eds) *Handbook of Self-determination Research*. Rochester, NY: University of Rochester Press. pp. 431–441.
27. Ivankova, D.L. (2018) Psychological content of life competence in a situation of solving the ageing problems of youth. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*. 8(4). pp. 381–395. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.406
28. Sadovnikova, N.O. & Zannoni, F. (2018) Psychological features of professional identity crisis experience by teachers. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*. 20(3). pp. 83–99. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2018-3-83-99.
29. Shanahan, M.J., Mortimer, J.T. & Kirkpatrick, J.M. (eds) *Handbook of the Life Course*. Boston, MA: Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-20880-0
30. Hendricks, J. (2019) *The Meaning of Reminiscence and Life Review*. London: Taylor & Francis Ltd.
31. Birren, J.E. & Cochran, K. (2001) *Telling the Stories of Life through Guided Autobiography Groups*. London: Johns Hopkins University Press.
32. Westerhof, G.J., Beernink, J. & Sools, A. (2016) Who Am I? A Life Story Intervention for Persons With Intellectual Disability and Psychiatric Problems. *Intellectual and Developmental Disabilities*. 54(3). pp. 173–186. DOI: 10.1352/1934-9556-54.3.173
33. Klementyeva, M.V. (2016) *Biograficheskaya refleksiya kak resurs lichnostnogo razvitiya vzroslogo cheloveka* [Biographical reflection as a resource for the personal development of an adult]. Tula: Tula State University.
34. Sapogova, E.E. (2019) The Structure of Personal Thesaurus: Existential Psychological Approach. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 73. pp. 40–59. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/73/3
35. Starovoytenko, E.B. (2019) Self-Identity of the I in Internal Dialogue. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 16(3). pp. 434–456. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2019-3-434-456
36. Klementyeva, M.V. (2016) Biographical Self-Reflection as a Resource for Personal Development in Adults. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 12(1). pp. 14–23. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2016120102
37. Reker, G.T. (2000) Theoretical Perspective Dimensions and Measurement of Existential Meaning. In: Reker, G.T. & Chamberlain, K. (eds) *Exploring Existential Meaning: Optimizing Human Development across the Life Span*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. pp. 39–55.
38. Loginova, N.A. (2017) Stanovlenie ponyatiynogo apparata biograficheskoy psikhologii [Formation of the conceptual apparatus of biographical psychology]. In: Korzhova, E.Yu. & Miklyaeva, A.V. (eds) *Integrativnyy podkhod k psikhologii cheloveka i sotsial'nomu vzaimodeystviyu lyudey: vektory razvitiya sovremennoy psikhologicheskoy nauki* [An in-

- tegrative approach to human psychology and social interaction of people: vectors of development of modern psychological science]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University. pp. 169–176.
39. Heidegger, M. (2007) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka. pp. 58–86.
40. Klementyeva, M.V. (2019) The Biographical Concept as a Psychological Means of Life Reflection. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 15(4). pp. 68–78. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2019150407

Received 11.01.2020; Accepted 04.09.2020

Marina V. Klementyeva – Professor, Department of Psychology, Tula State University, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: marinaklementyeva@yandex.ru

УДК 159.9.07

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РАБОТАЮЩЕЙ СЕЛЬСКОЙ И ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Т.Г. Бохан^а, Э.В. Галажинский^а, О.В. Терехина^а,
А.Л. Ульянич^а, С.А. Богомаз^а

^а Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

Определен вклад личностных ресурсов в субъективную оценку качества жизни у представителей социально-демографических групп молодежи (проживающих и работающих в сельском муниципальном образовании и в областном центре) с различной оценкой возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания. Установлено, что такой личностный ресурс, как самоидентичность, может рассматриваться в качестве медиатора, опосредующего влияние оценки возможностей самореализации в средовых условиях на качество жизни городской и сельской молодежи. В то же время определены специфические личностные ресурсы, которые могут являться медиаторами в связи оценки возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания и качества жизни у городской и сельской молодежи.

Ключевые слова: субъективное качество жизни; личностные ресурсы; самоидентичность; личностный потенциал; самореализация; удовлетворенность жизнью; молодежь.

Введение

В связи с тем, что «качество жизни провозглашено общенациональной идеей, способной существенно изменить весь ход развития России в наступившем веке» [1], решение проблемы качества жизни стало ключевой практической задачей для современного развития России и интегральным критерием эффективности, успешности проводимой социально-экономической политики государства [2]. Качество жизни выступает важнейшей зависимой переменной в экономике, здравоохранении, социологии, психологии, теории и практике государственного управления, что указывает на междисциплинарный характер проблемы [3–6]. Современные междисциплинарные подходы к качеству жизни указывают на необходимость интегративной оценки уровня жизни, благосостояния и благополучия [7–10].

Учитывая, что до настоящего времени не предложено собственно интегративного подхода к пониманию и операционализации понятия качества

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект 18-18-00480 «Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни».

жизни, Д.А. Леонтьевым (2020) на основе систематизации имеющихся знаний и теоретического осмысления проблемы была разработана концептуальная рабочая модель качества жизни, интегрирующая объективные, субъективные и субъектные факторы оценки среды [11]. В данной рабочей модели предполагается, что субъективное отношение к жизни может выступить в качестве интегрирующего основания, позволяющего синтезировать определения, заданные различными дисциплинами. Опора на данную модель, основанную на понимании психологических механизмов трансформации объективных условий в субъективные переживания и жизненную ситуацию, позволит сопоставить психологические меры качества жизни и благополучия как комплексных зависимых переменных, характеризующих интегральную оценку жизни, в соотношении с личностными предикторами. Мы полагаем, что использование научного потенциала междисциплинарной структурной модели качества жизни Д.А. Леонтьева (2020) может послужить основой для реализации эмпирических исследований психологических факторов и механизмов процесса оценки человеком своей жизни в объективных условиях, их роли в трансформации внешних условий в субъективное благополучие и качество жизни человека [11, 12].

Обращение к изучению качества жизни молодежи в его объективных, субъективных и субъектных аспектах определяется тем, что молодежь как социальная группа отличается от других групп населения, с одной стороны, своей активностью, обладанием более актуальными знаниями и навыками, ускоренным процессом адаптации, большей миграционной подвижностью и материальными потребностями, с другой – наличием стоящей перед молодыми людьми задачи самоопределения – разобраться (понять, осознать, осмыслить) в сущности происходящих социально-экономических и политических изменений и самоопределиваться, т.е. создать новые жизненные ориентиры, выработать адекватную обстоятельствам стратегию собственной жизнедеятельности [13–15]. В этой связи важным представляется вопрос о том, как молодые люди воспринимают актуальную жизненную ситуацию, как они оценивают и используют возможности окружающей среды для повышения качества своей жизни, как ощущают удовлетворенность жизнью и какими личностными ресурсами располагают для достижения личного счастья. В качестве личностных ресурсов Д.А. Леонтьев и другие исследователи рассматривают в первую очередь структуры личностного потенциала и другие личностные качества, которые влияют на формирование индивидуально своеобразного стиля жизни личности, меру благополучия личности (даже при невыгодной объективной ситуации), обеспечивают успешное осуществление деятельности в относительно неблагоприятных условиях [12, 16]. В связи с этим становится актуальной задача выявления роли личностных ресурсов в опосредствовании связи между социально-демографическими и ситуативными факторами и удовлетворенностью жизнью.

В представленном исследовании мы предполагаем, что определенные психологические характеристики личностного потенциала как личностные

ресурсы работающей молодежи могут опосредовать влияние оценки условий среды для возможностей самореализации на субъективное качество жизни. В то же время мы предполагаем, что личностные ресурсы могут влиять на субъективное благополучие и через средовые условия, когда определенные условия среды могут активизировать личностные ресурсы молодежи для улучшения качества жизни. Возможность существования такой связи рассматривалась как в теоретических работах, так и в эмпирических исследованиях [11, 16]. В качестве личностных ресурсов работающей молодежи изучались следующие характеристики личностного потенциала, представляющие его структурные уровни [17]: базисные убеждения, самоорганизация, самодетерминация, рефлексивность.

Цель исследования – определить роль личностных ресурсов в субъективной оценке качества жизни у представителей социально-демографических групп молодежи (проживающих и работающих в сельском муниципальном образовании и в областном центре) с различным восприятием возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания.

Материалы и методы исследования

Для анализа особенностей субъективного качества жизни использованы Опросник качества жизни и удовлетворенности [18], Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер, в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина) [19], Индекс удовлетворенности самореализацией в условиях проживания [20].

Для изучения характеристик личностного потенциала применялись Опросник самоорганизации деятельности (Е.Ю. Мандрикова) [21], Методика дифференциальной диагностики рефлексивности [22], Шкала самодетерминации личности (Б. Шелдон, в адаптации и модификации Е.Н. Осина) [23, 24], Шкала базисных убеждений (Р. Янов-Бульман, в адаптации О.А. Кравцовой) [17].

Статистический анализ проводился с помощью методов описательной статистики, сравнительного анализа (однофакторный дисперсионный анализ ANOVA), кластерного анализа (иерархическая кластеризация методом Межгрупповой связи) и регрессионного анализа.

В исследовании приняли участие 280 человек, из которых 140 человек в возрасте от 18 до 36 лет (средний возраст $29,22 \pm 4,33$), проживающие в сельском муниципальном образовании севера Томской области (Сибирский федеральный округ), и 140 человек – жители города Томска в возрасте от 25 до 41 года (средний возраст $29,45 \pm 4,325$). Значимых различий по показателю возраста между группами не выявлено ($p = 0,687$).

Образовательный статус: среди молодежи, проживающей в сельском муниципальном образовании, 40% участников исследования со средним уровнем образования, 48% – со средним специальным, 12% – с высшим. Среди молодежи, проживающей в областном центре, 2% со средним уровнем образования, 7% – со средним специальным и 91% – с высшим образованием.

Результаты исследования

Для определения особенностей субъективной оценки качества жизни в группах молодежи анализировались результаты описательной статистики показателей Опросника качества жизни и удовлетворенности, Шкалы удовлетворенности жизнью и Индекса удовлетворенности самореализацией в условиях проживания. В обеих группах респондентов среднее значение суммарного показателя качества жизни и удовлетворенности жизнью находится в пределах нижнего квартиля, что указывает на некоторую общую неудовлетворенность качеством жизни у многих респондентов. В то же время средние значения показателей удовлетворенности физическим здоровьем, эмоциональными переживаниями и общением находятся в пределах среднего квартиля, что указывает на удовлетворенность данными сферами жизни у многих респондентов. У представителей сельской молодежи средние значения по показателям шкалы удовлетворенности жизнью и активности в свободное время ниже показателя нижнего квартиля, что свидетельствует о неудовлетворенности этими сферами жизни.

Сравнительный анализ с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA позволил выявить статистически значимые различия в средних значениях ($p < 0,05$) следующих переменных: эмоциональные переживания ($F = 5,750$; $p = 0,017$), активность в свободное время ($F = 6,068$; $p = 0,015$), удовлетворенность жизнью ($F = 52,409$; $p = 0,000$) и индекс удовлетворенности ($F = 24,666$; $p = 0,000$). Представители сельской молодежи по сравнению с городскими жителями оказались значимо менее удовлетворенными качеством жизни.

При изучении характеристик личностного потенциала было выявлено, что по всем показателям опросника самоорганизации деятельности средние значения в обеих группах находятся в пределах среднего квартиля, кроме показателей шкалы «Самоорганизация», средние значения которой ближе к нижнему квартилю, и шкалы «Ориентация на настоящее», средние значения которой находятся в пределах верхнего квартиля, у представителей сельской молодежи. С помощью однофакторного дисперсионного анализа были получены значимые различия между группами по показателям самоорганизации ($F = 6,154$; $p = 0,014$) и ориентации на настоящее ($F = 18,451$; $p = 0,000$), что характеризует представителей сельской молодежи по сравнению с городской молодежью как достоверно более сконцентрированных на происходящем с ними в настоящий момент, но реже прибегающих при самоорганизации к помощи внешних средств.

В отношении такого ресурса личностного потенциала, как рефлексивность, полученные результаты свидетельствуют о том, что у многих представителей сельской молодежи чрезмерно выражена квазирефлексия ($F = 40,408$; $p = 0,000$), т.е. их рефлексивные действия часто могут быть направлены на объекты, не имеющие отношения к актуальной жизненной ситуации, на что указывают средние значения, превышающие показатель верхнего квартиля. Средние значения показателей системной рефлексии

и интроспекции в группе сельской молодежи и средние значения всех шкал в группе городской молодежи соответствуют среднему квартилю, что говорит о способности к самодистанцированию и взгляду на себя со стороны, которые позволяют охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта, сосредоточенности на собственном состоянии и переживаниях респондентов обеих групп. При этом сравнительный анализ позволил выявить статистически достоверные различия в показателях квазирефлексии с ее преобладанием у молодежи сельской местности по сравнению с респондентами из городской группы.

По данным описательной статистики показателей базисных убеждений можно отметить, что в обеих группах средние значения по всем шкалам находятся в пределах среднего квартиля. При этом между группами выявлены значимые различия в показателях случайности ($F = 7,044$; $p = 0,009$), ценности собственного «Я» ($F = 5,044$; $p = 0,026$) и степени удачи или везения ($F = 8,196$; $p = 0,005$), указывающие на то, что представители сельской молодежи достоверно более склонны верить в то, что все в мире случайно, и считать себя менее «везучими» и менее личностно сильными, чем представители городской молодежи, которые считают себя более удачливыми и более личностно уверенными.

При анализе показателей самодетерминации выявлено, что средние значения всех показателей в группе городской молодежи соответствуют среднему квартилю, в группе сельской молодежи средние значения показателей самотождественности и общего индекса самодетерминации находятся в пределах нижнего квартиля, что может указывать на переживание раздвоенности, отчуждение от собственных чувств, зависимость от мнения окружающих и о склонности «пассивно плыть в потоке повседневности» у большинства представителей сельской молодежи. Значимо более выражены показатели самотождественности ($F = 10,013$; $p = 0,002$), самовыражения ($F = 7,395$; $p = 0,007$) и общего индекса самодетерминации ($F = 7,843$; $p = 0,006$) у представителей городской молодежи по сравнению с данными в группе сельской молодежи.

С целью определения особенностей субъективной оценки качества жизни представителей сельской и городской работающей молодежи с различными характеристиками личностного потенциала был использован кластерный анализ (иерархическая кластеризация) методом межгрупповой связи (расстояние Косинус), который на основании выраженности показателей субъективной оценки качества жизни и определенных характеристик личностного потенциала как возможных предикторов качества жизни разделил группу представителей сельской работающей молодежи на две кластерные группы. С помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлены следующие значимые различия по показателям субъективной оценки качества жизни (табл. 1).

Результаты сравнительного анализа свидетельствуют, что респонденты кластера 1 значимо более удовлетворены своим физическим самочувствием и здоровьем, эмоциональными переживаниями, активностью в свободное

время и общением в целом; суммарный индекс качества жизни и удовлетворенности ею значимо более высокий в кластерной группе 1.

Таблица 1

Значимые различия по показателям субъективной оценки качества жизни между кластерными группами сельской работающей молодежи

Методики	Показатели	M ± SD		F	p-value ANOVA
		Кластер 1	Кластер 2		
Опросник качества жизни и удовлетворенности	Физическое здоровье	16,58 ± 2,23	10,38 ± 3,43	116,74	< 0,00
	Эмоциональные переживания	22,58 ± 2,65	15,50 ± 3,90	114,21	< 0,00
	Активность в свободное время	11,48 ± 1,98	8,31 ± 2,62	47,10	< 0,00
	Общение	21,83 ± 2,65	17,40 ± 4,66	34,88	< 0,00
	Суммарный индекс качества жизни и удовлетворенности	18,11 ± 1,53	12,89 ± 2,52	159,70	< 0,00
Индекс удовлетворенности самореализацией в условиях проживания	Индекс удовлетворенности самореализацией	5,18 ± 1,34	4,16 ± 1,81	10,08	< 0,00

Следует отметить, что в кластере 1 среднее значение суммарного показателя качества жизни и удовлетворенности находится в пределах нижнего квартиля, а в кластере 2 – ниже нижнего квартиля, что указывает на неудовлетворенность качеством жизни у многих респондентов, особенно у респондентов кластера 2. При этом в кластере 1 большинство респондентов удовлетворены своим физическим здоровьем и эмоциональными переживаниями, в меньшей мере они удовлетворены своими возможностями в активности в свободное время и в общении. Показатели удовлетворенности во всех изучаемых сферах жизни в кластере 2 ниже показателя нижнего квартиля, что указывает на неудовлетворенность во всех жизненных сферах.

В данных кластерных группах сельской работающей молодежи с помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлены значимые различия по следующим характеристикам личностного потенциала (табл. 2).

У респондентов кластера 1 значимо более выражены такие ресурсы самоорганизации, как наличие целей, настойчивость в их реализации, целеустремленность, возможности поиска средств достижения целей, возможность самоорганизации деятельности. Средние значения данных шкал самоорганизации в обеих группах находятся в рамках средних нормативных показателей. Полученные результаты указывают на то, что респонденты кластера 1 более способны ставить перед собой цели и стремиться к их достижению, проявлять волевые усилия по достижению результатов, преодолевая препятствия, планировать и прибегать к различным средствам для решения поставленных задач. В отношении такого личностного ресурса, как рефлексия, полученные результаты свидетельствуют о том, что у многих респондентов кластера 1 чрезмерно выражена квазирефлексия, т.е. их рефлексивные

действия часто могут быть направлены на объекты, не имеющие отношения к актуальной жизненной ситуации, и связаны с отрывом от актуальной ситуации их бытия. В кластере 2 этот показатель также находится в пределе верхнего квартиля.

Таблица 2

Значимые различия по показателям характеристик личностного потенциала между кластерными группами сельской работающей молодежи

Методики	Показатели	M ± SD		F	p-value ANOVA
		Кластер 1	Кластер 2		
Опросник самоорганизации деятельности, Е.Ю. Мандрикова	Наличие целей	36,41 ± 7,79	33,06 ± 7,69	4,63	< 0,01
	Настойчивость	26,80 ± 7,05	22,00 ± 6,47	9,49	< 0,01
	Самоорганизация	7,86 ± 4,54	6,02 ± 4,40	4,19	< 0,05
	Суммарный балл ОСД	122,14 ± 19,77	110,31 ± 17,74	9,77	< 0,01
	Индекс целеустремленности	31,30 ± 5,79	27,53 ± 5,15	11,67	< 0,01
Методика дифференциальной диагностики рефлексивности, Д.А. Леонтьев	Квазирефлексия	40,80 ± 20,62	7,00 ± 14,23	14,85	< 0,01
	Суммарный индекс рефлексивности	33,41 ± 8,85	29,00 ± 7,47	7,13	< 0,01
Шкала базисных убеждений, Р. Янов-Бульман	Доброта людей	4,50 ± 2,25	3,74 ± 0,80	4,85	< 0,01
	Степень удачи	3,99 ± 1,30	3,28 ± 0,94	17,65	< 0,01
Шкала самодетерминации личности, Б. Шелдон	Самотождественность	16,79 ± 3,33	13,06 ± 3,51	29,65	< 0,01
	Самовыражение	11,02 ± 2,70	9,04 ± 2,63	13,73	< 0,01
	Индекс самодетерминации	15,23 ± 2,71	12,95 ± 2,58	18,62	< 0,01

Респондентов кластера 1 отличает значимо более выраженное базисное убеждение в доброте людей по отношению к ним, в своей удачливости. Большинство респондентов кластера 2 считают себя «невезучими». Такие показатели самодетерминации, как самотождественность, самовыражение и общий индекс самодетерминации, оказались значимо выше у респондентов кластера 1. В кластере 2 показатели аналогичных переменных в пределах или ниже нижнего квартиля. Эти данные могут свидетельствовать о недостаточной осмысленности жизни, ее несоответствии внутренней сути, отчуждении от собственных чувств, неудовлетворенности жизнью у многих респондентов кластера 2. Эти проявления отсутствуют у респондентов кластера 1, многие из которых в средней степени оценивают свою самотождественность, реализацию своих задуманных желаний и жизненных стремлений. Статистические различия получены по показателю «возраст респондентов». Они указывают, что в первую кластерную группу входят значимо более молодые по возрасту респонденты, чем во вторую кластерную группу.

Таким образом, можно отметить, что представители сельской работающей молодежи с более позитивной оценкой качества своей жизни и боль-

шей удовлетворенностью ею более молоды и у них более выражены такие ресурсы личностного потенциала, как возможности самоорганизации (наличие целей, настойчивость, выбор средств) и самодетерминации, более позитивное восприятие отношения других людей к себе и себя как личности, однако их рефлексивные действия часто могут быть связаны с отрывом от актуальной ситуации их бытия.

В выборке городской работающей молодежи был проведен кластерный анализ (иерархическая кластеризация) методом межгрупповой связи (расстояние Косинус) совокупности показателей субъективной оценки качества жизни и характеристик личностного потенциала, который разделил выборку респондентов также на две кластерные группы. С помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлены следующие значимые различия по показателям субъективной оценки качества жизни (табл. 3) и характеристикам личностного потенциала (табл. 4) между кластером 1 и кластером 2.

Таблица 3

Значимые различия по показателям субъективной оценки качества жизни между кластерными группами городской работающей молодежи

Методики	Показатели	M ± SD		F	p-value ANOVA
		Кластер 1	Кластер 2		
Опросник качества жизни и удовлетворенности	Физическое здоровье	10,87 ± 3,29	15,51 ± 2,44	84,12	< 0,01
	Эмоциональные переживания	18,37 ± 3,24	21,89 ± 2,25	53,06	< 0,01
	Активность в свободное время	9,25 ± 1,88	11,84 ± 1,93	57,09	< 0,01
	Общение	18,08 ± 2,83	21,18 ± 2,41	44,55	< 0,01
	Суммарный индекс качества жизни и удовлетворенности	14,14 ± 1,68	17,61 ± 1,26	177,36	< 0,01

Выявленные значимые различия свидетельствуют, что средние значения всех шкал Опросника качества жизни и удовлетворенности, включая и суммарный индекс качества жизни, выше в кластере 2. Эти средние значения находятся в пределах показателей среднего квартиля. В кластере 1 аналогичные показатели удовлетворенности различными сферами жизни находятся ниже значений нижнего квартиля. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что группа работающей городской молодежи представлена двумя типами респондентов с различным уровнем удовлетворенности сферами и качеством жизни. Большинство респондентов кластера 1 не удовлетворены собственными физическим и эмоциональным функционированием, активностью и общением, в целом – своей жизнью. Большинство респондентов кластера 2 достаточно удовлетворены своим функционированием в основных жизненных сферах и качеством своей жизни.

На основании полученных различий в кластерных группах выделены два типа респондентов, которые отличаются способностями к самооргани-

зации: одни могут достаточно гибко видеть и ставить свои цели, планировать свою деятельность, проявляя настойчивость в их реализации, у другого типа представителей такие способности снижены – для них не совсем определенно их будущее, нехарактерно планирование собственной ежедневной активности, они не всегда прилагают волевые усилия и настойчивость для завершения начатых дел.

Таблица 4

Значимые различия по показателям характеристик личностного потенциала между кластерными группами городской работающей молодежи

Методики	Показатели	M ± SD		F	p-value ANOVA
		Кластер 1	Кластер 2		
Опросник самооорганизации деятельности, Е.Ю. Мандрикова	Планирование	17,96 ± 7,04	20,55 ± 7,22	4,06	< 0,05
	Настойчивость	21,04 ± 8,11	24,13 ± 5,93	6,22	< 0,05
	Суммарный балл ОСД	110,67 ± 21,64	119,75 ± 18,03	6,64	< 0,01
	Индекс целеустремленности	27,31 ± 6,61	29,92 ± 5,07	6,37	< 0,01
Методика дифференциальной диагностики рефлексивности, Д.А. Леонтьев	Системная рефлексия	35,42 ± 6,22	38,22 ± 5,75	6,86	< 0,01
	Интроспекция / «самокопание»	24,35 ± 5,36	21,28 ± 5,43	9,98	< 0,01
Шкала базисных убеждений, Р. Янов-Бульман	Контролируемость мира	3,92 ± 0,93	4,46 ± 0,76	4,32	< 0,05
	Ценность собственного «Я»	4,01 ± 0,73	4,83 ± 0,83	11,79	< 0,01
Шкала самодетерминации личности, Б. Шелдон	Самотождественность	15,44 ± 2,68	16,99 ± 2,34	11,96	< 0,01
	Самовыражение	10,19 ± 2,92	11,68 ± 2,43	9,83	< 0,05
	Воспринимаемый выбор	17,06 ± 4,03	18,62 ± 4,06	4,59	< 0,05
	Индекс самодетерминации	14,23 ± 2,56	15,76 ± 2,34	12,25	< 0,01

Значимые различия в показателях системной рефлексии указывают на более выраженную возможность респондентов кластера 2 к самодистанцированию и взгляду на себя со стороны по сравнению с респондентами кластера 1. Средние значения системной рефлексии в этих кластерах указывают на среднюю степень выраженности системной рефлексии у многих респондентов кластера 2, в то время как данный показатель в кластере 1 находится ниже среднего квартиля. Для многих респондентов кластера 1 более характерна интроспекция как сосредоточенность на собственном состоянии, собственных переживаниях. В отношении базисных убеждений значимые различия указывают на большее убеждение в контролируемости мира у многих респондентов кластера 2 по сравнению с респондентами кластера 1, которые более склонны верить в случайность, в то, как повезет. Убеждение в собственной ценности, силе собственной личности значимо более выражено в кластере 2, что может свидетельствовать о более низкой самооценке у респондентов кластера 1. Показатели компонентов самодетерминации, указывающие на возможности осуществления деятельности в отно-

сительной свободе от условий, связанных с биологическими предпосылками, потребностями, характером и другими устойчивыми психологическими структурами, значимо более выражены в кластере 2. В то же время следует отметить, что в кластере 2 показатель самоощущения более приближен к среднему значению, а в кластере 1 – к нижнему квартилю. Это может говорить об умеренной уверенности у респондентов кластера 2 в том, что их жизнь соответствует их внутренней сути, а у респондентов кластера 1 – о возможности переживания раздвоенности, отчуждения от собственных чувств. Респонденты кластера 2 более уверены в возможности свободы собственного выбора, чем респонденты кластера 1, большинство из которых испытывают неуверенность. Респонденты кластера 2 более склонны ориентироваться на свои внутренние принципы, в то время как у респондентов кластера 1 отмечается тенденция склонности к зависимости от внешнего мнения, склонность к более пассивному образу жизни. Степень удовлетворенности самореализацией оказалась значимо выше в кластере 2.

Далее решалась задача выявления тех личностных ресурсов, которые выступают в качестве опосредующих факторов влияния оценки возможностей самореализации в условиях проживания на субъективное качество жизни работающей сельской и городской молодежи. Проверялись модели связи показателей субъективного качества жизни со всеми шкалами личностного потенциала. В группе городской молодежи обнаружены значимые модели ($p \leq 0,05$) связи между зависимыми переменными (показатели качества жизни) и независимыми переменными (шкалы личностного потенциала), объясненная дисперсия по которым варьирует от 3 до 51% (табл. 5). Наибольший процент объясненной дисперсии и самый высокий коэффициент регрессии выявлены в модели связи Ценности собственного «Я» с Суммарным индексом субъективного качества жизни и Удовлетворенностью эмоциональными переживаниями. Следует отметить, что при одновременном включении в анализ всех шкал личностного потенциала полученная модель являлась незначимой.

Таблица 5

Значимые регрессионные модели связи между показателями качества жизни и шкалами личностного потенциала в группе сельской работающей молодежи

Независимые переменные		Зависимые переменные – показатели КЖ					
		Суммарный индекс	Физическое здоровье	Эмоциональные переживания	Активность в свободное время	Общественное	Удовлетворенность жизнью
Наличие целей	β	0,26*	–	0,31**	–	–	–
	R^2	0,07		0,10			
	F	8,75		13,37			
Настойчивость	β	0,27*	–	0,34**	0,27*	–	–
	R^2	0,07		0,12	0,07		
	F	9,59		16,87	10,05		

Окончание табл. 5

Независимые переменные		Зависимые переменные – показатели КЖ					
		Суммарный индекс	Физическое здоровье	Эмоциональные переживания	Активность в свободное время	Общественное	Удовлетворенность жизнью
Фиксация	β	–	–0,23*	–	–	–	–
	R^2		0,05				
	F		7,20				
Суммарный балл ОСД	β	0,28**		0,37**	–	–	0,27**
	R^2	0,08		0,14			0,07
	F	10,97		20,18			9,99
Индекс целеустремленности	β	0,30**	–	0,38**	0,25*	–	0,23*
	R^2	0,09		0,14	0,07		0,05
	F	12,38		20,75	8,70		6,75
Индекс рациональности	β	–	–	0,23*	–	–	–
	R^2			0,05			
	F			6,84			
Системная рефлексия	β	0,223*	0,32**	–	–	–	–
	R^2	0,05	0,10				
	F	6,89	13,97				
Интроспекция (самокопание)	β	–0,35**	–0,39**	–0,30**	–0,26*	–	–
	R^2	0,12	0,15	0,09	0,07		
	F	17,70	22,01	12,120	8,84		
Квазирефлексия	β	–0,24*	–	–0,33**	–	–	–0,40**
	R^2	0,06		0,11			0,16
	F	7,64		15,41			23,73
Убежденность в благосклонности мира	β	–	–	0,31*	–	–	–
	R^2			0,10			
	F			4,39			
Доброта людей	β	–	–	0,34**	–	–	
	R^2			0,11			
	F			5,20			
Ценности собственного «Я»	β	0,62**	0,47**	0,71**	0,33*	0,34*	–
	R^2	0,39	0,22	0,51	0,11	0,11	
	F	26,05	11,85	41,99	4,85	5,30	
Степень удачи или везения	β	–	–	–	–	0,38*	–
	R^2					0,15	
	F					7,07	
Самотождественность	β	0,32**	0,18*	0,34**	0,24*	–	0,43**
	R^2	0,10	0,03	0,12	0,06		0,19
	F	14,30	3,98	16,55	7,64		29,07
Самовыражение	β	0,31**	–	0,41**	0,34**	–	0,50**
	R^2	0,10		0,17	0,12		0,25
	F	13,83		25,91	16,74		41,60
Воспринимаемый выбор	β	0,25*	–	0,29**	0,29**	–	0,24*
	R^2	0,06		0,09	0,09		0,06
	F	8,22		11,66	11,76		7,49
Индекс самодетерминации	β	0,35**	–	0,42**	0,36**	–	0,46**
	R^2	0,13		0,18	0,13		0,21
	F	18,01		27,00	18,90		32,70

Примечание. ** $p < 0,01$, * $p \leq 0,05$.

На следующем этапе тестировалась возможность добавления опосредующего показателя в регрессионные модели. В данной группе респондентов с помощью медиаторного анализа обнаружено четыре значимых модели с разным процентом объясненной дисперсии, в которых соблюдались требования наличия значимых связей между независимой переменной и медиатором, а также между медиатором и зависимой переменной в итоговой модели.

Первая модель – самоидентификация является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и суммарным индексом субъективного качества жизни, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,07$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 6,5%. Вторая модель – самоидентификация является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и показателем удовлетворенности жизнью, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,10$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 10,7%. Третья – индекс рациональности является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и удовлетворенностью жизнью, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,07$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 6,5%.

Учитывая существующие данные о том, что и средовые условия могут активизировать личностные ресурсы для достижения изменений в качестве жизни человека и, следовательно, в его субъективной оценке [11], нами была изучена возможность рассматривать удовлетворенность самореализацией в условиях проживания как медиатор, актуализирующий определенные личностные ресурсы у молодежи. В группе городской молодежи выявлено, что удовлетворенность самореализацией в условиях проживания является значимым медиатором в модели связи между Ценностью собственного «Я» и Суммарным индексом КЖ, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент регрессии ($\beta_1 - \beta_2 = 0,24$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 31,4%.

Сравнение этих моделей указывает, что самой сильной медиационной моделью является модель, в которой медиационным фактором выступает удовлетворенность самореализацией в условиях проживания, так как объясненная дисперсия увеличилась более чем на 30% и сократилась связь между предиктором и зависимой переменной в итоговой модели (при добавлении в анализ медиатора).

В группе представителей сельской молодежи также проведен регрессионный анализ (метод – Ввод) для определения связи показателей личностного потенциала и качества жизни. Обнаружены значимые модели ($p \leq 0,05$) связи между зависимыми переменными (показатели качества жизни) и независимыми переменными (шкалы личностного потенциала), объясненная дисперсия по которым варьирует от 6 до 31%. Все показатели личностного потенциала имеют положительные связи с показателями качества жизни (табл. 6).

Наибольший процент объясненной дисперсии и самый высокий коэффициент регрессии у предикторов выявлены в моделях связи Самоидентификации с Удовлетворенностью общением и с Суммарным индексом субъективного качества жизни. Однако при одновременном включении в анализ всех шкал личностного потенциала полученная модель являлась незначимой.

Таблица 6

Значимые регрессионные модели связи между показателями качества жизни и шкалами личностного потенциала в группе городской работающей молодежи

Независимые переменные		Зависимые переменные – показатели КЖ					
		Суммарный индекс	Физическое здоровье	Эмоциональные переживания	Активность в свободное время	Общение	Удовлетворенность жизнью
Настойчивость	β	0,34*	0,39**	0,28*	–	0,29*	–
	R^2	0,12	0,15	0,08		0,08	
	F	8,92	12,35	5,80		6,08	
Самоорганизация	β	–	–	–	–	0,25*	–
	R^2					0,06	
	F					4,38	
Суммарный балл ОСД	β	0,24*	–	–	–	0,24*	–
	R^2	0,06				0,06	
	F	3,97				4,01	
Индекс целеустремленности	β	0,33*	0,35*	0,31*	–	0,28*	–
	R^2	0,11	0,12	0,10		0,08	
	F	8,42	9,28	7,39		5,59	
Квазирефлексия	β	–	–	–	–	0,30*	–
	R^2					0,09	
	F					6,66	
Убежденность в благосклонности мира	β	0,26*	–	–	–	0,33*	–
	R^2	0,07				0,11	
	F	4,89				8,59	
Доброта людей	β	0,25*	0,27*	0,27*	–	0,29*	0,25*
	R^2	0,06	0,07	0,07		0,08	0,06
	F	4,49	5,26	5,52		6,25	4,39
Ценности собственного «Я»	β	0,27*	–	0,33*	0,25*	–	–
	R^2	0,07		0,11	0,06		
	F	5,24		8,40	4,53		
Степень удачи или везения	β	0,30*	0,26*	0,26*	–	0,31*	–
	R^2	0,09	0,07	0,07		0,09	
	F	6,84	5,16	4,81		7,06	
Самоидентификация	β	0,55**	0,36*	0,49**	0,34*	0,56**	0,24*
	R^2	0,31	0,13	0,24	0,11	0,31	0,06
	F	30,32	10,52	21,75	8,86	30,78	4,13
Самовыражение	β	0,38**	–	0,46**	–	0,39**	0,27*
	R^2	0,14		0,21		0,16	0,08
	F	11,50		18,17		12,63	5,59
Индекс самодетерминации	β	0,45**	0,25*	0,45**	0,25*	0,46**	–
	R^2	0,21	0,07	0,20	0,07	0,21	
	F	17,78	4,77	17,21	4,77	18,42	

Примечание. ** $p < 0,01$, * $p \leq 0,05$.

На следующем этапе тестировалось возможность добавления опосредующего показателя в регрессионные модели. В данной группе респондентов с помощью медиаторного анализа обнаружено две значимых модели с разным процентом объясненной дисперсии, в которых соблюдались требования наличия значимых связей между независимой переменной и медиатором, а также между медиатором и зависимой переменной в итоговой модели. Первая модель – самоидентичность является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и удовлетворенностью физическим здоровьем, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,05$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 10,4%. Вторая модель – степень удачи или везения является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и удовлетворенностью физическим здоровьем, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,01$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 6,2%.

В группе сельской молодежи также изучалась возможность рассмотрения удовлетворенности самореализацией в условиях проживания в качестве медиаторного фактора. В результате выявлено две значимых модели. Первая – удовлетворенность самореализацией в условиях проживания является значимым медиатором в модели связи между самовыражением и суммарным индексом качества жизни, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент регрессии ($\beta_1 - \beta_2 = 0,04$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 4,0%. Вторая модель – удовлетворенность самореализацией в условиях проживания является значимым медиатором в модели связи между самоидентичностью и суммарным индексом качества жизни, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент регрессии ($\beta_1 - \beta_2 = 0,03$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 3,6 %.

Обсуждение результатов исследования

Выявлена некоторая общая неудовлетворенность качеством жизни у многих представителей городской и сельской работающей молодежи. Исключение составляют такие сферы, как физическое здоровье и эмоциональные переживания, которые в целом удовлетворяют представителей обеих групп, что, вероятно, связано с возрастными особенностями молодежи. Многие представители группы сельской молодежи имеют низкую оценку своих возможностей в активности в свободное время и соответствия жизненных обстоятельств собственным ожиданиям. Представители сельской молодежи по сравнению с городскими жителями значительно менее удовлетворены жизнью в целом, эмоциональными переживаниями, активностью в свободное время, возможностями самореализации в актуальных средовых условиях проживания. Эти данные, вероятно, могут указывать как на дефициты актуальных средовых условий проживания, связанные

с культурным, спортивным и прочими видами досуга молодежи, возможностями самореализации, так и на дефициты личностных ресурсов, блокирующих выбор жизненных целей и их реализацию.

Данные, полученные в отношении личностных ресурсов, свидетельствуют, что они более выражены в группе городской работающей молодежи. К таковым можно отнести способности к самоорганизации, рефлексии, личностную уверенность, ответственность за происходящее в жизни, возможность реализации задуманных желаний и ориентацию на свои внутренние принципы. В группе сельской молодежи средние значения показателей личностных ресурсов и их сравнение с данными в группе городской молодежи свидетельствуют о дефицитах личностного потенциала, проявляющихся у многих представителей сельской группы: в стремлении жить, ориентируясь больше на настоящее, без учета прошлого опыта и планирования своего будущего; трудностях в гибком поиске, выборе и использовании средств для достижения целей; склонности уходить от актуальной ситуации бытия в мире, в свои фантазии и мечты; дефиците личностной уверенности и ценности собственного Я, склонности верить в случайность событий и дефиците собственной ответственности за то, что происходит с ними в жизни; склонности к отчуждению от собственных чувств, зависимости от мнения окружающих, тенденции «пассивно плыть в потоке повседневности». В то же время можно выделить такие личностные ресурсы, которые могут быть активизированы в жизненные стратегии и конкретные действия, позволяющие улучшить качество жизни сельской молодежи. К ним относятся базовые убеждения в благосклонности мира, доброте людей, контролируемости мира и возможности собственного самоконтроля, способность к системной рефлексии и самоорганизации деятельности.

Результаты кластерного анализа косвенно подтверждают существование определенных личностных ресурсов у респондентов, значимо более удовлетворенных качеством жизни. В обеих группах молодежи выделилось два типа представителей, отличающихся степенью удовлетворенности качеством жизни в определенных сферах. В группе сельской молодежи выявилось также и отличие в оценке возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания. Кластерные группы городской молодежи оказались однородными по показателю удовлетворенности самореализацией в актуальных средовых условиях проживания. Общими личностными ресурсами у респондентов обеих групп с более высокой оценкой качества жизни являются способность к осознанному планированию и самостоятельному выдвижению целей, настойчивость и волевые усилия по их реализации, гибкость и конструктивность рефлексии, вера в себя и собственные возможности по изменению среды, склонность ориентироваться на свои внутренние принципы. У сельской молодежи к таким качествам относится также убеждение в доброте людей.

Для определения вклада личностных ресурсов в связь оценки возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания с субъективным качеством жизни использован медиаторный анализ, на ос-

нове которого строились целостные модели связей между несколькими группами показателей. С помощью множественного регрессионного анализа определен вклад интегральных показателей личностных ресурсов в показатели психологического благополучия социально-демографических групп молодежи, а также эффекты взаимодействия личностных ресурсов с показателями оценки возможности самореализации в условиях проживания. В результате были получены достоверные данные о возможности рассматривать самотождественность и рациональность в качестве медиаторов, опосредующих влияние оценки возможностей самореализации в условиях проживания на субъективное качество жизни у городской работающей молодежи. В группе сельской молодежи такие личностные ресурсы, как самотождественность и уверенность в своей удаче, выступают в качестве значимых медиаторов между оценкой возможностей самореализации в условиях проживания и удовлетворенностью своим физическим здоровьем.

Таким образом, можно предположить, что способность выстраивать свою жизнь в соответствии со своей сутью, осознанно определять свою жизнь может являться важным фактором, который независимо от средовых условий способен оказывать положительное влияние на интегральную субъективную оценку качества жизни как городской, так и сельской молодежи. В многочисленных работах идентичность как переживание самотождественности рассматривается как условие устойчивости человека в меняющемся мире, что может отражаться в удовлетворенности качеством жизни [25, 26]. Говоря о значимости самотождественности для развития человека как условия его устойчивости, Э. Эриксон отмечает: «Проявляющаяся внутренняя цельность в форме ощущения самотождественности “Я” – это сумма опыта, приобретенного на всех предшествующих стадиях, когда успешное отождествление приводило к успешному уравниванию базисных потребностей индивидуума с его возможностями и талантами. Таким образом, ощущение самотождественности Я представляет собой возросшую уверенность индивида в том, что его способность сохранять внутреннюю тождественность и цельность (психологическое значение “Я”) согласуется с оценкой его тождественности и цельности, даваемой другими людьми» [27]. Здесь важно заметить, что у сельской молодежи это влияние значимо распространяется только на удовлетворенность физическим здоровьем. В то же время выделились значимые медиаторы, специфичные для каждой группы молодежи, которые преломляют влияние средовых условий на субъективное качество жизни. Так, в группе городской работающей молодежи таковым оказался индекс рациональности, отражающий склонность человека рационально относиться к собственной деятельности, планируя ее, концентрируясь на ней, «обставляя» ее различными вспомогательными средствами, в группе сельской молодежи – вера в себя, в собственную удачливость. При этом было установлено, что сама оценка возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания может выступать значимым медиатором, активизирующим определенные личностные ресурсы для конкретных действий по улучшению качества

жизни, что находит свое отражение в субъективном благополучии молодежи. В качестве таких личностных ресурсов у городской молодежи оказалась ценность собственного «Я», у представителей сельской молодежи – самоидентичность. Эти личностные ресурсы исследователи относят к фундаментальным образованиям личности, которые определяют «целостный и наиболее характерный для конкретной личности тип взаимодействия с окружающим миром. Он обуславливает мировоззрение человека в целом, восприятие и понимание глобальных проблем собственного бытия в мире, выбор в пользу “Я” и “не Я” в разных ситуациях жизни» [25], с ними связывают психологическое благополучие, продуктивные стратегии совладающего поведения, процесс саморазвития человека [26, 27].

Выводы

1. Выявлена некоторая общая неудовлетворенность качеством жизни, за исключением сфер физического здоровья и эмоциональных переживаний, у многих представителей работающей городской и сельской молодежи, при этом сельская молодежь значимо менее удовлетворена качеством своей жизни.

2. Личностные ресурсы более выражены в группе городской работающей молодежи; у многих представителей сельской молодежи отмечаются дефициты личностных ресурсов.

3. Подтвердилась гипотеза о том, что личностные ресурсы могут выступать предикторами субъективного качества жизни у работающей городской и сельской молодежи.

4. Выявлено, что такой личностный ресурс, как самоидентичность, может рассматриваться в качестве медиатора, опосредующего влияние оценки возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания на субъективное качество жизни городской и сельской молодежи. В то же время определены специфические личностные ресурсы, которые могут являться медиаторами в связи оценки возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания и субъективного качества жизни у городской и сельской молодежи.

Получены данные о медиаторном характере самооценки возможностей самореализации, актуализирующей специфичные, но общие по своему фундаментальному значению для личности, ресурсы у работающей городской и сельской молодежи, которые связаны с субъективным благополучием.

Литература

1. Митюрникова Л.А., Кораблев А.А. Качество трудовой жизни – основной механизм регулирования социально-экономического развития и преобразований в экономике // Вестник Московской международной академии. 2018. № 2. С. 92–97.
2. Ибрагимова П.И., Дадаева Б.Ш. Качество жизни населения как основной показатель социально-экономического развития страны // Современные тенденции в образовании и науке : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 31 октября 2013 г.) : в 26 ч. Тамбов : Юком, 2013. С. 74–76.

3. Захарова А.Н. Междисциплинарная проблема качества жизни в контексте современных научных исследований // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2014. № 10. С. 141–160.
4. Рубанова Е.Ю. Субъективное качество жизни: подходы к изучению // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2018. Т. 9, № 1. С. 506–511.
5. Нетребко Е.Н. Реализация стратегии национальной безопасности: повышение качества жизни населения (объективные и субъективные показатели) // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2018. № 6. С. 791–797.
6. Busseri M.A., Sadava S.W. A review of the tripartite structure of subjective well-being: implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis // Personality and Social Psychology Review. 2011. Vol. 15, is. 3. P. 290–314. DOI: 10.1177/1088868310391271.
7. Camfield L., Skevington S.M. On subjective well-being and quality of life // Journal of Health Psychology. 2008. Vol. 13, is. 6. P. 764–775. DOI: 10.1177/1359105308093860.
8. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: a general overview // South African Journal of Psychology. 2009. Vol. 39. P. 391–406.
9. Cappellen P.V., Toth-Gauthier M., Saroglou V., Fredrickson B. L. Religion and well-being: the mediating role of positive emotions // Journal of Happiness Studies. 2016. Vol. 17, is. 2. P. 485–505. DOI: 10.1007/s10902-014-9605-5.
10. O'Connor B.P., Crawford M.R., Holder M.D. An item response theory analysis of the subjective happiness scale // Social Indicators Research. 2015. Vol. 124, is. 1. P. 249–258. DOI: 10.1007/s11205-014-0773-9.
11. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02.
12. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 4 (62). С. 18–37. DOI: 10.17223/17267080/62/3.
13. Таймасханова А.К., Дадаева Б.Ш. Качество жизни молодежи России на современном этапе // Научный альманах. 2015. № 12-1 (14). С. 350–356. DOI: 10.17117/na.2015.12.01.350.
14. Ерлыгина Е.Г. Влияние показателей качества жизни молодежи на уровень развития регионов России // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 462.
15. Карасик Е.А., Холиков А.Л. Качество жизни молодежи: вопросы бедности // Экономические науки. 2013. № 108. С. 30–34.
16. Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 323–346. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-323-346.
17. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 680 с.
18. Рассказова Е.И. Методика оценки качества жизни и удовлетворенности: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 81–90.
19. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
20. Муравьева О.И., Литвина С.А., Кружкова О.В., Богомаз С.А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 1. С. 63–80. DOI: 10.15293/2226-3365.1701.05.
21. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.
22. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.

23. Sheldon K.M. Creativity and self-determination in personality // *Creativity Research Journal*. 1995. Vol. 8. P. 25–36.
24. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. С. 64–71.
25. Алишев Б.С. Изменения в структуре ценностей студенческой молодежи в начале XXI века // *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2016. Т. 158, № 4. С. 929–940.
26. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 324. С. 333–336.
27. Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Идентичность как самотождественность: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 1 // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология*. 2014. Т. 7, № 4. С. 13–18.

*Поступила в редакцию 15.05.2020 г.; повторно 26.08.2020 г.;
принята 04.09.2020 г.*

Бохан Татьяна Геннадьевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: btg960@mail.ru

Галажинский Эдуард Владимирович – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, ректор Томского государственного университета.

E-mail: gala@mail.tsu.ru

Терехина Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: doterekhin@mail.ru

Ульянич Анна Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: FiALe@yandex.ru

Богомаз Сергей Александрович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры организационной психологии Томского государственного университета.

E-mail: bogomazsa@mail.ru

For citation: Bokhan, T.G., Galazhinsky, E.V., Terekhina, O.V., Ul'yanich, A.L., Bogomaz, S.A. Personal Determinants of the Subjective Quality of Life among Working Rural and Urban Youth. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 68–89. doi: 10.17223/17267080/77/4. In Russian. English Summary

Personal Determinants of the Subjective Quality of Life among Working Rural and Urban Youth

T.G. Bokhan^a, E.V. Galazhinsky^a, O.V. Terekhina^a, A.L. Ul'yanich^a, S.A. Bogomaz^a

^a *Tomsk State University, 36 Lenin Str., Tomsk, 634050, Russian Federation*

Abstract

At present, to solve the problem of the life quality of the population has become an integral criterion for evaluating the effectiveness and success of the state's socio-economic policy. The appeal to the study of the quality of life among young people in its objective, subjective

and person's aspects is determined by the fact that youth as a social group differs from other groups of the population. It is more active, has relevant knowledge and skills, an accelerated adaptation process, greater migration mobility and material needs. It faces the task of self-determination in socio-economic and political changes and the choice of life orientations.

The aim is to determine the contribution of personal resources to the subjective assessment of the quality of life among representatives of socio-demographic youth groups with different perceptions of self-realization opportunities in living conditions. The research is based on the newly developed conceptual working model of the quality of life by D.A. Leoniev (2020), which integrates objective, subjective and person's factors of environmental assessment.

The methods used are: the questionnaire «Quality of life and satisfaction», «Life satisfaction» scale, «Self-realization satisfaction index in living conditions», questionnaire «Self-organization activity», questionnaire «Differential diagnosis of reflexivity», «Self-determination of personality and basic beliefs» scale. Sample is 280 people aged 18 to 40 years, including 140 people living in the rural municipality of the North of the Tomsk region (Siberian region), and 140 residents of the city of Tomsk.

As a result, we have found out that there is some general dissatisfaction with the quality of life, but the representatives of rural youth are less satisfied with the quality of their lives than the representatives of urban working youth. Personal resources are significantly more pronounced in the urban working youth group; many representatives of rural youth have deficits in personal resources. It is revealed that such a personal resource as self-identity can mediate the impact of assessing the opportunities for self-realization in environmental conditions on the quality of life among urban and rural youth. At the same time, we have identified specific personal resources that can serve as mediators in assessing opportunities for self-realization in living conditions and the quality of life among urban and rural youth. However, a small percentage of variance indicates the need to refine the results and include new personal resources in the search for mediators of this relationship. The data revealed in both groups on the mediation nature of assessing the possibility of self-realization in living conditions indicate the importance of creating conditions for self-realization for young people, both in urban and rural living environments.

Keywords: subjective quality of life; personal resources; self-identity; personal potential; self-realization; life satisfaction; youth.

References

1. Mityurnikova, L.A. & Korablev, A.A. (2018) Quality of working life is the main mechanism of regulation of the socio-economic development and transformation of the economy. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii*. 2. pp. 92–97. (In Russian).
2. Ibragimova, P.I. & Dadaeva, B.Sh. (2013) [The quality of life of the population as the main indicator of the socio-economic development of the country]. *Sovremennye tendentsii v obrazovanii i nauke* [Modern Trends in Education and Science]. Proc. of the International Conference. Tambov. October 31, 2013. Tambov: Yukom. pp. 74–76. (In Russian).
3. Zakharova, A.N. (2014) Quality of life as interdisciplinary problem in context of current research. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii* – The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology. 10. pp. 141–160. (In Russian).
4. Rubanova, E.Yu. (2018) Subjective quality of life: approaches to studying. *Uchenye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 9(1). pp. 506–511. (In Russian).
5. Netrebko, E.N. (2018) Realizatsiya strategii natsional'noy bezopasnosti: povyshenie kachestva zhizni naseleniya (ob'ektivnye i sub'ektivnye pokazateli) [The implementation of the national security strategy: improving the quality of life (objective and subjective indicators)]. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* – Scientific Works of the Kuban State Technological University. 6. pp. 791–797.

6. Busseri, M.A. & Sadava, S.W. (2011) A review of the tripartite structure of subjective well-being: implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis. *Personality and Social Psychology Review*. 15(3). pp. 290–314. DOI: 10.1177/1088868310391271
7. Camfield, L. & Skevington, S.M. (2008) On subjective well-being and quality of life. *Journal of Health Psychology*. 13(6). pp. 764–775. DOI: 10.1177/1359105308093860
8. Diener, E. & Ryan, K. (2009) Subjective well-being: a general overview. *South African Journal of Psychology*. 39. pp. 391–406.
9. Cappellen, P.V., Toth-Gauthier, M., Saroglou, V. & Fredrickson, B.L. (2016) Religion and well-being: the mediating role of positive emotions. *Journal of Happiness Studies*. 17(2). pp. 485–505. DOI: 10.1007/s10902-014-9605-5
10. O'Connor, B.P., Crawford, M.R. & Holder, M.D. (2015) An item response theory analysis of the subjective happiness scale. *Social Indicators Research*. 124(1). pp. 249–258. DOI: 10.1007/s11205-014-0773-9
11. Leontiev, D.A. (2020) Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 1(155). pp. 14–37. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02
12. Leontiev, D.A. (2016) Autoregulation, Resources, and Personality Potential. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 4(62). pp. 18–37. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/62/3.
13. Taymaskhanova, A.K. & Dadaeva, B.Sh. (2015) Quality of life of youth of Russia at the present stage. *Nauchnyy al'manakh – Science Almanac*. 12-1(14). pp. 350–356. (In Russian). DOI: 10.17117/na.2015.12.01.350.
14. Erlygina, E.G. (2015) The influence of the quality of life of youth on the level of development of regions of Russia. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 2-2. pp. 462. (In Russian).
15. Karasik, E.A. & Kholikov, A.L. (2013) The quality of life of young people: questions of poverty. *Ekonomicheskie nauki – Economic sciences*. 11(108). pp. 30–34. (In Russian).
16. Ivanova, T.Yu., Leontiev, D.A. & Rasskazova, E.I. (2016) Functions of Personality Resources in a Situation of Economic Crisis. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 13(2). pp. 323–346. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-323-346
17. Leontiev, D.A. (ed.) (2011) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl.
18. Rasskazova, E.I. (2012) Evaluation of Quality of Life Enjoyment and Satisfaction: Psychometric Properties of a Russian-language Measure. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 9(4). pp. 81–90. (In Russian).
19. Osin, E.N. & Leontiev, D.A. (2020) Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 1(155). pp. 117–142. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06
20. Muravieva, O.I., Litvina, S.A., Kruzhkova, O.V. & Bogomaz, S.A. (2017) Russian young city-dwellers: structural features of urban identity. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(1). pp. 63–80. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1701.05
21. Mandrikova, E.Yu. (2010) Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatelnosti (OSD) [Development of the questionnaire of activity self-organization (OSD)]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2. pp. 87–111.
22. Leontiev, D.A. & Osin, E.N. (2014) “Good” And “Bad” Reflection: From An Explanatory Model To Differential Assessment. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki –*

- Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 11(4). pp. 110–135. (In Russian).
23. Sheldon, K.M. (1995) Creativity and self-determination in personality. *Creativity Research Journal*. 8. pp. 25–36. DOI: 10.1207/s15326934crj0801_3
24. Soldatova, G.U. & Shaygerova, L.A. (eds) (2008) *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnostics of peronality's tolerance]. Moscow: Smysl. pp. 64–71.
25. Alishiev, B.S. (2016) Changes in the structure of values of the student youth in the early 21st century. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 158(4). pp. 929–940. (In Russian).
26. Klochko, V.E. & Lukyanov, O.V. (2009) Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 324. pp. 333–336. (In Russian).
27. Rasskazova, E.I., Tkhostov, A.Sh. & Emelin, V.A. (2014) Identichnost' kak samotozhdestvennost': individual'nye variatsii tsennosti zavershennosti, razvitiya i sotsial'nogo priznaniya identichnosti. Soobshchenie 1 [Identity as self-identity: individual variations of the value of completeness, development and social recognition of identity. Part 1]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya*. 7(4). pp. 13–18.

Received 15.05.2020; Revised 26.08.2020;
Accepted 04.09.2020

Tatiana G. Bokhan – Head of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: btg960@mail.ru

Eduard V. Galazhinsky – Rector, Tomsk State University. Academician of RAE. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: gala@mail.tsu.ru

Olga V. Terekhina – Associate Professor of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: doterekhina@mail.ru

Anna L. Ul'yanich – Associate Professor of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: FiALe@yandex.ru

Sergey A. Bogomaz – Professor of the Department of Organizational psychology, Tomsk State University. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: bogomazsa@mail.ru

УДК 159.92

К ПРОБЛЕМЕ ПРОКРАСТИНАЦИИ РОДИТЕЛЕЙ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДЕТЬМИ

А.В. Зобков^а

^а *Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Владимир, ул. Горького, 87*

Ставится проблема прокрастинации родителей во взаимодействии с детьми. Сопоставляются психологические особенности общей прокрастинации с прокрастинацией родителей во взаимодействии с детьми. Представлен подход к изучению поставленной проблемы как самостоятельного явления, реализуемый посредством изучения психологических отношений личности. Методологическое единство категорий «отношение» и «саморегуляция» деятельности позволяет создать целостную теоретическую модель изучения прокрастинации родителей во взаимодействии с детьми. Модель приведена в заключении статьи. Предлагаются направления практической работы с прокрастинирующими родителями.

Ключевые слова: прокрастинация; родители; взаимодействие с детьми; теоретическая модель; саморегуляция.

Введение

Как часто дети слышат от своих родителей слова «потом», «позже», «завтра», «в следующий раз», «на следующий год» и тому подобные и как часто за этими словами ничего не следует?

Практика психологического консультирования со взрослыми, имеющими детей, и психологическая работа с детьми показывают, что откладывание детских дел родителями происходит довольно часто. Психологические последствия для родителей, постоянно откладывающих важные этапы совместной деятельности с детьми на потом, не заставляют долго ждать: нервозы на фоне накопившегося самообвинения, чувства стыда, вины, тревоги, переживаний об упущенных моментах причастности в своем материнстве или отцовстве. У детей возникают обида, чувство неполноценности на фоне сопоставления себя и других, потеря доверия к взрослым, разочарование.

Родители, как правило, находят оправдание своим «завтра» и «потом» финансовыми затруднениями, занятостью, а также субъективными показателями эмоционального выгорания: усталостью, апатией, раздражением. Прокрастинация родителей во взаимодействии с детьми способствует формированию «дистанции», отчужденности в системе «родитель–ребенок»,

итогом чего выступают замедление в развитии ребенка, снижение взаимопонимания, замкнутость ребенка.

Проблема прокрастинации человека является одной из наиболее актуальных в психологической науке. Изучаются индивидуально-личностные характеристики прокрастинирующих людей [1–7], проявления прокрастинации в различных сферах жизнедеятельности и психологические причины, их обуславливающие: прокрастинация в профессиональной деятельности [2, 8–12], академическая прокрастинация [13–17], бытовая прокрастинация [18–20]; изучаются возрастные аспекты прокрастинации [3, 7, 21] и другие стороны проблемы. Несмотря на множество работ, всесторонне освещающих проблему прокрастинации, исследователи обходят стороной вопрос прокрастинации родителей во взаимодействиях со своим ребенком, рассматривая детско-родительские отношения однобоко – только как причину прокрастинации ребенка [14, 22–26]. Однако отметим, что в исследовании Thomas P. Tibbett и Joseph R. Ferrari [26] авторы впервые попытались задействовать в объяснении общей прокрастинации индекс прокрастинации в сфере родительства для оценки его вместе с другими индексами по семибалльной шкале сожаления. Необходимость обратиться к исследованиям принятия детьми-прокрастинаторами установок и особенностей поведения прокрастинирующих родителей ранее отмечалась канадскими исследователями [22], но работы, направленные на изучение прокрастинации родителей во взаимодействии с детьми, по нашим данным, пока отсутствуют. Считаем это пробелом в целостной проработке проблемы прокрастинации человека. Результатом исследовательской работы в этой области должен стать материал, который позволит в определенной мере решить проблему прокрастинации родителей в плане профилактики, снижения или преодоления ее, что даст возможность снять ряд вопросов внутриличностного характера у родителей и детей, оздоровит детско-родительские отношения, создаст условия для творческого участия родителей в жизни детей.

Природа проблемы прокрастинации родителей во взаимодействии с детьми

В психологии к сущности проблемы прокрастинации подходят по-разному, но в целом авторы отмечают ряд ее отличительных особенностей:

1) прокрастинацию связывают с конкретными временными промежутками, требующими своего рода активности человека в них и неактуальными в другие временные отрезки;

2) прокрастинация есть осознанное откладывание своих действий, которое не зависит от внешних обстоятельств;

3) прокрастинатор понимает все негативные последствия откладывания или невыполнения деятельности;

4) прокрастинатор испытывает субъективный дискомфорт в результате откладывания действий, что выступает причиной возрастающей тревоги с приближением к таймауту [1, 27, 28].

Сказанное справедливо и для прокрастинации родителей во взаимодействиях с детьми:

1. Это всегда конкретные промежутки времени, требующие от родителей конкретных действий, часто озвученные ими детям, на границе которых (промежутков) находятся детские ожидания. Во многом эти промежутки относятся к возрастным периодам развития (младенчество, ранний возраст, дошкольный, младший школьный, подростковый, юношеский) [29, 30], когда актуальность отложенных родительских действий упущена, а их включение в более поздние возрастные периоды или уже не имеет смысла, или запускает механизмы конфликтного взаимодействия между родителем и ребенком.

2. Родители сознательно переносят необходимое взаимодействие с ребенком на более поздний срок, откладывая его дальше во времени при наличии фактической возможности реализовать совместную деятельность с ребенком здесь и сейчас, уделить ему время. Конечно, объективно существующие внешние обстоятельства, прежде всего связанные с социальными обязательствами родителей, могут фактически не позволять родителям находить время на ребенка, но в таком случае мы не имеем дела с прокрастинацией как психологическим феноменом. Когда внешние обстоятельства (например, постоянные сложности на работе, накопившиеся обязательства, фрустрируемые социальные потребности и т.д.) «захватывают» сознание человека, вызванные ими переживания могут создавать «внутренние условия» для развития родительской прокрастинации. В этом случае внешние обстоятельства выступают субъективными причинами переноса взаимодействия с ребенком («я занят», «у меня много дел»), позволяя реализовать своего рода психологическую защиту, основанную на рационализации и служащую средством самоуспокоения, временного снятия эмоционального напряжения, вызванного переживаниями невыполненных обязательств перед детьми, разрушением их ожиданий, необходимостью выделять время на общение с детьми.

3. Родители в целом понимают негативные последствия откладывания взаимодействий с ребенком. Обычно, говоря о негативных последствиях прокрастинации, исследователи имеют в виду негативные последствия для личности прокрастинатора, но часто эти последствия опосредованы другими, в нашем случае – ребенком. Родитель осознает негативные последствия, связанные с нарушением, изменением отношений с ребенком, снижением уровня доверия ребенка к нему, падением его авторитета.

4. Родители испытывают субъективный дискомфорт, вызванный осознанием негативных последствий (в первую очередь для ребенка) родительской прокрастинации.

Отличительной, специфической чертой прокрастинации родителей в отношениях с ребенком выступает то, что родитель (родители) сам задает временные рамки (не находится в подчиненной ситуации) и потом сам определяет новый период – новые границы. Таким образом, здесь речь может идти не только о прокрастинации в смысле откладывания до грани-

цы временного периода (например, самостоятельно установленного родителем отрезка времени или верхней границы, определенной под «давлением» ребенка, иногда и целого возрастного периода развития), но и в смысле откладывания периода исполнения на новый, следующий временной период в рамках некоторого целостного, общего временного периода, пока откладываемые действия сохраняют свою актуальность (рис. 1).

Рис. 1. Иллюстрация переноса временных периодов в пределах определенного общего периода актуальности совместных действий прокрастинирующего взрослого и ребенка с нарастающим субъективным дискомфортом.

Примечание. Равенство границ – условность

Отметим, что временные границы необходимых родительских действий, включая периоды возрастного развития, размыты как в субъективном плане, так и в научном, поэтому чаще всего прокрастинация «обречена на успех» в плане того, что необходимые действия так и не будут выполнены, потому что необходимость действий потеряла актуальность, время упущено или даже пройден этап возрастного развития, причем, как правило, неожиданно для родителя (родителей) ребенка.

Прокрастинацию родителей в отношениях с детьми можно рассматривать, опираясь на общие закономерности прокрастинации человека, а также как специфический частный вопрос.

Прокрастинация родителей во взаимодействиях с детьми с позиции общепсихологического изучения прокрастинации

Современные исследования подходят к решению проблемы прокрастинации человека во многом с позиции изучения индивидуально-психологических факторов, условий, предикторов прокрастинации, рассматривая связь последней с индивидуальными (в основном – пол и возраст) и личностными характеристиками. Оставив за рамками текущей статьи половозрастные закономерности прокрастинации, которые, несомненно, необходимо учитывать в качестве дополнительных переменных исследования прокрастинации родителей, обратимся к анализу личностных особенностей и их связи с прокрастинацией, проводя параллели с поставленной во введении проблемой. Ряд исследователей отмечают, что за прокрастинацией человека скрывается специфическая организация свойств и черт личности [2, 7, 19],

вплоть до того что сама прокрастинация может выступать в качестве черты личности, которая проявляется как склонность к промедлениям, откладываниям на потом, особенно в ситуации давления со стороны [31].

Исследование роли личностных черт в прокрастинации опирается в основном на модель большой пятерки. Определена отрицательная связь прокрастинации с добросовестностью и положительная с нейротизмом как личностными диспозициями [7, 15, 19, 32].

Если человек добросовестен, ему нравится то, что он делает, он обладает высоким интеллектом, склонен выбирать и организовывать адекватные условия своей деятельности, то он показывает устойчивость к прокрастинации [15]. Исследования Н.А. Рудновой на выборке зрелых людей показали значимую обратную связь прокрастинации не только с добросовестностью, но и с экстраверсией, в то время как эмоциональность как личностная диспозиция положительно коррелирует с прокрастинацией [7]. В этой связи интересны были бы подобные исследования на выборке родителей с детьми разного возраста. Беспокойство, тревога, повышенная эмоциональность в детско-родительских отношениях заставляют и без того чувствительных к этому родителей (с высокими показателями по шкалам нейротизма и эмоциональности) избегать лишних переживаний, откладывая совместную с ребенком деятельность на потом. Добросовестность же через поддержание порядка, чувства долга, самодисциплины и родительской компетенции позволяет реализовать планы в срок, нивелируя прокрастинацию.

Функцию побуждения в деятельности выполняют мотивы. Как правило, деятельность человека регулируется несколькими мотивами, находящимися в иерархической подчиненности и образующими мотивацию. Мотивация проявляет себя на всех этапах деятельности и оказывает существенное влияние на ее результат [33–38]. Откладывание можно рассматривать как этапный результат деятельности, в котором решение о переносе действий на более поздний срок реализуется на основе мотивации. Исследователями было установлено, что прокрастинация имеет тесную обратную взаимосвязь с автономной мотивацией [20, 39]. Показано, что при высокой внешней мотивации наблюдается низкая прокрастинация, и наоборот, у прокрастинаторов внешняя мотивация низкая [40]. Похожие результаты имеются в работе S. Brownlow и R. Reasinger, где показано, что у молодых людей с низкой прокрастинацией выявлена высокая внешняя и внутренняя мотивация, а у прокрастинаторов наблюдаются низкие показатели внешней мотивации с сочетанием других личностных факторов [41].

Таким образом, мы можем предположить, что для родителей в совместной деятельности с ребенком недостает внешней мотивации как чего-то объективного, возможно, материального, что можно получить по завершении деятельности. Так или иначе, мотивация встраивается в процесс взаимодействия родителя с ребенком и опосредует прокрастинацию.

Вместе с мотивацией взрослого имеются потребности ребенка, определенные в совместной деятельности со взрослым и в индивидуальной деятельности, опосредуемой участием взрослого, например по созданию

условий для ее реализации. Эти потребности обусловлены интенсивным развитием ребенка, движущей силой которого выступает активное, творческое познание окружающего мира. У ребенка нет устоявшихся паттернов мышления, он проявляет креативность, нестандартность в поведении, находится в постоянном поиске стимулов, актуализирующих потребность в новизне, и обращается к взрослому с просьбой помочь реализовать эту потребность, быть творческим во взаимодействии с ним. Для родителей, привыкших к шаблонным действиям в решении жизненных ситуаций, родителей с недостаточно развитыми творческими способностями такая ситуация может вызывать дополнительное напряжение, приводящее к откладыванию взаимодействия с ребенком. В этой связи творческие способности могут быть рассмотрены в качестве фактора родительской прокрастинации.

Исследования J.B. Burka и L.M. Yuen показывают, что в основе проблемы прокрастинации лежит низкая самооценка [42]. На значимую роль самооценки в прокрастинации человека указывают и другие авторы [2, 6, 22, 25].

Участие самооценки в регуляции собственной деятельности человека нельзя недооценивать. Наши исследования показали определяющую роль самооценки в инициализации, планировании, реализации и оценке результата деятельности [43, 44]. Через адекватность оценивания собственных качеств (черт) личности, знаний и умений, наличной ситуации, через эмоции уверенности-сомнений самооценка участвует в организации и реализации всей деятельности, определяя уровень притязаний, мотивацию, целеполагание, модели целеосуществления, оценку и принятие результата действия (деятельности в целом). В этой связи неадекватно заниженная самооценка, низкое оценивание своих возможностей приводят к нарушению хода деятельности и в итоге – к ее сниженному результату, к его принятию как удовлетворяющего личность. В данном случае весь процесс деятельности имеет негативную окраску, а достигнутый результат формирует сниженное представление о себе как неспособном деятеле. Это выступает одной из ведущих причин откладывания действий (деятельности) на потом, это – своего рода психологическая защита.

Объединение рассмотренных свойств и качеств личности с учетом субъектной включенности человека в процесс деятельности, о чем упоминалось выше, в совокупности с объективными (поведенческими) проявлениями личности в деятельности (самостоятельностью, инициативностью, ответственностью, настойчивостью, уверенностью и т.д.) [44], к которым можно отнести и саму прокрастинацию как объективный процесс, дает нам общую картину саморегуляции деятельности. Саморегуляция представляет собой процесс самоорганизации личностью своего поведения, который обеспечивает стабильную эффективность личности в деятельности, социально значимую активность. Саморегуляция есть субъектное образование, реализуемое через единство когнитивных, эмоциональных и исполнительных (действий) компонентов психической организации [45]. Это многоуровневая динамическая система психических процессов по инициализации, поддержанию и контролю активности, направленной на достижение принятой цели [46].

На связь саморегуляции и прокрастинации указывают многие исследователи [1, 15, 47–49]. Показана положительная роль самомотивации в регуляции деятельности в связи с прокрастинацией [15]; выявлено, что интенсивность прокрастинации обратно пропорциональна эффективности саморегуляции; обнаружена отрицательная связь прокрастинации с планированием, постановкой целей, умением распределять свое время [7, 48, 50, 51]; установлена роль эмоционального компонента личности в нарушениях саморегуляции при прокрастинации [52–54].

По всей видимости, прокрастинацию родителей в отношениях с детьми можно рассматривать как следствие нарушений в компонентном составе общей саморегуляции деятельности, что приводит к прокрастинации в профессиональной сфере и распространяется на сферу совместной деятельности с ребенком, на детско-родительские отношения, формируя общую прокрастинацию.

В большинстве работ, посвященных связи саморегуляции и прокрастинации, последнюю рассматривают как нарушение первой [47, 48, 51, 55]. Авторами была показана роль настойчивости и навязчивых мыслей, приводящих к нарушению саморегуляции и повышению интенсивности прокрастинации [47]. Так, высокий уровень прокрастинации был связан с высокой срочностью действий и низкой настойчивостью, высокой частотой навязчивых мыслей (мечты и грезы). Эти довольно интересные результаты наводят на гипотезу о роли мечтательности и грез родителей в отношениях с детьми. Родители могут мечтать о времяпрепровождении с детьми, анонсировать для них конкретные события совместных действий в будущем (например, «было бы неплохо нам съездить в зоопарк в следующем месяце»), размышляют о своей положительной роли родителя в этом отношении, социальном одобрении, но эти мечты так и остаются мечтами (в наступившем месяце не съездили, перенесем на следующий месяц и т.д.).

Прокрастинацию как нарушение саморегуляции со стороны когнитивной сферы личности рассматривает J.R. Ferrari [48]. Автор показывает, что при когнитивной нагрузке и под внешним давлением эффективность саморегуляции деятельности возрастает, но не у прокрастинирующих людей, которые «задыхаются под давлением». Таким образом, смеем предположить, что для прокрастинирующего родителя «давление ребенка» только усиливает прокрастинацию.

Рассмотренные показатели прокрастинации – повышенная эмоциональность, высокий нейротизм в целом, неумение планировать свою деятельность, адекватно оценивать свои возможности, результаты, ориентация на внешние стимулы, их непринятие – создают неудовлетворительную картину саморегуляции и приводят к нежеланию включаться в комплекс субъективно сложных процессов, имеющих негативную эмоциональную окраску, формирующих негативные представления о себе, создающих объективные трудности в жизнедеятельности, они и порождают прокрастинацию.

Вместе с тем любое действие (или бездействие) человека сопровождается комплексом различных переживаний, представленных в форме эмоций.

Наиболее выраженные из них, имеющие относительно продолжительную протяженность во времени, называются эмоциональными состояниями. В этой связи любой акт откладывания действий сопровождается изменением эмоциональных состояний, приводя к количественным изменениям: усилению их интенсивности или качественным изменениям [56]. Интересна работа W. van Eerde [57], в которой автор рассматривает как причину прокрастинации авersive цели (вызывающие неприязнь, формирующие негативное эмоциональное отношение к ним) и предлагает соответствующие пути ее преодоления за счет эмоциональной регуляции и снижения импульсивности человека. Многие авторы, изучающие прокрастинацию, связывают вопрос ее преодоления с повышением навыков эмоциональной регуляции [52–54]. В первую очередь эти авторы говорят о преодолении негативных эмоций (отвращение, неудовольствие), которые вызваны самой деятельностью или ее условиями. В свете детско-родительских отношений неким «учителем», выдающим «задания» выступает ребенок (или супруг / супруга). В этой связи можно предположить, что преодоление прокрастинации будет возможно в случае приобретения родителем субъектной позиции в отношении с ребенком, принятия ответственности за решения в своей жизни. Вне субъектного участия в деятельности, когда цели, мотивы, решения, способы действий и тому подобное привносятся извне, такая деятельность становится для человека в тягость, ее регуляция нарушается, о чем было сказано выше, и деятельность откладывается. В случае прокрастинации родителей в отношениях с детьми не только ситуации взаимодействия с ребенком могут восприниматься субъективно навязанными – ситуации, требующие активности по отношению к ребенку («навязанные» самим ребенком, супругом / супругой, воспитателем / учителем, социальной ситуацией и т.д.), но и сами дети могут восприниматься как навязанные социальными ожиданиями, незапланированной беременностью например. В итоге мы получаем прокрастинацию родителей во взаимодействиях с детьми.

На наш взгляд, в преодолении прокрастинации родительско-детских взаимодействий одну из ведущих функций должна выполнять волевая сфера личности, позволяя сознанию управлять негативным окрасом действий посредством изменений смысла этих действий [58]. Существует небольшое количество работ, в которых раскрывается роль волевых действий в преодолении прокрастинации [59, 60]. В целом вопрос участия волевого процесса в прокрастинации проработан довольно слабо. Исследователи чаще обращаются к анализу когнитивных аспектов прокрастинации [40, 55, 56, 61]. В связи с этим ставится вопрос изучения особенностей волевой сферы личности прокрастинирующих родителей.

Как мы уже отмечали выше, человек прокрастинирует, чтобы отложить как можно дальше неприятные действия и связанные с ними переживания, в том числе разрушающие целостное представление о себе. Вместе с осознаваемыми причинами субъективного характера существуют неосознаваемые причины и осознаваемые, но как цензурируемые сознанием вытесненные переживания (причины), представленные в сознании в искаженном

виде. В этой связи приобретает актуальность вопрос изучения прокрастинации, связанной с неосознаваемыми актами. Так, ряд авторов обозначают прокрастинацию как один из механизмов психологической защиты [2], рассматривая ее как избегание угрозы для устойчивого функционирования личности. Родитель в своем взаимодействии с ребенком может столкнуться с собственными вытесненными детскими переживаниями, вызывающими травму в настоящем и запускающие прокрастинацию как откладывание выполнения необходимых действий [62].

Аналогичным образом прокрастинация может быть рассмотрена как неэффективная копинг-стратегия [13, 16, 63, 64], которая в случае взаимодействия родителя (родителей) с ребенком может быть рассмотрена как механизм, позволяющий родителю пережить сложные моменты совместной жизнедеятельности в ситуации, когда он не справляется с родительскими обязанностями, «переждать» кризисный период возрастного развития ребенка и / или очередной период возрастного развития.

Если рассматривать этот вопрос с позиции уже обозначенной связи саморегуляции и прокрастинации как ее обратной стороны, то следует рассмотреть и неосознаваемые механизмы саморегуляции, приводящие к ее нарушению на уровне сознания за счет анализа ассоциаций, забывания, оговорок на различных уровнях саморегуляции деятельности. Ввиду этого особый интерес представляет забывание родителем о выполнении совместных с ребенком действий.

Прокрастинация родителей как частная проблема

Анализ научной литературы позволил обнаружить несколько работ, приближающихся к проблеме прокрастинации родителей во взаимодействии с детьми. В проведенном T.P. Tibbett и J.R. Ferrari исследовании авторы оценивают индексы прокрастинации по шкале сожаления, среди индексов имеется индекс семьи, включающий в себя взаимодействие с родителями и сиблингами, а также родительство – взаимоотношения со своими детьми. В результате опроса большой кросскультурной выборки по вопросу, «считают ли себя прокрастинаторами опрошенные в этих сферах и жалеют ли они об этом», респонденты отразили умеренную прокрастинацию в этих сферах [26]. Отмечая влияние родительского контроля на формирование прокрастинации ребенка, авторы исследования пишут, что у некоторых людей развивается паттерн прокрастинации, который трудно сломать, и они идентифицируют себя с прокрастинаторами, настраивают себя на неудачу [26]. В этой связи напрашивается вопрос: не может ли такой поведенческий паттерн сформироваться в результате не просто идентификации себя как прокрастинатора под контролем взрослых, а в результате идентификации себя с авторитетным взрослым – родителем, который сам выступает как прокрастинатор, в том числе в отношении организации совместной деятельности с ребенком? Timothy A. Pynchyl, Robert J. Coplan и Pamela A.M. Reid задают похожий вопрос в выводах по своему исследованию [22].

Установив опосредованную связь стиля родительского воспитания матери и прямую связь стиля родительского воспитания отца с прокрастинацией, они задаются вопросом: не может ли быть такого, что прокрастинация у ребенка появляется в результате принятия установок и особенностей поведения родителей? Там же они предлагают обратиться к исследованию этого вопроса в будущем.

На наш взгляд, проблема прокрастинации родителей во взаимодействии с детьми как частная проблема может быть рассмотрена с двух сторон: через призму социологического объяснения (состав семьи, роль прародителей, возраст родителей и детей, семейные традиции и т.д.) с учетом реализации социальных потребностей личности и ее социальной активности; посредством методологической силы психологии отношений – изучение системы отношений родителя (отношение к себе [30], другим людям и к детям в частности, к деятельности [65], межпоколенные отношения [66], детско-родительские отношения [67], конфликты в системе отношений личности [68] и т.д.). Такой подход позволит установить систему внешних и структуру внутренних связей прокрастинации родителей в отношениях с детьми и раскрыть ее как психологическую проблему. Конечно, деление на общее и частное во многом условно, и целостное исследование предполагает комплексный подход. Раскрывая структуру отношений прокрастинирующего родителя, необходимо изучить индивидуальные, личностные и субъектные характеристики отношений, учитывая методологическую связь психологии отношения человека к деятельности и саморегуляцию деятельности [69].

Заключение

Поставленная в статье проблема прокрастинации родителей во взаимодействиях с детьми нова и на данный момент не проработана в психологической науке. Нами были представлены основания, позволяющие рассматривать прокрастинацию родителей в отношениях с детьми как особый вид прокрастинации, не изучавшийся ранее. Получен непривлекательный портрет личности родителя-прокрастинатора с позиции общего анализа проблемы прокрастинации: низкая неадекватная самооценка, неуверенность в себе, высокая эмоциональность и неумение ее контролировать, тревожность, чувство непричастности к своему выбору и решениям, мечтательность, отсутствие внешней мотивации, нарушения в структуре саморегуляции поведения и деятельности. При рассмотрении прокрастинации родителей как частного феномена мы сталкиваемся с нарушениями в системе отношений личности и, возможно, трансгенерационной (межпоколенной) передачей прокрастинации.

Анализ отечественных и зарубежных работ позволил наметить пути решения этой проблемы и сформировать обобщенный теоретический конструкт ее познания с позиции структурного и субъектно-деятельностного подходов, который приведен на рис. 2.

Представленная схема характеризует методологический подход к решению заявленной проблемы и обуславливает конкретные шаги, позволяющие сформировать единые теоретические основания разработки методического инструментария для изучения прокрастинации родителей и практической психологической работы с ними по преодолению прокрастинации в отношениях с детьми. Эмпирическая проверка и обоснование представленной модели, изучение закономерностей ее функционирования являются перспективной задачей в рамках целостного решения проблемы прокрастинации в целом и прокрастинации родителей в частности.

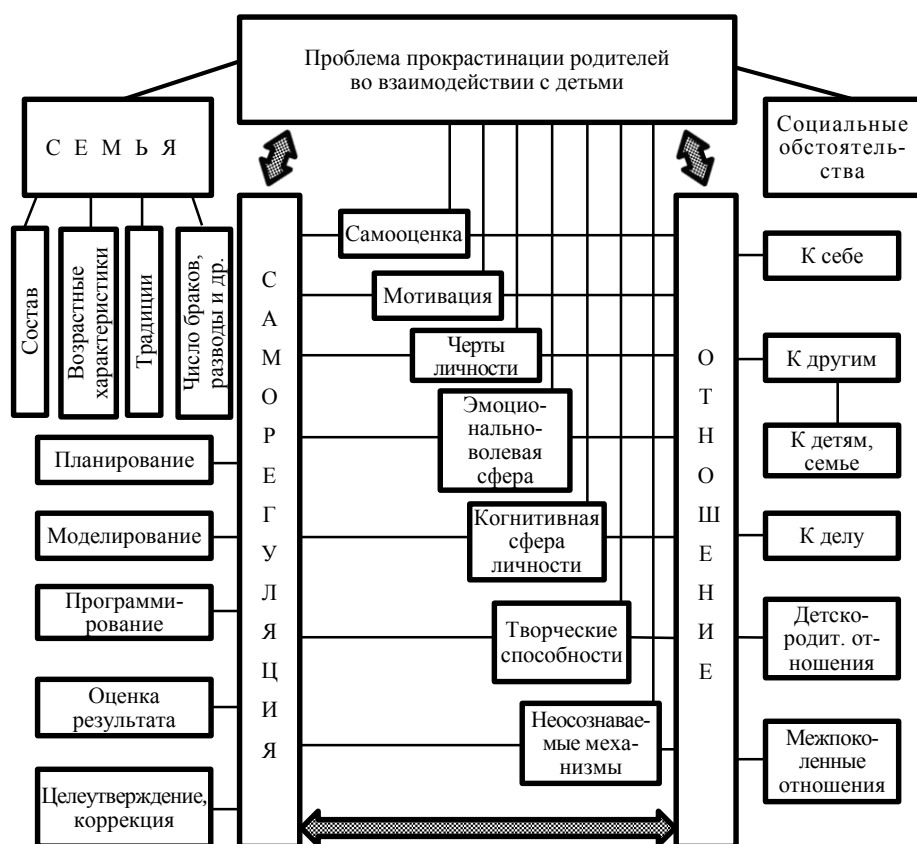

Рис. 2. Теоретический конструкт изучения проблемы прокрастинации родителей во взаимодействии с детьми

Модель отражает сложность поставленной проблемы и определяет возможности ее поэтапного решения, раскрывая эффективные механизмы преодоления прокрастинации у родителей.

На данном этапе приоритетной исследовательской задачей выступает задача определения выраженности данного феномена и отдельных его проявлений у родителей, исходя из семейной ситуации (состав, количество

детей, их возрастные характеристики и т.д.), для чего должен быть разработан первичный инструментарий, основанный на представленных объективных проявлениях родительской прокрастинации, исходя из природы проблемы, впоследствии уточненный и дополненный на основе изучения социально-психологических и собственно психологических характеристик феномена.

Проведенный анализ проблемы позволяет предложить текущие направления практической работы с прокрастинирующими родителями:

- психологическая работа по формированию самодостаточности личности отца, матери в принятии ответственности за решения в жизни, в конструктивном реагировании на манипулирование;
- формирование эффективной саморегуляции деятельности;
- формирование навыков эмоциональной регуляции.

Исследование прокрастинации родителей позволит получить новый материал в виде фактов и закономерностей, позволяющих разработать более детальные и эффективные подходы в преодолении прокрастинации родителей в отношениях с детьми, обеспечив здоровые детско-родительские отношения, счастливое детство ребенка и психическое здоровье родителей.

Литература

1. Steel P. The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulation failure // *Psychological bulletin*. 2007. Vol. 133 (1). P. 65–94. DOI: 10.1037/0033-2909.133.1.65.
2. Ferrari J.R., Johnson J.L., McCown W.G. Procrastination and task avoidance: Theory, research and treatment. New York : Plenum Press, 1995.
3. Harriott J., Ferrari J.R. Prevalence of Procrastination among Samples of Adults // *Psychological Reports*. 1996. Vol. 78 (2). P. 611–616. DOI: 10.2466/pr0.1996.78.2.611
4. Неяскина Ю.Ю., Сибирцева Е.И. Личностные и профессиональные ресурсы лиц с различным уровнем прокрастинации // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Педагогические науки*. 2016. Т. 11, № 5. С. 67–83.
5. Плоткина С.В., Барашкова С.А. Особенности восприятия времени у лиц с различным уровнем прокрастинации // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 2-2. С. 311–315.
6. Валиуллина Е.В. Влияние самооценки на уровень прокрастинации // *Дискурс : научный журнал*. 2018. № 6 (20). С. 45–50.
7. Руднова Н.А. Индивидуально-личностные предикторы прокрастинации в разные периоды взрослости : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13. Пермь, 2019. URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document13730.pdf>
8. Королева А.С. Мотивационные особенности и выраженность прокрастинации у сотрудников современной организации // *Современная наука и ее развитие*. 2017. № 13. URL: https://www.alley-science.ru/sovremennaya_nauka_i_ee_razvitiye_13_2017/
9. Goroshit M., Hen M. Decisional, general and online procrastination: Understanding the moderating role of negative affect in the case of computer professionals // *Journal of Prevention & Intervention in the Community*. 2018. Vol. 46 (3). P. 279–294. DOI: 10.1080/10852352.2018.1470421.
10. Prem R., Scheel T.E., Weigelt O., Hoffmann K., Korunka C. Procrastination in Daily Working Life: a Diary Study on Within-Person Processes That Link Work Characteristics to Workplace Procrastination // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01087.

11. Metin U.B. Introduction: Towards a wider understanding of workplace procrastination // *Journal of Prevention & Intervention in the Community*. 2018. Vol. 46 (3). P. 213–214. DOI: 10.1080/10852352.2018.1470368.
12. Hen M. Causes for procrastination in a unique educational workplace // *Journal of Prevention & Intervention in the Community*. 2018. Vol. 46 (3). P. 215–227. DOI: 10.1080/10852352.2018.1470144.
13. Gareau A., Chamandy M., Kljajic K., Gaudreau P. The detrimental effect of academic procrastination on subsequent grades: the mediating role of coping over and above past achievement and working memory capacity // *Anxiety Stress and Coping*. 2019. Vol. 32 (2). P. 141–154. DOI: 10.1080/10615806.2018.1543763.
14. Sedlakova J., Mylek V., Capkova K., Prochazka J., Vaculik M., Jezek S. Parental control of child as a predictor of academic procrastination // *Proc. of the 11th International Conference on Efficiency and Responsibility in Education* 2014. Prague, 2014. P. 694–702.
15. Ljubin-Golub T., Petricevic E., Rovani D. The role of personality in motivational regulation and academic procrastination // *Educational Psychology*. 2019. Vol. 39 (4). P. 550–568. DOI: 10.1080/01443410.2018.1537479.
16. Ивтутина Е.П., Шуракова Е.С. Академическая прокрастинация как проявление защитно-совладающего поведения у студентов // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2013. № 4-1. С. 146–151.
17. Микляева А.В., Реброва Д.С., Савинская А.С. Академическая прокрастинация в студенческой среде: результаты эмпирического исследования // *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. Психология. 2017. Т. 19. С. 59–66.
18. Milgram N.A., Sroloff B., Rosenbaum M. The procrastination of everyday life // *Journal of Research in Personality*. 1988. Vol. 22 (2). P. 197–212. DOI: 10.1016/0092-6566(88)90015-3.
19. Rubenstein G. Academic and everyday procrastination and their relation to the five-factor model // *Personality Assessment: New Research* / L.B. Pincroft, M.V. Lopez (eds.). Haupauge : Nova Science Publishers, Inc, 2009. P. 275–287.
20. Katz I., Eilat K., Nevo N. "I'll do it later": Type of motivation, self-efficacy and homework procrastination // *Motivation and Emotion*. 2014. Vol. 38 (1). P. 111–119. DOI: 10.1007/s11031-013-9366-1.
21. Stolcis G., McCown W. Procrastination, Hoarding, and Attention Beyond Age 65 a Community-Based Study // *Current Psychology*. 2018. Vol. 37 (2). P. 460–465. DOI: 10.1007/s12144-017-9700-y.
22. Pychyl T.A., Coplan R.J., Reid P.A.M. Parenting and procrastination: gender differences in the relations between procrastination, parenting style and self-worth in early adolescence // *Personality and Individual Differences*. 2002. Vol. 33 (2). P. 271–285. DOI: 10.1016/S0191-8869(01)00151-9.
23. Zakeri H., Esfahani B.N., Razmjoo M. Parenting Styles And Academic Procrastination // *3rd World Conference on Psychology, Counseling and Guidance, WPCPG-2012* // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 84. P. 57–60. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.06.509.
24. Hong J.C., Hwang M.Y., Kuo Y.C., Hsu W.Y. Parental monitoring and helicopter parenting relevant to vocational student's procrastination and self-regulated learning // *Learning and Individual Differences*. 2015. Vol. 42. P. 139–146. DOI: 10.1016/j.lindif.2015.08.003.
25. Chen B.B. Parent-adolescent attachment and procrastination: the mediating role of self-worth // *Journal of Genetic Psychology*. 2017. Vol. 178 (4). P. 238–245. DOI: 10.1080/00221325.2017.1342593.
26. Tibbett T.P., Ferrari J.R. Return to the origin: what creates a procrastination identity? // *Current Issues in Personality Psychology*. 2019. Vol. 7 (1). P. 1–7. DOI: 10.5114/cipp.2018.75648.
27. Варваричева Я.И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // *Вопросы психологии*. 2010. № 3. С. 121–131.

28. Чернышева Н.А. Прокрастинация: актуальное состояние проблемы и перспективы изучения // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 1. С. 17–26.
29. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989.
30. Зобков В.А. Генезис отношения человека к себе. Владимир : Калейдоскоп, 2018.
31. Lay C.H. At last, my research article on procrastination // Journal of research in personality. 1986. Vol. 20 (4). P. 474–495. DOI: 10.1016/0092-6566(86)90127-3.
32. Johnson J.L., Bloom M.A. An analysis of the contribution of the five factor of personality to variance in academic procrastination. // Personality & Individual Differences. 1995. Vol. 18 (1). P. 127–133. DOI: 10.1016/0191-8869(94)00109-6.
33. Atkinson J.W. Towards experimental analyses of human motivation in terms of motives, expectancies and incentives // Motives in fantasy, action and Society. New York, 1958. P. 288–305.
34. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975.
35. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М. : Педагогика, 1986.
36. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. М. : Наука, 1988.
37. Сосновский Б.А. Мотив и смысл. М. : Прометей, 1993.
38. Вилюнас В.К. Психология развития мотивации: современные и классические исследования. Научные данные и жизненные примеры. СПб. : Речь, 2006.
39. Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Гордеева Т.О. Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организация // Организационная психология. 2013. № 1. С. 8–29.
40. Rebetez M.M.L., Rochat L., Van der Linden M. Cognitive, emotional, and motivational factors related to procrastination: A cluster analytic approach // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 76. P. 1–6. DOI: 10.1016/j.paid.2014.11.044.
41. Brownlow S., Reasinger R.D. Putting off until Tomorrow What is Better Done Today: Academic Procrastination as a Function of Motivation Toward College Work // Journal of social behavior and personalit. 2012. Vol. 15 (5). P. 15–34.
42. Burka J.B., Yuen L.M. Procrastination: why you do it, what to do about it now. Cambridge, MA: Da Capo Press, 2008.
43. Зобков А.В. Самооценка как акмеологический компонент саморегуляции учебной деятельности учащейся молодежи // Развитие человека в современном мире. 2017. № 1. С. 130–137.
44. Зобков А.В. Акмеология саморегуляции учебной деятельности. Владимир : Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2013.
45. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М. : Ин-т психологии РАН, 2010.
46. Моросанова В.И. Психология саморегуляции. М. ; СПб. : Нестор-история, 2012.
47. Rebetez M.M.L., Rochat L., Barsics C., Van der Linden M. Procrastination as a Self-Regulation Failure: the Role of Impulsivity and Intrusive Thoughts // Psychological Reports. 2018. Vol. 121 (1). P. 26–41. DOI: 10.1177/0033294117720695.
48. Ferrari J.R. Procrastination as self-regulation failure of performance: Effects of cognitive load, self-awareness, and time limits on 'working best under pressure' // European Journal of Personality. 2001. Vol. 15 (5). P. 391–406. DOI: 10.1002/per.413.abs.
49. Руднова Н.А. Характеристики саморегуляции деятельности как факторы прокрастинации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4 (36). С. 550–561.
50. Lay C.H., Schouwenburg H.C. Trait procrastination, time management, and academic behavior // Journal of social behavior and personality. 1993. Vol. 8 (4). P. 647–647.
51. Baumeister R.F., Heatherton T.F. Self-regulation failure: an overview // Psychological Inquiry. 1996. Vol. 7 (1). pp. 1–15. DOI: 10.1207/s15327965pli0701_1.
52. Gropel P. Procrastination and emotion regulation // International Journal of Psychology. 2008. Vol. 43 (3-4). P. 591–591.

53. Pychyl T.A., Sirois F.M. Procrastination, Emotion Regulation, and Well-Being // Procrastination, Health, and Well-Being / F.M. Sirois, T.A. Pychyl (eds.). London : Academic Press Ltd-Elsevier Science Ltd, 2016. P. 163–188. DOI: 10.1016/b978-0-12-802862-9.00008-6.
54. Eckert M., Ebert D.D., Lehr D., Sieland B., Berking M. Overcome procrastination: Enhancing emotion regulation skills reduce procrastination // Learning and Individual Differences. 2016. Vol. 52. P. 10–18. DOI: 10.1016/j.lindif.2016.10.001.
55. Taylor J., Wilson J.C. Failing time after time: time perspective, procrastination, and cognitive reappraisal in goal failure // Journal of Applied Social Psychology. 2016. Vol. 46 (10). P. 557–564. DOI: 10.1111/jasp.12383.
56. Rothblum E.D., Solomon L.J., Murakami J. Affective, cognitive, and behavioral-differences between high and low procrastinators // Journal of Counseling Psychology. 1986. Vol. 33 (4). P. 387–394. DOI: 10.1037/0022-0167.33.4.387.
57. Van Eerde W. Procrastination: Self-regulation in initiating aversive goals // Applied Psychology: an International Review. 2000. Vol. 49 (3). P. 372–389. DOI: 10.1111/1464-0597.00021.
58. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М. : УРАО, 1998.
59. Blunt A., Pychyl T.A. Volitional action and inaction in the lives of undergraduate students: State orientation, procrastination and proneness to boredom // Personality and Individual Differences. 1998. Vol. 24 (6). P. 837–846. DOI: 10.1016/s0191-8869(98)00018-x.
60. Jorke K.B., Fries S., Winter C. Volition, trait procrastination and motivational interference in university students // International Journal of Psychology. 2008. Vol. 43 (3-4). P. 434–434.
61. Zhang S.M., Liu P.W., Feng T.Y. To do it now or later: The cognitive mechanisms and neural substrates underlying procrastination // Wiley Interdisciplinary Reviews – Cognitive Science. 2019. Vol. 10 (4). P. 20. DOI: 10.1002/wcs.1492.
62. Missildine W.H. Your inner child of the past. New York : Simon and Schuster, 1963.
63. Солянин Н.Э., Лингурарь А.В. Особенности защитного и совладающего поведения студентов с разным уровнем прокрастинации // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 184–188.
64. Janis I., Mann L. Decisioning, a psychological analysis of conflict, choice and commitment. New York : The Free Press, 1979.
65. Зобков В.А. Психологическая структура отношения человека к жизнедеятельности // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22, № 3. С. 31–34.
66. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в семье. М. : Нац. кн. центр, 2014.
67. Савина Е.А., Филиппова Г.Г., Эйдемиллер Э.Г. Родители и дети. Психология взаимоотношений. М. : Когито-Центр, 2003.
68. Леонов Н.И. Конфликт в системе отношений личности // Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности : сб. науч. тр., посвящ. 125-летию со дня рождения В.Н. Мясничева. Владимир–М. : Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2018. С. 37–42.
69. Зобков А.В. Проблема единства отношения и саморегуляции деятельности // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 2. С. 26–33.

*Поступила в редакцию 27.09.2019 г.; повторно 01.07.2020 г.;
принята 02.09.2020 г.*

Зобков Александр Валерьевич – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
E-mail: av.zobkov@gmail.com

For citation: Zobkov, A.V. To the Problem of Parental Procrastination in Interaction with Children. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 90–110. doi: 10.17223/17267080/77/5. In Russian. English Summary

To the Problem of Parental Procrastination in Interaction with Children

A.V. Zobkov^a

^a *Vladimir State University, 87, Gorky Str., Vladimir, 600000, Russian Federation*

Abstract

The practice of psychological counseling with adults who have children, and psychological work with children shows that the postponement of kid things by parents occurs often. As a result of procrastination of parents in interaction with children (parental procrastination) there are negative psychological consequences for parents and children. In psychological science, much attention is paid to the problem of human procrastination, but the procrastination of parents in the interaction of children is not studied. Available studies consider the parent-child relationship only as a cause of procrastination of the child. The article raises the problem of studying procrastination of a parent in interaction with a child (parental procrastination). The psychological features of general procrastination and parental procrastination are compared. Parental procrastination is associated with specific time intervals that require specific actions from the parent. They consciously tolerate interaction with the child often hiding behind objective circumstances. Adults understand the negative consequences of procrastination, such as changing relationships with the child, reducing the level of trust of the child to them, subjective discomfort caused by understanding the negative consequences of procrastination for the child.

Analyzing scientific data on the problem of General human procrastination, we develop and justify an approach to the study of parental procrastination. Procrastination is associated with a violation of self-regulation. Violation of self-regulation activities requires: a) the study of self-procrastinate parents, motivation, personality traits, emotional-volitional and cognitive spheres of personality, unconscious mental mechanisms of self-regulation; b) define the relationship of personal characteristics with the characteristics of goal setting (planning), assessment of internal and external conditions of activity (modeling), programming their actions, evaluation of the result, correction of actions and approval of the goal.

Considering parental procrastination as a particular psychological problem, it is proposed: a) to consider it in connection with sociological characteristics (family composition, age characteristics of family members), family traditions, experience of family life of parents (number of marriages), etc.; b) through the system of human relations (to oneself, to others, to business; parent-child relations, intergenerational relations).

The methodological unity of the categories "attitude" and "self-regulation" of activity allows us to create a holistic theoretical model of the study of parental procrastination. The model is presented in the conclusion of the article in a structure form.

The analysis allows outlining the directions of psychological counseling work with procrastinating parents: work on taking responsibility for decisions in their vital activity; formation of self-regulation skills of activity; formation of emotional regulation skills.

Keywords: procrastination; parents; interaction with children; theoretical model; self-regulation.

References

1. Steel, P. (2007) The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulation failure. *Psychological Bulletin*. 133(1). pp. 65–94. DOI: 10.1037/0033-2909.133.1.65

2. Ferrari, J.R., Johnson, J.L. & McCown, W.G. (1995) *Procrastination and task avoidance: Theory, research and treatment*. New York: Plenum Press.
3. Harriott, J. & Ferrari, J.R. (1996) Prevalence of Procrastination among Samples of Adults. *Psychological Reports*. 78(2). pp. 611–616. DOI: 10.2466/pr0.1996.78.2.611
4. Neyaskina, Yu.Yu. & Sibirtseva, E.I. (2016) Personal and Professional Resources of People with Different Levels of Procrastination. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogicheskie nauki – Scholarly Notes of Transbaikal State University. Pedagogical sciences*. 11(5). pp. 67–83. (In Russian). DOI: 10.21209/2542-0089-2016-11-5-67-83
5. Plotkina, S.V. & Barashkova, S.A. (2016) Osobennosti vospriyatiya vremeni u lits s razlichnym urovnem prokrastinatsii [Time perception in persons with different levels of procrastination]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 2-2. pp. 311–315.
6. Valiullina, E.V. (2018) Influence of the self-rating on the procrastination level. *Diskurs: nauchnyy zhurnal*. 6(20). pp. 45–50. (In Russian).
7. Rudnova, N.A. (2019) *Individual'no-lichnostnye prediktory prokrastinatsii v raznye periody vzroslosti* [Individual predictors of procrastination in different periods of adulthood]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Perm. [Online] Available from: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document13730.pdf>
8. Koroleva, A.S. (2017) Motivatsionnye osobennosti i vyrazhennost' prokrastinatsii u sotrudnikov sovremennoy organizatsii [Motivational features and severity of procrastination in employees of a modern organization]. *Sovremennaya nauka i ee razvitiye*. 13. [Online] Available from: https://www.alley-science.ru/sovremennaya_nauka_i_ee_razvitiye_13_2017/
9. Goroshit, M. & Hen, M. (2018) Decisional, general and online procrastination: Understanding the moderating role of negative affect in the case of computer professionals. *Journal of Prevention & Intervention in the Community*. 46(3). pp. 279–294. DOI: 10.1080/10852352.2018.1470421
10. Prem, R., Scheel, T.E., Weigelt, O., Hoffmann, K. & Korunka, C. (2018) Procrastination in Daily Working Life: a Diary Study on Within-Person Processes That Link Work Characteristics to Workplace Procrastination. *Frontiers in Psychology*. 9. pp. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01087
11. Metin, U.B. (2018) Introduction: Towards a wider understanding of workplace procrastination. *Journal of Prevention & Intervention in the Community*. 46(3). pp. 213–214. DOI: 10.1080/10852352.2018.1470368
12. Hen, M. (2018) Causes for procrastination in a unique educational workplace. *Journal of Prevention & Intervention in the Community*. 46(3). pp. 215–227. DOI: 10.1080/10852352.2018.1470144
13. Gareau, A., Chamandy, M., Kljajic, K. & Gaudreau, P. The detrimental effect of academic procrastination on subsequent grades: the mediating role of coping over and above past achievement and working memory capacity. *Anxiety Stress and Coping*. 32(2). pp. 141–154. DOI: 10.1080/10615806.2018.1543763
14. Sedlakova, J., Mylek, V., Capkova, K., Prochazka, J., Vaculik, M. & Jezek, S. (2014) Parental control of child as a predictor of academic procrastination. *Proc. of the 11th International Conference on Efficiency and Responsibility in Education*. Prague: [s.n.]. pp. 694–702.
15. Ljubin-Golub, T., Petricevic, E. & Rovani, D. (2019) The role of personality in motivational regulation and academic procrastination. *Educational Psychology*. 39(4). pp. 550–568. DOI: 10.1080/01443410.2018.1537479
16. Ivutina, E.P. & Shurakova, E.S. (2013) Academic procrastination as a manifestation of students' defensive coping. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 4-1. pp. 146–151. (In Russian).

17. Miklyaeva, A.V., Rebrova, D.S. & Savinskaya, A.S. (2017) Academic Procrastination among Students: the Results of Empirical Research. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya – The Bulletin of Irkutsk State University. Psychology*. 19. pp. 59–66. (In Russian).
18. Milgram, N.A., Sroloff, B. & Rosenbaum, M. (1988) The procrastination of everyday life. *Journal of Research in Personality*. 22(2). pp. 197–212. DOI: 10.1016/0092-6566(88)90015-3
19. Rubenstein, G. (2009) Academic and everyday procrastination and their relation to the five-factor model. In: Palcroft, L.B. & Lopez, M.V. (eds) *Personality Assessment: New Research*. Hauppauge: Nova Science Publishers, Inc. pp. 275–287.
20. Katz, I., Eilott, K. & Nevo, N. (2014) “I’ll do it later”: Type of motivation, self-efficacy and homework procrastination. *Motivation and Emotion*. 38(1). pp. 111–119. DOI: 10.1007/s11031-013-9366-1
21. Stolcis, G. & McCown, W. (2018) Procrastination, Hoarding, and Attention Beyond Age 65: a Community-Based Study. *Current Psychology*. 37(2). pp. 460–465. DOI: 10.1007/s12144-017-9700-y
22. Pychyl, T.A., Coplan, R.J. & Reid, P.A.M. (2002) Parenting and procrastination: gender differences in the relations between procrastination, parenting style and self-worth in early adolescence. *Personality and Individual Differences*. 33(2). pp. 271–285. DOI: 10.1016/s0191-8869(01)00151-9
23. Zakeri, H., Esfahani, B.N. & Razmjoei, M. (2013) Parenting Styles And Academic Procrastination. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 84. pp. 57–60. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.06.509
24. Hong, J.C., Hwang, M.Y., Kuo, Y.C. & Hsu, W.Y. (2015) Parental monitoring and helicopter parenting relevant to vocational student's procrastination and self-regulated learning. *Learning and Individual Differences*. 42. pp. 139–146. DOI: 10.1016/j.lindif.2015.08.003
25. Chen, B.B. (2017) Parent-adolescent attachment and procrastination: the mediating role of self-worth. *Journal of Genetic Psychology*. 178(4). pp. 238–245. DOI: 10.1080/00221325.2017.1342593
26. Tibbett, T.P. & Ferrari, J.R. (2019) Return to the origin: what creates a procrastination identity? *Current Issues in Personality Psychology*. 7(1). pp. 1–7. DOI: 10.5114/cipp.2018.75648
27. Varvaricheva, Ya.I. (2010) Fenomen prokrastinatsii: problemy i perspektivy issledovaniya [The phenomenon of procrastination: problems and perspectives of research]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 121–131.
28. Chernysheva, N.A. (2016) Prokrastinatsiya: aktual'noe sostoyanie problemy i perspektivy izucheniya [Procrastination: the current state of the problem and prospects of study]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 1. pp. 17–26.
29. Elkonin, D.B. (1989) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Psychological Works]. Moscow: Pedagogika.
30. Zobkov, V.A. (2018) *Genezis otnosheniya cheloveka k sebe* [The genesis of a person's attitude to themselves]. Vladimir: Kaleydoskop.
31. Lay, C.H. (1986) At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*. 20(4). pp. 474–495. DOI: 10.1016/0092-6566(86)90127-3
32. Johnson, J.L. & Bloom, M.A. (1995) An analysis of the contribution of the five factor of personality to variance in academic procrastination. *Personality & Individual Differences*. 18(1). pp. 127–133. DOI: 10.1016/0191-8869(94)00109-6
33. Atkinson, J.W. (1958) Towards experimental analyses of human motivation in terms of motives, expectancies and incentives. In: Atkinson, J.W. (ed.) *Motives in Fantasy, Action and Society*. New York: Van Nostrand. pp. 288–305.

34. Leontiev, A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
35. Heckhausen, H. (1986) *Motivatsiya i deyatel'nost'* [Motivation and activity]. Translated from German. Moscow: Pedagogika.
36. Kovalev, V.I. (1988) *Motivy povedeniya i deyatel'nosti* [Motives of behavior and activity]. Moscow: Nauka.
37. Sosnovsky, B.A. (1993) *Motiv i smysl* [Motive and meaning]. Moscow: Prometey.
38. Vilyunas, V.K. (2006) *Psikhologiya razvitiya motivatsii: sovremennye i klassicheskie issledovaniya. Nauchnye dannye i zhiznennye primery* [The developmental psychology of motivation: modern and classical research. Scientific evidence and life examples]. St. Petersburg: Rech'.
39. Osin, E.N., Ivanova, T.Yu. & Gordeeva, T.O. (2013) Avtonomnaya i kontroliruemaya professio-nal'naya motivatsiya kak prediktory sub'ektivnogo blagopoluchiya u sotrudnikov rossiyskikh organizatsiya [Autonomous and controlled professional motivation as a predictor of subjective well-being in Russian employees]. *Organizatsionnaya psikhologiya – Organizational psychology*. 1. pp. 8–29.
40. Rebetez, M.M.L., Rochat, L. & Van der Linden, M. (2015) Cognitive, emotional, and motivational factors related to procrastination: A cluster analytic approach. *Personality and Individual Differences*. 76. pp. 1–6. DOI: 10.1016/j.paid.2014.11.044
41. Brownlow, S. & Reasinger, R.D. (2012) Putting off until Tomorrow What is Better Done Today: Academic Procrastination as a Function of Motivation Toward College Work. *Journal of Social Behavior and Personality*. 15(5). pp. 15–34.
42. Burka, J.B. & Yuen, L.M. (2008) *Procrastination: why you do it, what to do about it now*. Cambridge, MA: Da Capo Press.
43. Zobkov, A.V. (2017) Samootsenka kak akmeologicheskiy komponent samoregulyatsii uchebnoy deyatel'nosti uchashcheyshya molodezhi [Self-assessment as an acmeological component of self-regulation of educational activities of student youth]. *Razvitie cheloveka v sovremennom mire*. 1. pp. 130–137.
44. Zobkov, A.V. (2013) *Akmeologiya samoregulyatsii uchebnoy deyatel'nosti* [Acmeology of self-regulation of educational activity]. Vladimir: Vladimir State University.
45. Sergienko, E.A., Vilenskaya, G.A. & Kovaleva, Yu.V. (2010) *Kontrol' povedeniya kak sub'ektnaya regulyatsiya* [Behavior control as subjective regulation]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
46. Morosanova, V.I. (2012) *Psikhologiya samoregulyatsii* [The psychology of self-regulation]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-istoriya.
47. Rebetez, M.M.L., Rochat, L., Barsics, C. & Van der Linden, M. (2018) Procrastination as a Self-Regulation Failure: the Role of Impulsivity and Intrusive Thoughts. *Psychological Reports*. 121(1). pp. 26–41. DOI: 10.1177/0033294117720695
48. Ferrari, J.R. (2001) Procrastination as self-regulation failure of performance: Effects of cognitive load, self-awareness, and time limits on 'working best under pressure'. *European Journal of Personality*. 15(5). pp. 391–406. DOI: 10.1002/per.413.abs
49. Rudnova, N.A. (2018) Self-regulation's characteristics of activity as factors of procrastination. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 4(36). pp. 550–561. (In Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-550-561
50. Lay, C.H. & Schouwenburg, H.C. (1993) Trait procrastination, time management, and academic behavior. *Journal of Social Behavior and Personality*. 8(4). pp. 647–647.
51. Baumeister, R.F. & Heatherton, T.F. (1996) Self-regulation failure: an overview. *Psychological Inquiry*. 7(1). pp. 1–15. DOI: 10.1207/s15327965pli0701_1
52. Gropel, P. (2008) Procrastination and emotion regulation. *International Journal of Psychology*. 43(3-4). pp. 591–591.

53. Pychyl, T.A. & Sirois, F.M. (2016) Procrastination, Emotion Regulation, and Well-Being. In: Pychyl, T.A. & Sirois, F.M. (eds) *Procrastination, Health, and Well-Being*. London: Academic Press Ltd-Elsevier Science Ltd. pp. 163–188. DOI: 10.1016/b978-0-12-802862-9.00008-6
54. Eckert, M., Ebert, D.D., Lehr, D., Sieland, B. & Berking, M. (2016) Overcome procrastination: Enhancing emotion regulation skills reduce procrastination. *Learning and Individual Differences*. 52. pp. 10–18. DOI: 10.1016/j.lindif.2016.10.001
55. Taylor, J. & Wilson, J.C. (2016) Failing time after time: time perspective, procrastination, and cognitive reappraisal in goal failure. *Journal of Applied Social Psychology*. 46(10). pp. 557–564. DOI: 10.1111/jasp.12383
56. Rothblum, E.D., Solomon, L.J. & Murakami, J. (1986) Affective, cognitive, and behavioral-differences between high and low procrastinators. *Journal of Counseling Psychology*. 33(4). pp. 387–394. DOI: 10.1037/0022-0167.33.4.387
57. Van Eerde, W. (2000) Procrastination: Self-regulation in initiating aversive goals. *Applied Psychology: an International Review*. 49(3). pp. 372–389. DOI: 10.1111/1464-0597.00021
58. Ivannikov, V.A. (1998) *Psikhologicheskie mekhanizmy volevoy regulyatsii* [Psychological mechanisms of volitional regulation]. Moscow: URAO, 1998.
59. Blunt, A. & Pychyl, T.A. (1998) Volitional action and inaction in the lives of undergraduate students: State orientation, procrastination and proneness to boredom. *Personality and Individual Differences*. 24(6). pp. 837–846. DOI: 10.1016/s0191-8869(98)00018-x
60. Jorke, K.B., Fries, S. & Winter, C. (2008) Volition, trait procrastination and motivational interference in university students. *International Journal of Psychology*. 43(3-4). pp. 434–434.
61. Zhang, S.M., Liu, P.W. & Feng, T.Y. (2019) To do it now or later: The cognitive mechanisms and neural substrates underlying procrastination. *Wiley Interdisciplinary Reviews – Cognitive Science*. 10(4). pp. 20. DOI: 10.1002/wcs.1492
62. Missildine, W.H. (1963) *Your inner child of the past*. New York: Simon and Schuster.
63. Solynin, N.E. & Lingurar, A.V. (2017) Osobennosti zashchitnogo i sovladayushchego povedeniya studentov s raznym urovnem prokrastinatsii [Protective and coping behavior of students with different levels of procrastination]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 3. pp. 184–188.
64. Janis, I. & Mann, L. (1979) *Decisioning, a psychological analysis of conflict, choice and commitment*. New York: The Free Press.
65. Zobkov, V.A. (2016) The psychological structure of human's attitude to life. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 22(3). pp. 31–34. (In Russian).
66. Saporovskaya, M.V. (2014) *Psikhologiya mezhpokolennykh otnosheniy v sem'e* [Psychology of intergenerational relationships in the family]. Moscow: Nats. kn. Tsentr.
67. Savina, E.A., Filippova, G.G. & Eydemiller, E.G. (2003) *Roditeli i deti. Psikhologiya vzaimootnosheniy* [Parents and children. Relationship psychology]. Moscow: Kogito-Tsentr.
68. Leonov, N.I. (2018) [Conflict in the system of personality relations]. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii otnosheniya cheloveka k zhiznedeyatel'nosti* [Current state and development prospects of the psychology of human attitudes to life]. Proc. of the Conference. Vladimir–Moscow: Vladimir State University. pp. 37–42. (In Russian).
69. Zobkov, A.V. (2018) The problem of unity of attitude and self-regulation of activity. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika. Psikhologiya*.

Sotsiokinetika – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2. pp. 26–33. (In Russian).

Received 27.09.2019; Revised 01.07.2020;

Accepted 02.09.2020

Alexander V. Zobkov – Professor, Department of General and Pedagogical Psychology, Vladimir State University, D. Sc. (Psychol), Professor.
E-mail: av.zobkov@gmail.com

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

ТИПОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ И ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОМУ ДЕЯНИЮ БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

А.В. Пенявская^{a, b}, Э.И. Мещерякова^a, И.Я. Стоянова^{a, c}

^a Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

^b Томская клиническая психиатрическая больница, 634014, Россия, Томск, ул. Алеутская, д. 4

^c Научно-исследовательский институт психического здоровья ТНИМЦ, 634014, Россия, Томск, ул. Алеутская, д. 4

Поднимается проблема субъективной реальности больных шизофренией, в которой отражены особенности целостного восприятия имеющегося психического заболевания и их отношения к совершенному общественно опасному деянию (ООД) через призму психологических характеристик. Представлены данные эмпирического исследования, проведенного с помощью структурированной беседы и ряда психодиагностических методик. В результате исследования определены типы отношения к болезни и ООД: первый тип – «Отрицание и болезни, и ООД», второй тип – «Отрицание болезни и частичное признание вины в ООД», третий тип – «Осознание и болезни, и ООД». Выявленная типология способствует дифференцированному подходу в психологическом сопровождении принудительного лечения больных шизофренией с криминальным анамнезом.

Ключевые слова: больные шизофренией; общественно опасные деяния (ООД); отношение к болезни; отношение к ООД; типология отношения к болезни и к ООД; психологические характеристики; принудительное лечение; психологическое сопровождение; реабилитация.

Введение

Предупреждение совершения общественно опасных действий психически больными имеет большое социальное значение и относится к актуальным проблемам психиатрии и клинической психологии как в части поиска путей повышения точности прогноза противоправного поведения, так и в дальнейшей дифференциации реабилитационных мероприятий [1–3]. Социальная опасность этих больных определена психопатологической симптоматикой, патопсихологическими особенностями, преобладанием тяжелых агрессивных действий против личности по сравнению с преступлениями психически здоровых лиц. Это, с одной стороны, обуславливает необхо-

димось решения проблемы защиты общества от опасных действий психически больных, а с другой – требует разработки и совершенствования реабилитационных мероприятий во время принудительного лечения, сочетающих в себе медицинские и психологические аспекты [4–6].

Наибольшее число исследовательских работ и методических разработок посвящено психосоциальной терапии и реабилитации при шизофрении и расстройствах шизофренического спектра, что обусловлено распространенностью этого заболевания среди лиц, совершивших ООД, поступающих на принудительное лечение в психиатрический стационар [7–12]. Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению больных шизофренией, совершивших ООД, реабилитационные мероприятия в условиях принудительного лечения остаются малоэффективными [4, 6]. Современные исследования показывают, что соотношение когнитивных, мотивационно-смысловых, ценностных, эмоционально-волевых и личностных составляющих в структуре деятельности лиц с тяжелым психическим расстройством, находящихся на принудительном лечении, неоднозначно, а их вклад в процесс эффективной реабилитации сложен и неочевиден.

Для эффективной реализации системы реабилитационных мероприятий на принудительном лечении необходимо учитывать не только нозоспецифические особенности, но и индивидуально-психологические и социально-психологические характеристики пациентов как на этапе острого периода болезни, так и на этапе становления и собственно в период ремиссии [13–17]. В деятельности больных на начальном этапе лечения превалирует психопатологический уровень регуляции, но уже после купирования острой симптоматики на первый план выступают патофизиологические и психологические механизмы саморегуляции. При этом важным фактором в регуляции поведения больных являются содержание их ценностей и установок, характер защитных механизмов и копинг-стратегий, способность к самоконтролю возникающих деструктивных импульсов, самооценка и самоотношение и др. Недостаточность критической оценки своего заболевания и связанного с ним совершения ООД определяет сложность целостного критического осмысления сути и последствий своего деяния.

В связи с этим появляется необходимость анализировать не только внешние проявления динамики психического состояния пациента, но и изменения в системе его личностных ценностей и смыслов, связанных с отношением к самому себе, своему заболеванию, совершенному преступлению, а также дальнейшие планы на будущее, позицию в социуме, т.е. его субъективную реальность. При психической болезни прежде всего меняется целостный взгляд на мир, и уже в соответствии с этим взглядом выстраиваются конкретные переживания и отношения. И эти конкретные переживания и отношения принадлежат именно миру психически больного, его восприятию. Интересным представляется феномен целостного отношения к себе и к окружающему миру у больных шизофренией, совершивших ООД.

Учитывая актуальность решения вопроса о необходимости определенного объема и направленности психологического сопровождения лиц,

находящихся на принудительном лечении, важным является изучение показателей психологического функционирования больных шизофренией, в том числе отношения к болезни и болезненным переживаниям, наличия к ним критики, отношения к совершенному ООД, а также системообразующих характеристик личности.

Цель исследования – определить типологию отношения к болезни и к ООД больных шизофренией в сочетании с их психологическими характеристиками.

Материалы и методы исследования

Выборку исследования составили 62 больных шизофренией, находящихся на стационарном принудительном лечении в отделении специализированного типа психиатрической больницы г. Томска. Нарушения психической деятельности, имеющиеся у этих пациентов в период, относящийся к совершению инкриминируемых им деяний, лишали их способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в связи с проявлениями психопатологической симптоматики, обманов восприятия, бредовых идей, эмоционально-волевых расстройств и нарушения критических способностей. По своему психическому состоянию пациенты представляют повышенную опасность для себя и окружающих, поэтому нуждаются в принудительном лечении в психиатрическом стационаре специализированного типа. В момент обследования пациенты находились в состоянии медикаментозной ремиссии. Средний возраст испытуемых составил $24,3 \pm 3,3$ лет. В большинстве случаев общественно опасными деяниями явились убийства, нанесение тяжких либо легких телесных повреждений, а также кражи и насильственные действия сексуального характера (ст.ст. 105, 119, 158, 161, 132 УК РФ). Характер общественно опасных деяний (ООД) отражен на рисунке 1.

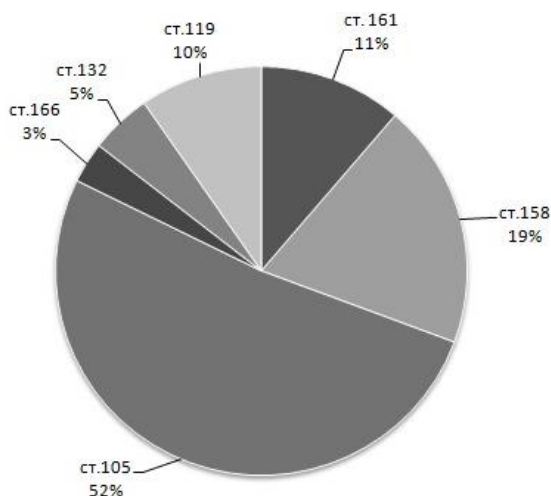

Рис. 1. Распределение выборки исследования по характеру ООД

Обследование пациентов включало проведение авторской структурированной беседы, направленной на выявление целостного отношения к имеющемуся психическому заболеванию, субъективных симптомов болезни, особенностей восприятия совершенного общественно опасного деяния, а также определение психологических характеристик больных шизофренией с помощью психодиагностического исследования с применением следующих методик: «Самооценка» Т.В. Дембо и С.Я. Рубинштейн в адаптации П.В. Яньшина (2004); тест ММРІ в адаптации Л.Н. Собчик (2000); опросник «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда (1984); опросник Р. Лазаруса «Способы совладающего поведения» в адаптации Л.И. Вассермана, Б.В. Иовлевой, Е.Р. Исаевой, Е.А. Трифионовой, О.Ю. Щелкова, М.Ю. Новожиловой, А.Я. Вукса (2008); проведение методик исследования мышления: «Исключение предметов» в адаптации В.М. Блейхера (2004); «Пиктограмма» в адаптации Б.Г. Херсонского (2003). Статистическая обработка данных проводилась при помощи пакета программ Statistica 17.0 с применением описательных статистик, таблиц сопряженности, кластерного анализа.

Решение поставленных задач включало два этапа обработки диагностических данных. На первом этапе был проведен частотный анализ ответов на вопросы беседы, затем многомерный анализ сопряженности ответов на вопросы структурированной беседы; с целью выделения групп пациентов в соответствии с их отношением к болезни и к ООД был проведен кластерный анализ (метод Уорда) результатов структурированной беседы. На втором этапе анализировались данные, полученные при проведении психодиагностических методик. Результаты психодиагностических методик и данных структурированной беседы подверглись кластеризации с целью выявления типов отношения к болезни и к ООД в сочетании с психологическими характеристиками.

Обсуждение результатов

При проведении структурированной беседы у пациентов отмечались непоследовательность суждений при анализе субъективных переживаний, связанных с имеющимся психическим заболеванием, нечувствительность к противоречиям при эмоциональной охваченности темой беседы (противоречивость высказываний), недостаточная критичность в оценке своего психического состояния, а также в оценке своего «Я» в системе межличностных отношений и в складывающихся субъективно значимых ситуациях.

Такие важные составляющие ситуации болезни, как отношение к собственному здоровью, к врачу и его назначениям, участие в лечебном процессе, отношение к другим больным и т.д., отражали в суждениях больных не критичность к своему болезненному состоянию, снижение способности осознавать болезненный характер своих переживаний. Неадекватное отношение к лечению проявлялось на фоне достаточной осведомленности об особенностях болезни, ее течения и лечения. Своеобразие отношения к болезни свя-

зано с переживанием психопатологической симптоматики (редуцированные бредовые или галлюцинаторно-параноидные переживания, готовность пациентов к бредовой интерпретации окружающего, наличие бредового мировоззрения, эмоциональная недостаточность), влиянием патопсихологических особенностей на оценку ситуации болезни и самооценку пациента.

О снижении критичности обследуемых пациентов к своему психическому состоянию свидетельствуют нарушение протекания мыслительной деятельности, утрата контроля над интеллектуальными процессами и снижение способности адекватно оценивать текущую ситуацию, нарушение оценочных функций, проявляющееся в снижении способности осознавать болезненный характер своих переживаний, отсутствии рассудительного отношения к своему состоянию, анозогнозии.

Многомерный анализ сопряженности ответов на вопросы структурированной беседы показал:

- пациенты, которые не видят причин находиться на принудительном лечении в психиатрическом стационаре, формально относятся к лечащему врачу и медицинскому персоналу (критерий Пирсона Хи-квадрат = 22,0; достигнутый уровень значимости $p = 0,001$);

- положительное отношение пациентов к пребыванию на принудительном лечении определяется не только осознанием совершенного общественно опасного деяния, но и пониманием причин нахождения в психиатрическом стационаре на лечении (критерий Пирсона Хи-квадрат = 48,6; достигнутый уровень значимости $p = 0,004$), что указывает на относительную сохранность мотивационной сферы, мыслительной сферы и критики к своему состоянию и поведению;

- пациенты, которые не считают себя психически больными, не видят причин принимать медикаментозное лечение и находиться в стационаре (критерий Пирсона Хи-квадрат = 34,1; достигнутый уровень значимости $p = 0,0006$), что связано с их патопсихологическими особенностями, такими как нарушение критичности к своему состоянию и поведению, нарушениями мышления в рамках шизофренического симптомокомплекса;

- пациенты, которые адекватно оценивают свое состояние, положительно относятся к предлагаемому лечению и согласны принимать назначенные лекарства (критерий Пирсона Хи-квадрат = 12,6; достигнутый уровень значимости $p = 0,012$); они способны соблюдать режим отделения и правила пребывания в стационаре, выстраивать доброжелательные отношения с врачом и медицинским персоналом, что указывает на сохранность критических способностей, способностей к прогнозированию и осуществлению произвольной регуляции.

Особенности отношения к болезни этих пациентов обусловлены преломлением их системы отношений через призму хронического психического заболевания, которое приводит к своеобразию реакций на психическую болезнь.

Для выявления групп пациентов в соответствии с их отношением к болезни был проведен кластерный анализ результатов структурированной

беседы по методу Уорда. По результатам кластерного анализа выделено два кластера, которые определяют два типа отношения к болезни, условно названные согласно их компонентам «Отрицание болезни» и «Осознание болезни», ранее отмеченные авторами [19]. Выявленная типология отношения к болезни больных шизофренией дает материал для определения мишеней психологического воздействия в процессе психологического сопровождения принудительного лечения.

При проведении беседы, направленной на выявление субъективных переживаний, связанных с совершением противоправного деяния, у пациентов отмечались непоследовательность суждений при анализе совершенного ООД, противоречивость высказываний, недостаточная критичность в оценке своего поведения.

Интересным представляется отношение пациентов к факту привлечения к уголовной ответственности и ограничения свободы, что требует определенного понимания и осознания того, что криминальное поведение было обусловлено психическим заболеванием, поэтому и повлекло за собой невинение ответственности за ООД. Постановка диагноза, подтверждение наличия психического расстройства комиссией экспертов могут являться для пациента неким оправданием, помогающим согласовать привычные представления о собственном «Я» с криминальными действиями и снижающим личную вину и ответственность за совершенное деяние.

Факт помещения пациента в психиатрическую больницу, в закрытое психиатрическое отделение, по-разному понимается и оценивается пациентами: одни относятся к этому как к своеобразной замене тюремного заключения, что можно трактовать как формальное отношение к пребыванию в стационаре; другие – как к освобождению от уголовного наказания, что отражает позицию выгодоприобретения; третьи связывают свое пребывание в психиатрической больнице непосредственно с возникновением у них психического заболевания, что можно отнести к сохранности критических способностей к своему состоянию и поведению. Содержание понятия «принудительное лечение вследствие совершения ООД» большинством пациентов в полном объеме не осмысливается.

Многомерный анализ сопряженности ответов на вопросы структурированной беседы показал:

- среди пациентов, которые не переживают чувства вины, обиды в связи с совершенным ООД, большинство не способны адекватно относиться к содеянному, что выражается в непонимании причин пребывания в психиатрическом стационаре на принудительном лечении и отрицательном к нему отношении (критерий Пирсона Хи-квадрат = 35,5; достигнутый уровень значимости $p = 0,0001$); это обусловлено снижением эмоциональной сферы, проявлением эмоциональной холодности, отсутствием способности к сопереживанию, эмпатии, что характерно для эмоциональной сферы пациентов с данным психическим заболеванием;

- положительное отношение пациентов к пребыванию на принудительном лечении определяется не только осознанием совершенного обще-

ственно опасного деяния, но и пониманием причин нахождения в психиатрическом стационаре на лечении (критерий Пирсона Хи-квадрат = 37,2; достигнутый уровень значимости $p = 0,0001$), что указывает на относительную сохранность критики, способности к опосредованию и контролю своих действий, это свидетельствует о сохранности личностно-мотивационной сферы;

– пациенты, переживающие чувство вины в связи с содеянным, способные признавать свою роль в совершении общественно опасного деяния, адекватно относятся к пребыванию на принудительном лечении и назначенному лечению (критерий Пирсона Хи-квадрат = 37,2; достигнутый уровень значимости $p = 0,0001$), что указывает на относительную сохранность их критических и прогностических способностей;

– неспособность больных шизофренией адекватно оценивать и осознавать свою роль в совершении ООД обусловлено расстройствами мыслительной деятельности, нарушающими целенаправленность мышления и смыслообразование, к ним относятся резонерство, соскальзывание, разноплановость, патологический полисемантизм при сохранности операционной стороны, свойственные данному психическому заболеванию.

С целью определения групп пациентов в соответствии с их отношением к общественно опасному деянию был проведен кластерный анализ результатов структурированной беседы, выявляющей отношение к ООД исследуемых пациентов, по методу Уорда. По результатам кластерного анализа было получено три кластера: «Перекалывает ответственность на других за ООД», «Отрицает совершение ООД», «Признает свою роль в ООД», – которые представлены авторами в более ранних работах [20]. Выявленная типология отношения к совершенному ООД больных шизофренией позволяет дифференцированно подойти к определению мишеней психологического воздействия в процессе психологического сопровождения принудительного лечения.

Исследование особенностей мыслительной деятельности (методики «Пиктограмма», «Исключение предметов») данной выборки пациентов показало, что в первую очередь у них отмечаются нарушение мотивационного компонента мышления в виде резонерства, разноплановости, снижение критичности и эмоциональной наполненности суждений. Помимо этого, отмечается искажение процесса обобщения по типу актуализации латентных, несущественных личностно-значимых признаков. Отмечаются признаки формальности ассоциативных связей, отдаленность ассоциативных связей, неравномерность темпа продуцирования ответных ассоциаций, своеобразие ассоциативных образов, неадекватная символизация, фрагментарность ассоциативных образов, усложненность формулировок, слияние буквального и переносного смыслов, элементы слабости критических способностей, склонность к субъективным интерпретациям, привнесение субъективно значимых переживаний в методику.

У большинства пациентов (66,7%) отмечается незначительное использование атрибутивных, графических и метафорических образов с преобла-

данием конкретных, фрагментарных, геометрических и формальных образов над индивидуально-значимыми в методике «Пиктограмма», что свидетельствует о снижении процессов обобщения и эмоциональной обедненности мышления. Меньшему количеству пациентов (33,3%) характерно использование индивидуально-значимых образов в методике «Пиктограмма», что свидетельствует об относительной сохранности эмоционального компонента мышления. Больные шизофренией чаще используют конкретные образы в пиктограмме, реже – атрибутивные образы. В сравнении с показателями нормы такие пациенты меньше используют графические символы, метафорические образы, у них отмечаются нарушения мышления по типу искажения процесса обобщения. Нарушения личностного смысла и селективности информации лежат в основе психопатологических проявлений, с этим механизмом связаны нарастающее эмоциональное снижение и изменения мышления диссоциативного типа.

Своеобразие восприятия противоправного деяния исследуемых пациентов связано с наличием психопатологической симптоматики, тенденцией к созданию некорректируемых концепций, бредовых конструкций, а также руководством в собственном поведении сугубо субъективными принципами, которые отражаются в содержании бреда, галлюцинаций и характеризуют психическое расстройство. Наличие бреда, параноидных состояний ведет к патологическому восприятию и осмыслению событий внешнего мира, а также к соответствующему поведению в нем и отражается в трансформации мотивационной сферы. Деятельность приобретает особое содержание, и прежде всего оказывается затронутым смыслообразование, а все события и факты приобретают особое значение. Данные особенности мышления отражаются в формировании отношения к своему деянию и заболеванию. Это проявляется в искажении фактов совершения деяния, отрицании своей роли в совершении ООД, эмоциональной холодности к совершению противоправного поступка, своеобразии интерпретации совершенного ООД.

С целью определения индивидуально-психологических особенностей пациентов данной выборки проведен анализ результатов личностного опросника ММРІ. Анализ результатов показал, что для 27 (45%) пациентов характерен профиль в пределах нормативных показателей 40–60 Т-баллов с выраженными шкалами «паранойя» и «психопатия». Эти пациенты характеризуются нетерпеливостью, склонностью к риску, трудностями в соблюдении норм поведения, высоким уровнем притязаний, непосредственностью в проявлении чувств, активной личностной позицией, в структуре мотивационной направленности – преобладанием мотивации достижения, уверенностью и быстротой в принятии решений. Отмечаются риск проявления спонтанной активности, направленной на реализацию сиюминутных побуждений вопреки здравому смыслу и интересам окружающего социума, тенденция к противодействию внешнему давлению, склонность ориентироваться преимущественно на собственное мнение и сиюминутные побуждения. Для большинства – 35 (55%) пациентов – характерен пикооб-

разный профиль с повышением Т-баллов до 75 с выраженными шкалами «психопатия», «паранойя», «шизофрения». Подъем шкал 4, 6, 8 до 75 Т-баллов можно интерпретировать как наличие у большинства обследованных пациентов заостренных личностных черт, в значительной мере определяющих их поведение. Подобные показатели свидетельствуют о сниженной социальной адаптации и значительных нарушениях межличностных контактов, импульсивности, нарушении прогнозирования последствий своих поступков, неприятии социальных и правовых норм и требований, ригидности, высоком уровне агрессивности, наличии аффективных установок, которые не позволяют изменить стереотип поведения. Повышение по шкале 8 при имеющемся профиле выявляет своеобразие восприятия, установок и суждений, в связи с которыми любые жизненные ситуации оцениваются необъективно, ряд элементов игнорируется или искажается; ухудшение прогноза последствий своих поступков за счет оторванности от социальной реальности, невозможность интериоризации моральных и правовых норм; потребности реализовываются в своеобразном и непредсказуемом поведении. Такой профиль свойственен личностям с преступными тенденциями, импульсивным, раздражительным, жестоким, со скрывающейся тревогой, злопамятным, со своеобразием установок и суждений, чувствительным к любым элементам межличностного взаимодействия, подозрительным, воспринимающим внешнюю среду как враждебную.

Высокие значения шкал свидетельствуют о том, что обследованные пациенты в повседневной жизни стараются ориентироваться при выборе моделей поведения на собственные установки, взгляды, убеждения и ценностные ориентации. При этом отдельные установки и убеждения могут встраиваться в фабулу бреда, негативно влияя на социальное функционирование, что характерно для больных шизофренией. Особенности личности этих пациентов обусловлены преломлением их системы отношений через призму хронического психического заболевания, которое приводит к противоправному поведению.

Следующей задачей исследования являлось изучение особенностей самооценки больных шизофренией, совершивших ООД, которая является важной интегральной характеристикой личности, показателем отношения к самому себе. Проведенное обследование с помощью теста «Самооценка» показало, что адекватная самооценка (45–74 балла) наблюдалась у 20,6% пациентов, низкая самооценка (менее 45 баллов) с неуверенностью и недооценкой собственных сил – у 17,4%; завышенная (75–100 баллов) с нечувствительностью к своим ошибкам, неудачам, замечаниям, советам окружающих – у 62% пациентов. Полученные данные о самооценке больных шизофренией свидетельствуют о том, что для большинства пациентов данной выборки характерны переоценка своих возможностей, неадекватность оценки своего состояния, снижение критичности к своему психическому состоянию в целом.

Полученные результаты завышенной самооценки в группе больных шизофренией объясняются особенностями их восприятия окружающей дей-

ствительности и неадекватной оценкой себя, своих способностей. Переоценка себя, своих возможностей с опорой на собственные суждения и ориентацией при выборе моделей поведения на собственные установки, сочетающиеся с социальной дезадаптацией, обусловленные психическим заболеванием, наличием психопатологической симптоматики – бреда, галлюцинаций, может являться предиктором противоправного поведения.

Перечисленные особенности самооценки свидетельствуют о нарушении критичности в мотивационной сфере, сочетающемся со снижением способности соотносить свои цели со своими возможностями (неадекватность выбора слишком трудных или слишком легких целей, повышенная тревожность, неуверенность в своих силах, неадекватность оценки достигнутого, ошибочность прогноза). Нарушения самооценки и самосознания (тенденция к изоляции, сенситивность, отчужденность и повышенная рефлексия) входят в шизофренический симптомокомплекс, характерный для данных пациентов.

В результате исследования особенностей локуса контроля у данной выборки пациентов, который является показателем взаимосвязи между отношением человека к самому себе и к окружающему миру, были получены следующие данные. Проведенный анализ данных методики «УСК» показал, что высокий уровень общей интернальности характерен для 43 (69%) пациентов. Высокий уровень интернальности больных шизофренией связан с тем, что все свои проблемы и неудачи они принимают на свой счет, а наличие психопатологической симптоматики (бредового конструкта в симптоматике заболевания) обуславливает их склонность обвинять в происходящем окружающих людей. Экстернальный локус контроля отмечается у 19 (31%) пациентов. Пациенты с экстернальным локусом контроля не в состоянии принять проблемы и неудачи на свой счет, они обвиняют в них окружающих людей. Пациенты склонны трактовать события своей жизни как результат стечения случайных обстоятельств. Они относят собственные успехи к «везению», а неудачи – к неблагоприятным обстоятельствам. Такие пациенты зачастую перекладывают ответственность за совершение общественно опасного деяния и нарушение собственного здоровья на так называемые «внешние силы», чей-то злой умысел, что может быть обусловлено фабулой бреда (бред преследования, бред отношения) в контексте данного психического заболевания.

При исследовании особенностей совладающего поведения больных шизофренией в условиях принудительного лечения было выявлено, что основными копинг-стратегиями явились «конфронтация» – 45 (73%), «дистанцирование» – 40 (66%), «бегство-избегание» – 31 (50%). При выраженном предпочтении стратегии «конфронтация» у испытуемых наблюдаются импульсивность в поведении, враждебность, трудности планирования действий, прогнозирования их результата, неоправданное упорство, а также агрессивные действия. Копинг – действия при этом теряют свою целенаправленность и становятся преимущественно результатом разрядки эмоционального напряжения. Для пациентов характерно использование приемов

переключения внимания, отстранения, обесценивания, а также отвлечение от трудностей за счет субъективного снижения их значимости и степени эмоциональной вовлеченности в них, что объясняется эмоциональной обедненностью таких больных.

В силу расстройств мыслительной сферы больные шизофренией не способны осмыслить и адекватно оценить стрессовую ситуацию. Большинство пациентов (87%) характеризуются применением агрессивных действий при решении возникающих трудностей, стремлением отстраниться и отдалиться от проблемы, ограниченностью в контактах и нежеланием обращаться за помощью к окружающим. Это связано с нарушением коммуникативной сферы при шизофрении, неспособностью устанавливать контакт с окружающими, поддерживать с ними отношения, недостаточно понимая нюансов в межличностных отношениях, трудностями принятия однозначных решений в повседневной жизни из-за двойственности социальных оценок реальных ситуаций, что, в свою очередь, приводит к социальной изоляции и дезадаптации.

Для меньшего количества пациентов (13%) характерны умеренное применение агрессивных действий при разрешении трудностей, стремление проанализировать возникшую проблему, самостоятельно ее решить, отмечаются способность адекватно оценить ресурсы среды и получить социальную поддержку, склонность прилагать усилия по созданию положительного значения ситуации, что указывает на сохраненные стороны личностно-мотивационной сферы исследуемых пациентов.

В основе выявленных патопсихологических особенностей лежат резидуальные негативные шизофренические симптомы, дающие целостную картину так называемого «дефекта личности»: снижение активности, эмоциональная сглаженность, слабость инициативы, обедненность невербальной коммуникативности, социальная дезадаптированность, явно недостаточно критическая оценка своего заболевания и связанная с этим сложность целостного критического осмысления сути и последствий инкриминируемого деяния, в том числе неадекватность понимания роли и позиции своего «Я» в конкретной ситуации противоправного деяния.

На следующем этапе исследования был проведен кластерный анализ шкал каждой из психодиагностических методик, далее проверялись связи психодиагностических кластеров с кластерами по данным структурированной беседы для выявления отношения к болезни и к ООД. С этой целью был проведен кластерный анализ с использованием метода Уорда (Ward's method) и метрики Сити-Блок (City-block Manhattan). Группирующая кластеризация переменных позволила определить и содержательно наполнить типологию отношения к общественно опасному деянию больных шизофренией в условиях принудительного лечения с учетом отношения пациентов к болезни и их психологических характеристик.

В результате кластеризации данных было получено три кластера, объединивших типы отношения к общественно опасному деянию, к болезни и результаты по психодиагностическим кластерам (рис. 2).

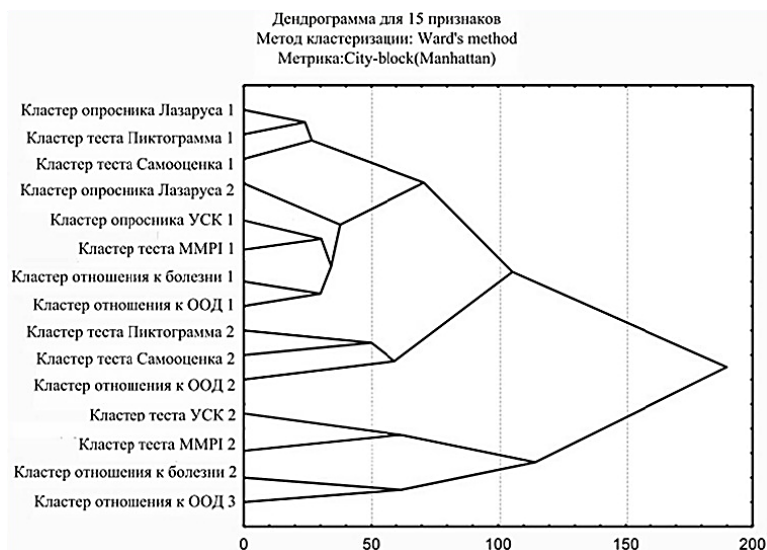

Рис. 2. Кластерный анализ результатов структурированной беседы (отношение к болезни и к ООД) и психодиагностики

Тип «Отрицание и болезни, и ООД» характеризуется неадекватным отношением к болезни, отрицанием каких-либо ее проявлений, отсутствием потребности в лечении, эмоциональных переживаний, связанных с наличием болезни, формальностью в согласии с мнением лечащего врача-психиатра по поводу лечения из страха негативных последствий, формально доброжелательными отношениями с медицинским персоналом отделения с целью скорейшей выписки. Для больных шизофренией характерна низкая способность распознавать психопатологическую симптоматику, что ведет к неспособности как прогнозировать, так и контролировать собственное состояние; непонимание причин ухудшения самочувствия и необходимости лечения приводит к самовольному прекращению приема лекарств. Отношение к своему противоправному поведению, т.е. к совершенному ООД, характеризуется отсутствием переживания чувств вины и сожаления за совершенное деяние, переживанием чувства обиды на других лиц, склонностью перекладывать ответственность за содеянное на других лиц, например родственников, соседей, полицию, что обусловлено экстернальным локусом контроля, т.е. склонностью полагать, что происходящие события являются результатом действия внешних сил – случая, других людей, а также приписывать ответственность за все события внешним факторам – другим людям, случаю, судьбе. Выраженное использование стратегии «конфронтация» указывает на недостаточность регуляции волевого компонента деятельности больных шизофренией, склонность к малопродуктивным формам реагирования с тенденцией к аффективным вспышкам, внешнеобвиняющим реакциям, трудностям адекватного восприятия социального контекста окружающего. Индивидуально-психологические осо-

бенности типа «Отрицание и болезни, и ООД» представлены психопатическими чертами возбудимого типа, ригидностью, нетерпеливостью, склонностью к риску, непосредственностью в проявлении чувств, трудностями в соблюдении норм поведения, риском проявления спонтанной активности, направленной на реализацию сиюминутных побуждений, что предопределяет риск социальной дезадаптации и повторных ООД больными шизофренией. Патохарактерологические особенности больных шизофренией, связанные с когнитивными и аффективными нарушениями, обуславливают снижение произвольной и осознанной саморегуляции, сужение поведенческого репертуара. Это сопряжено с ограниченной способностью к формированию правильных представлений о заболевании и совершенном ООД на эмоциональном, интеллектуальном и мотивационном уровнях.

Второй тип – «Отрицание болезни и частичное признание вины в ООД» – характеризуется неадекватной оценкой своего психического состояния, отрицанием проявлений психопатологической симптоматики. Отношение к своему противоправному поведению (отношение к совершенному ООД) выражается в отсутствии переживания чувств вины и обиды, склонности обвинять в совершении деяния алкоголь, наркотики. Для этого типа характерны негативное отношение к пребыванию в психиатрическом стационаре на принудительном лечении, отрицание необходимости назначенных мер медицинского характера, безразличие к своему будущему вследствие совершенного ООД. Для мышления характерны снижение уровня обобщения и относительная сохранность его эмоционального компонента, что отражается в незначительном использовании атрибутивных и метафорических образов, преобладании конкретных, индивидуально-значимых образов. Индивидуально-психологические особенности представлены склонностью к импульсивным поведенческим реакциям, низкой подчиняемостью и подчеркнутой независимостью. Неспособность больных шизофренией к формированию адекватных представлений о совершенном общественно опасном деянии на эмоциональном, интеллектуальном и мотивационном уровнях обусловлена аффективными, когнитивными нарушениями.

Третий тип – «Осознание и болезни, и ООД» – характеризуется критичностью к своему психическому состоянию, ориентацией в лечении на мнение лечащего врача-психиатра, тенденцией следовать указаниям врача, пониманием необходимости лечения в психиатрическом стационаре, переживанием чувства тревоги по поводу возникновения проявлений болезни, доброжелательными отношениями с медицинским персоналом отделения. Для этого типа характерен интернальный локус контроля, т.е. склонность интерпретировать значимые события как результат собственной деятельности, объясняя своим поведением, способностями, чертами личности. Индивидуально-психологические особенности данного типа представлены импульсивностью, раздражительностью, злопамятностью, своеобразием установок и суждений, чувствительностью к любым элементам межличностного взаимодействия, подозрительностью, склонностью воспринимать внешнюю среду как враждебную с готовностью к асоциальным поступкам

и нарушению норм, установленных в социуме. Для этого типа характерно критичное отношение к своему противоправному поведению (совершению общественно опасного деяния), которое обусловлено переживанием чувств вины и сожаления за совершенное деяние, переживанием чувства обиды на себя за содеянное, склонностью считать справедливым назначенное принудительное лечение в психиатрическом стационаре и видеть его положительное влияние на будущее. Адекватное отношение к болезни и ООД указывает на относительную сохранность мотивационно-личностной и эмоциональной сферы пациентов, сохранность критических, прогностических способностей. Наличие чувств вины и сожаления о содеянном ООД свидетельствует о том, что поведение пациентов опосредовано процессами самосознания – негативная самооценка в виде чувства вины приводит к угрызениям совести, что может служить тормозящим механизмом повторных ООД.

Выделенная в данном исследовании типология указывает на необходимость дифференцированной направленности психологического сопровождения больных шизофренией на принудительном лечении с целью формирования адекватного отношения к своему психическому заболеванию и к совершенному противоправному деянию.

Заключение

Данные, полученные в ходе проведенного исследования, способствуют пониманию и осмыслению целостного восприятия имеющегося психического заболевания больными шизофренией и их отношения к совершенному общественно опасному деянию во взаимосвязи с их психологическими характеристиками.

Анализ типов отношения к болезни и общественно опасному деянию, их взаимосвязь с психологическими характеристиками свидетельствуют о том, что сочетание таких характеристик, как неадекватная самооценка, экстернальный локус контроля, отсутствие чувства вины в связи с совершенным деянием, отрицание психического расстройства как отсутствие осознания болезни, негативное отношение к принудительному лечению, обуславливает отсутствие терапевтического альянса и приверженности лечению, что является фактором риска дальнейшей криминализации больных шизофренией и может явиться предиктором повторных общественно опасных деяний.

Сочетание таких характеристик, как интернальный локус контроля, черты импульсивности, склонность к осознанию и переживанию чувств вины и сожаления за совершенное ООД, переживание чувства обиды на себя за содеянное, адекватное отношение к своему психическому состоянию, положительное отношение к принудительному лечению, способствует благоприятному прогнозу в лечении и получению положительных результатов при осуществлении психологического сопровождения.

Выявленная типология позволяет определить специфику психологического сопровождения больных шизофренией на принудительном лечении.

Наибольшее внимание в аспекте психологического сопровождения и профилактики общественно опасного поведения уделяется отношению пациентов к заболеванию и совершенному общественно опасному деянию, а также их индивидуально-психологическим особенностям.

Проведенное нами специальное исследование целостного отношения к своему психическому состоянию, к совершенному общественно опасному деянию больных шизофренией с криминальным анамнезом, их психологических характеристик – преморбидных личностных особенностей, совладающего поведения, самооценки, уровня субъективного контроля и степени их сохранности и измененности в соответствии с конкретной психопатологической структурой – показывает, что осуществление психологического сопровождения, направленного на восстановление критики как способности пациента адекватно реагировать на болезнь, осознавать значимость совершенного противоправного деяния и факта пребывания на принудительном лечении, а также способности прогнозирования последующих социальных событий невозможно без учета этих особенностей.

В целях успешной реабилитации пациентов в рамках психологического сопровождения психокоррекционное воздействие направлено на когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферу, в первую очередь на повышение мотивации к лечению, выработку адекватного отношения к болезни, совершенному ООД, на смягчение дезадаптивных и криминогенных поведенческих стереотипов, изменение психологических характеристик, которые выступают внутренними детерминантами противоправного поведения. К этим психологическим характеристикам относятся отношения, личностные принципы и нормы, индивидуально-психологические особенности, а также такие интегративные психические образования, как самооценка и уровень субъективного контроля. Существенным фактором успешной реабилитации является достижение комплайенса как способности следования пациентом предписанному ему режиму лечения, приему назначенных лекарств и проведению реабилитационных мероприятий.

Литература

1. Яхимович Л.А., Макушкина О.А. Клинические аспекты общественной опасности больных шизофренией // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2018. № 2 (99). С. 70–76. DOI: 10.26617/1810-3111-2018-2(99)-70-76.
2. Котов В.П., Мальцева М.М. и др. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре : руководство для врачей. М. : ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2010. 345 с.
3. Котов В.П., Мальцева М.М. Некоторые статистические показатели деятельности по профилактике опасных действий // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22, № 3. С. 11–14.
4. Макушкина О.А., Котов В.П., Мальцева М.М. и др. Система профилактики общественной опасности психически больных в России в 2006–2013 гг. (динамика показателей и анализ эффективности) : аналит. обзор. М. : ФМИПН им. В.П. Сербского, 2015. 192 с.

5. Булыгина В.Г. Психосоциальная реабилитация во время принудительного лечения в психиатрическом стационаре // Российский психиатрический журнал. 2006. № 2. С. 12–17.
6. Казаковцев Б.А., Букреев Н.В., Булыгина В.Г., Малкин Д.А. Проблемы профилактики повторных общественно опасных действий психически больных // Судебная психиатрия: профилактика противоправного поведения лиц с психическими расстройствами / под ред. В.В. Вандыша. М. : ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2011. Вып. 8. С. 100–109.
7. Булыгина В.Г., Березкин А.С., Козлов Т.Н., Макурина А.П. Психологические и клинико-социальные характеристики пациентов, реализующих различные виды агрессии в стационаре (гендерный аспект) // Психология и право. 2015. Т. 5, № 3. С. 37–50. DOI: 10.17759/psylaw.2015050304.
8. Юрьева Л.Н. Реабилитация больных шизофренией, совершивших общественно-опасные деяния. Киев : Укр. НИИ социал. и судеб. Психиатрии ; Днепропетровск : Днепропетр. гос. мед. акад., 1996. 146 с.
9. Мамайчук И.И. Методологические и методические проблемы судебно-психологической экспертизы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 12. 2011. Вып. 3. С. 196–206.
10. Спасенников Б.А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 8–11.
11. Kopelowicz A., Liberman R.P. Integrating Treatment with Rehabilitation for Persons With Major Mental Illnesses // Psychiatric Services. 2003. Vol. 54. P. 1491–1498. DOI: 10.1176/appi.ps.54.11.1491.
12. Monahan J. An Actuarial Model of Violence Risk Assessment for Persons with Mental Disorders // Psychiatric Services. 2005. Vol. 56. P. 810–815. DOI: 10.1176/appi.ps.56.7.810.
13. Nedopil N. Prognosen in der forensischen Psychiatrie – ein Handbuch for die Praxis // Lengerich : Pabst Science Publisher, 2005.
14. Foussias G. Prediction of longitudinal functional outcomes in schizophrenia: the impact of baseline motivational deficits // Schizophrenia. Research. 2011. Vol. 132 (1). P. 24–27. DOI: 10.1016/j.schres.2011.06.026.
15. Feeney A. Dangerous severe personality disorder // Advances in Psychiatric Treatment. 2003. Vol. 9. P. 349–358. DOI: 10.1192/apt.9.5.349.
16. Livesley W.J. The relevance of an integrated approach to the treatment of personality disordered offenders // Psychology, Crime and Law. 2007. Vol. 13 (1). P. 27–46. DOI: 10.1080/10683160600869734.
17. Maden T. Dangerous and severe personality disorder: Clinical and legal implications // Psychiatry. 2005. Vol. 4 (3). P. 23–25. DOI: 10.1383/psyt.4.3.23.62445.
18. Ntounas P., Katsouli A., Efstathiou V., Pappas D., Chatzimanolis P., Touloumis C., Pappageorgiou C., Douzenis A. Comparative study of aggression – Dangerousness on patients with paranoid schizophrenia: Focus on demographic data, PANSS, drug use and aggressiveness // International Journal of Law and Psychiatry. 2018. Vol. 60, Sep.-Oct. P. 1–11. DOI: 10.1016/j.ijlp.2018.06.001.
19. Пенявская А.В., Мещерякова Э.И. Отношение больных шизофренией к совершенному общественно опасному деянию в условиях принудительного лечения // Психология и психотехника. 2019. № 1. С. 108–118. DOI: 10.7256/2454-0722.2019.1.28805.
20. Пенявская А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Субъективное отношение к болезни больных шизофренией, находящихся на принудительном лечении // Психолог. 2019. № 1. С. 38–48. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.1.28748.

Поступила в редакцию 07.01.2020 г.; принята 07.09.2020 г.

Пенявская Анастасия Владимировна – клинический психолог Томской клинической психиатрической больницы; соискатель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: A.Penyavskaya@gmail.com

Мещерякова Эмма Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: mei22@mail.ru

Стоянова Ирина Яковлевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник отделения аффективных состояний Научно-исследовательского института психического здоровья ТНИМЦ; профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: ithka1948@mail.ru

For citation: Penyavskaya, A.V., Meshcheriakova, E.I., Stoyanova, I.Y. Typology of Relationship to Diseases and Socially Dangerous Activities of Patients with Schizophrenia in Relation to Psychological Characteristics. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 111–129. doi: 10.17223/17267080/77/6. In Russian. English Summary

Typology of Relationship to Diseases and Socially Dangerous Activities of Patients with Schizophrenia in Relation to Psychological Characteristics

A.V. Penyavskaya^{a, b}, E.I. Meshcheriakova^a, I.Y. Stoyanova^{a, c}

^a Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

^b Tomsk clinical psychiatric hospital, 4, Aleutskaya Str., Tomsk, 634014, Russian Federation

^c Mental Health Research Institute of Tomsk NRMС, 4, Aleutskaya Str., Tomsk, 634014, Russian Federation

Abstract

The article presents an analytical justification for the relevance of studying the phenomenon of attitude to mental illness and committed socially dangerous acts (SDA) of patients with schizophrenia who are undergoing compulsory treatment in a psychiatric hospital. There is a noticeable lack of a qualitative psychological description of the holistic attitude to oneself phenomenon, to SDA and to the world around patients with schizophrenia with criminal history, as well as its role in the implementation of psychological support. The tasks of a specific empirical study aimed at studying the characteristics of attitude to the disease, socially dangerous acts, and psychological characteristics of schizophrenic patients who have committed SDA are presented.

The following methods are used in the study: the author's version of a structured interview to determine the characteristics of the attitude to the disease and to the SDA; diagnostic battery for identifying the psychological characteristics of patients with schizophrenia. Processing the results of psychodiagnostic techniques and structured interviews was carried out using the method of frequency analysis, analysis of contingency tables, cluster analysis. The research sample consisted of 62 patients with schizophrenia who are in inpatient compulsory treatment in a specialized type of psychiatric hospital in Tomsk. The average age of the subjects was 24.3 ± 3.3 years old.

As a result of the study, features of the attitude to the existing disease and to the perfect offense of schizophrenia patients were revealed, the relationship between the types of attitude to the disease and SDA with psychological characteristics of the studied patients were determined. The types of attitude towards the disease and SDA are defined: the first type is “Denial of both disease and SDA”, the second type is “Denial of disease and partial guilty plea in

SDA”, the third type is “Awareness and illness, and SDA”, which characterize the holistic attitude of patients with schizophrenia with criminal history to the existing situation of the disease and to stay on compulsory treatment due to the commission of a socially dangerous act.

The typology revealed in this study makes it possible to differentially approach the determination of the structure and targets of psychological correction effects during psychological support of compulsory treatment of patients with schizophrenia with criminal history.

Keywords: patients with schizophrenia; socially dangerous acts (SDA); attitude to disease; attitude to SDA; typology of attitude to disease and SDA; psychological characteristics; compulsory treatment; psychological support; rehabilitation.

References

1. Yakhimovich, L.A. & Makushkina, O.A. (2018) Clinical aspects of social danger of schizophrenia patients. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2(99). pp. 70–76. (In Russian). DOI: 10.26617/1810-3111-2018-2(99)-70-76
2. Kotov, V.P., Maltseva, M.M. et al. (2010) *Prinuditel'noe lechenie v psikiatricheskom statsionare* [Compulsory treatment in a psychiatric hospital]. Moscow: GNTSSP im. V.P. Serbskogo.
3. Kotov, V.P. & Maltseva, M.M. (2012) Reviewing the statistics on prevention of offences among mental patients. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya*. 22(3). pp. 11–14. (In Russian).
4. Makushkina, O.A., Kotov, V.P., Maltseva, M.M. et al. (2015) *Sistema profilaktiki obshchestvennoy opasnosti psikhicheski bol'nykh v Rossii v 2006–2013 gg. (dinamika pokazateley i analiz effektivnosti)* [The system of prevention of public danger of the mentally ill in Russia in 2006–2013 (dynamics of indicators and analysis of efficiency)]. Moscow: FMIPN im. V.P. Serbskogo.
5. Bulygina, V.G. (2006) *Psikhosotsial'naya reabilitatsiya vo vremya prinuditel'nogo lecheniya v psikiatricheskom statsionare* [Psychosocial rehabilitation during compulsory treatment in a psychiatric hospital]. *Rossiyskiy psikiatricheskii zhurnal – Russian Journal of Psychiatry*. 2. pp. 12–17.
6. Kazakovtsev, B.A., Bukreev, N.V., Bulygina, V.G. & Malkin, D.A. (2011) Problemy profilaktiki povtornykh obshchestvenno opasnykh deystviy psikhicheski bol'nykh [Problems of the prevention of repeated socially dangerous actions of mentally ill patients]. In: Vandysh, V.V. (ed.) *Sudebnaya psikhi-atriya: profilaktika protivopravnogo povedeniya lits s psikhicheskimi rassstroystvami* [Forensic psychiatry: prevention of illegal behavior of persons with mental disorders]. Vol. 8. Moscow: GNTSSP im. V.P. Serbskogo. pp. 100–109.
7. Bulygina, V.G., Berezkin, A.S., Kozlov, T.N. & Makurina, A.P. (2015) Psychological, clinical and social characteristics of patients implementing different types of aggression in the hospital (gender aspect). *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 5(3). pp. 37–50. (In Russian). DOI: 10.17759/psylaw.2015050304
8. Yurieva, L.N. (1996) *Reabilitatsiya bol'nykh shizofreniy, sovershivshikh obshchestvenno-opasnye deyaniya* [Rehabilitation of schizophrenic patients who have committed socially dangerous acts]. Kyiv: Ukrainian Research Institute of Social and Legal Psychiatry; Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State Medical Academy.
9. Mamaychuk, I.I. (2011) Metodologicheskie i metodicheskie problemy sudebno-psikhologicheskoy ekspertizy [Methodological problems of forensic psychological examination]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 12 – Vestnik of St. Petersburg State University*. 3. pp. 196–206.

10. Spasennikov, B.A. (2012) Socially dangerous acts committed by people with mental disorders. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 4(20). pp. 8–11. (In Russian).
11. Kopelowicz, A. & Liberman, R.P. (2003) Integrating Treatment with Rehabilitation for Persons With Major Mental Illnesses. *Psychiatric Services*. 54. pp. 1491–1498. DOI: 10.1176/appi.ps.54.11.1491
12. Monahan, J. (2005) An Actuarial Model of Violence Risk Assessment for Persons with Mental Disorders. *Psychiatric Services*. 56. pp. 810–815. DOI: 10.1176/appi.ps.56.7.810
13. Nedopil, N. (2005) *Prognosen in der forensischen Psychiatrie – ein Handbuch für die Praxis*. Lengerich: Pabst Science Publisher.
14. Foussias, G. (2011) Prediction of longitudinal functional outcomes in schizophrenia: the impact of baseline motivational deficits. *Schizophrenia. Research*. 132(1). pp. 24–27. DOI: 10.1016/j.schres.2011.06.026
15. Feeney, A. (2003) Dangerous severe personality disorder. *Advances in Psychiatric Treatment*. 9. pp. 349–358. DOI: 10.1192/apt.9.5.349
16. Livesley, W.J. (2007) The relevance of an integrated approach to the treatment of personality disordered offenders. *Psychology, Crime and Law*. 13(1). pp. 27–46. DOI: 10.1080/10683160600869734
17. Maden, T. (2005) Dangerous and severe personality disorder: Clinical and legal implications. *Psychiatry*. 4(3). pp. 23–25. DOI: 10.1383/psyt.4.3.23.62445
18. Ntounas, P., Katsouli, A., Efstathiou, V., Pappas, D., Chatzimanolis, P., Touloumis, C., Papageorgiou, C. & Douzenis, A. (2018) Comparative study of aggression – Dangerousness on patients with paranoid schizophrenia: Focus on demographic data, PANSS, drug use and aggressiveness. *International Journal of Law and Psychiatry*. 60. pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.ijlp.2018.06.001
19. Pen'yavskaya, A.V. & Meshcheryakova, E.I. (2019) Attitude to the Socially Dangerous Act Demonstrated by Schizophrenic Patients Held in Compulsory Treatment. *Psikhologiya i psikhotekhnika – Psychology and Psychotechnics*. 1. pp. 108–118. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0722.2019.1.28805
20. Pen'yavskaya, A.V., Meshcheryakova, E.I. & Larionova, A.V. (2019) Sub'ektivnoe otnoshenie k bolezni bol'nykh shizofreniey, nakhodyashchikhsya na prinuditel'nom lechenii [Subjective attitude to the schizophrenic patients undergoing compulsory treatment]. *Psikholog*. 1. pp. 38–48. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.1.28748

Received 07.01.2020; Accepted 07.09.2020

Anastasia V. Pen'yavskaya – Clinical Psychologist of Tomsk Clinical Psychiatric Hospital. Post-graduate student, Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University. E-mail: A.Penyavskaya@gmail.com

Emma I. Meshcheryakova – Professor, Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University. Professor, D. Sc. (Psychol.). E-mail: mei22@mail.ru

Irina Y. Stoyanova – Lead Researcher, Mental Health Research Institute of Tomsk NRMС. Professor, Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. Professor, D. Sc. (Psychol.). E-mail: ithka1948@mail.ru

УДК 159.942.2:616.891-055.2-055.52-053.2:616.831-009.11

ОСОБЕННОСТИ НЕВРОТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МАТЕРИ РЕБЕНКА С ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

А.Н. Певнева^а

^аГродненский государственный университет им. Янки Купалы, 230023, Республика Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22

Представлен сравнительный анализ результатов двух лонгитюдных исследований невротического состояния матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом (ОГ₆₆; ОГ₄₈), и матерей нормативно развивающихся детей (КГ₆₆; КГ₄₈), на основе которых выявлены особенности невротического состояния матери ребенка с церебральным параличом, проявляющиеся в низком уровне выраженности показателей всех структурных компонентов, их положительной динамике во временной перспективе, смене доминирующей позиции невротической депрессии на тревогу и истерический тип реагирования, отсутствии ведущего элемента в интеркорреляционных структурах состояний, а также переходе от интеграции к большей дифференциации, снижении средних коэффициентов корреляции, их максимальных и минимальных показателей.

Ключевые слова: особенности; невротические состояния; астенция; тревога; невротическая депрессия; обсессивно-фобические нарушения; вегетативные нарушения; истерический тип реагирования; церебральный паралич.

Введение

Актуальность исследования особенностей невротического состояния матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, вызвана активным интересом специалистов различных областей психологической науки к проблемам человека, что приводит к необходимости ее изучения, разработке профилактических мероприятий, направленных на снижение уровня смертности, популяризацию ответственного и безопасного поведения, формирование культуры здорового образа жизни, охрану здоровья матери и ребенка, развитие системы поддержки семей с детьми с особенностями психофизического развития (ОПФР) и улучшение условий их жизнедеятельности, а также укрепление института семьи.

Следует отметить развитие конкретных направлений, которые затрагивают психологические аспекты семьи ребенка с ОПФР (Е.В. Бурмистрова) и умственно отсталого (Р.Ф. Майромьян), родительства в семьях с детьми с ограниченными возможностями (О.Б. Зерницкий) и родителей детей с синдромом Ушера (И.В. Соломатина), отношения родителей к болезни ребенка (Д.Н. Исаев) и реагирования на присутствие в семье ребенка-инвалида (М.С. Карданова, И.В. Рыженко), а также изучение личностных особенно-

стей матерей, воспитывающих детей с ОПФР: воздействие материнской депривации матери и неврологических заболеваний на речевое развитие детей первых трех лет жизни (Е.Е. Ляксо и др.); отношение матери к ребенку с нарушением интеллекта, со сниженным слухом (Е.А. Савина, О.Б. Чарова); эмоционально-оценочное отношение матери к подростку с церебральным параличом (Л.М. Колпакова, Н.А. Шаронова); материнская позиция к детям с церебральным параличом (О.Л. Романова); самопринятие матери ребенка с церебральным параличом (Н.Е. Карпова, Т.А. Стрекалова); матери детей с отклонениями в развитии и их влияния на детско-родительские отношения (Т.Г. Горячева, И.А. Солнцева); матери детей-инвалидов (М.Н. Гуслова, Т.К. Стуре); родители, воспитывающие детей с церебральным параличом (В.В. Ткачева). Однако исследование невротического состояния матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, носит ограниченный характер и имеет иные акценты, определенные потребностью практики оказания психологической помощи.

Невротические состояния возникают в результате длительного воздействия на личность стрессогенных факторов, являясь реакцией на трудные жизненные ситуации, и определяются изменениями в соматической, психической сферах. Начальным выражением невротических расстройств, как отмечает А.Г. Маклаков [1. С. 453–454], являются пограничные состояния, которые не выходят за пределы общепринятой нормы и не относятся к патологии. К пограничным психическим расстройствам В.Д. Менделевич относит патологические психические состояния и процессы, отклонения в поведении, привычках, которые по своим характеристикам не могут быть признаны «нормативными», адекватными ситуации, вследствие чего они располагаются на границе психологических переживаний и психопатологических нарушений. Под невротическим расстройством ученый понимает изменение психики, «проявляющееся непсихотическими психическими и соматовегетативными нарушениями» [2. С. 307], которое обусловлено внутриличностным конфликтом, вызванным действием на личность психических травм, включая психологическую компенсацию. Характерными особенностями невротического состояния являются занимаемое положение между здоровьем и болезнью, связь с психическим и психологическим здоровьем, а также процессом адаптации личности к ситуации. Нетрудно заметить, что понятие «невротическое состояние» употребляется вместе с понятием «ситуация».

Понятие ситуации Е.Ю. Коржова рассматривает в качестве фрагмента среды, как совокупность внешних объективных обстоятельств жизнедеятельности, оказывающих стимулирующее, обуславливающее и корректирующее воздействие на личность. Внешняя сторона ситуации жизнедеятельности представлена множественностью межличностных отношений, в которые вступает человек. Процесс жизнедеятельности исследователем представлен «в виде цепочки взаимодействий человека с жизненными ситуациями» [3. С. 32–35]. Примечательно, что в процессе взаимодействия изменяется как человек, так и ситуация жизнедеятельности, взаимно воз-

действуя друг на друга [3. С. 60]. Наряду с этим необходимо подчеркнуть значимость ситуации в поддержании психического и психологического здоровья, обеспечении целостности психической жизнедеятельности личности и адекватности поведения.

Ситуация рождения, воспитания и лечения детей, независимо от характера заболевания, тяжело переживается матерями и является источником, как отмечает В.В. Ткачева, обуславливающим появление истерики, чувства одиночества, состояние «потерянности и ощущение “конца” жизни» [4. С. 54–55]. Напряжение матери вызвано нарушением упорядоченности жизни и деятельности, решением проблем лечения и реабилитации ребенка с церебральным параличом, что, в свою очередь, требует повышенной целенаправленной активности, принятия решений. Особенности заболевания ребенка, включая двигательные, психические, речевые, сенсорные, эмоционально-личностные расстройства, его поведение, зачастую являются источником материнского раздражения, разочарования и негодования (Е.А. Винникова, М.Н. Гуслова, Д.Н. Исаев, Р.Ф. Майромян, Е.А. Савина, Т.К. Стуре, В.В. Ткачева, О.Б. Чарова). Состояния повышенной утомляемости, апатии, раздражительности, эмоциональной напряженности первоначально носят периодический характер, но со временем появляются чаще, а время, в течение которого они доминируют, постепенно увеличивается. Исследователь Е.А. Винникова отмечает депрессивную симптоматику, развивающуюся у матерей, воспитывающих детей с церебральным параличом, невротические расстройства у матерей аутичных детей, у матерей умственно отсталых детей – аффективные расстройства [5], что указывает на их дезадаптацию к ситуации.

Дезадаптацию Ю.А. Александровский относит к пограничным состояниям, которые объединяют группу расстройств, характеризуемых преобладанием проявлений невротического уровня нарушения психической деятельности. Исследователь подчеркивает, что «адаптированная психическая деятельность» является психологическим фактором, который обеспечивает личности состояние психического здоровья [6. С. 13–40]. Адаптация, по мнению Ж. Пиаже, «обеспечивает равновесие между воздействием организма на среду и обратным воздействием среды» [7. С. 66], как свойство организма субъекта, является приспособлением к меняющимся условиям существования в окружающей среде, и напротив, приспособлением внешней среды к возможностям и потребностям. Действие человека на окружающие объекты ученый называет ассимиляцией, а действие среды на него – аккомодацией. В целом под адаптацией понимается единство процессов аккомодации и ассимиляции. Адаптация характеризуется процессом «взаимодействия личности и среды», об этом в своей работе пишет белорусский психолог Т.В. Казак, отмечая, что итогом уравнивания человека со средой при «благоприятном течении» является состояние адаптированности личности [8. С. 12]. Ученый акцентирует внимание на непосредственной связи понятия «адаптация» с психологической трактовкой ситуации.

О дезадаптации матери к ситуации, связанной с рождением, воспитанием, лечением и обучением ребенка с церебральным параличом (с другими вариантами дизонтогенеза), свидетельствуют состояние депрессии, внутриличностные конфликты, невротические и психопатические реакции, соматические жалобы [9]. В результате отмечаются искажение установок и отношения к ребенку со стороны матери, постоянное раздражение на ситуацию, игнорирование реабилитационных мероприятий, гиперопека больного, социальная депривация, ограничение социальных контактов (И.Л. Белопольская, Е.В. Бурмистрова, М.Н. Гуслова, Р.Ф. Майромян, И.В. Рыженко, М.М. Семаго, И.В. Соломатина, В.В. Ткачева, О.Б. Чарова). О трудностях в адаптации пишет Р.Ф. Майромян [10], отмечая, что многим матерям необходимы годы, чтобы адаптироваться к ситуации воспитания и лечения ребенка с особенностями развития.

Уход за ребенком с церебральным параличом является для матери стрессовым [11]. Она подвержена изменениям как в личностной, так и в эмоциональной сфере, что в целом определяет качество ее жизни [10, 12–14]. По мнению К. Ones и соавт., мать, являясь законным опекуном ребенка с церебральным параличом, сталкивается не только с преодолением трудностей и осложнений, возникающих при его лечении, но и с собственно психологическими проблемами, такими как депрессия и беспокойство [15].

Целью настоящего исследования является выявление особенностей невротического состояния матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, и матерей нормативно развивающихся детей. Основой исследования особенностей невротического состояния матерей в ситуации, связанной с воспитанием детей с церебральным параличом, и матерей нормативно развивающихся детей послужил принцип системности – неразрывной связи психических явлений и различных обстоятельств жизнедеятельности, а также принцип единства «внешнего» и «внутреннего». При объяснении психических явлений личность выступает как целостная система внутренних условий, существенно опосредствующих все внешние причины. Психические явления (в том числе невротические состояния) включены во всеобщую взаимосвязь процессов материального мира, а условия их функционирования и развития рассматриваются в качестве систем «в том множестве внешних и внутренних отношений» [16. С. 67], в которых они существуют как целостная система. Принципы системного подхода дополняются положением А.О. Прохорова о значимости для личности отраженных психикой условий, обстоятельств ситуации, которые приобретают для нее определенный смысл, а результатом отражения «значимости ситуации и ее личностного смысла» выступает состояние [17. С. 39]. Ситуация жизнедеятельности, по мнению исследователя, изменяет психическое состояние, которое является результатом отражения существующей в настоящий момент обстановки. В нашем исследовании мы исходим из того, что психическое состояние является сложной системой, которая выполняет функции регуляции, адаптации, интеграции, развития и включает физиологический, поведенческий, психологический уровни, являясь результатом отражения ситуации [18, 19].

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось в государственном учреждении образования «Гомельский областной центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации» и учреждениях дошкольного образования № 49, № 152 г. Гомеля. На исследовательских базах с целью формирования групп респондентов осуществлялся анализ психолого-педагогической документации. При выборе респондентов учитывались возраст, образование, состав семьи, количество детей и годы рождения, состояние здоровья ребенка, семейное, материальное положение и условия проживания семьи.

В исследовании приняли участие $N = 132$ респондента: 66 матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, и 66 матерей нормативно развивающихся детей. В первом измерении (с 2006 по 2009 г.) основную группу составили 66 матерей (ОГ₆₆) в возрасте $27,85 \pm 2,23$ года, воспитывающих детей с церебральным параличом ($5,77 \pm 1,65$ года): 37 мальчиков, 29 девочек. Диагноз ребенка основан на заключении детского врача-психиатра, предоставляемого на психолого-медико-педагогическую комиссию лиц с ОПФР в ГОЦКРОиР. Для сравнительного анализа полученных результатов невротического состояния в исследование была включена контрольная группа (КГ₆₆) – 66 матерей ($28,52 \pm 3,46$ года) нормативно развивающихся детей, из которых 36 мальчиков, 30 девочек ($5 \pm 1,65$ года). Все дети посещали государственные учреждения образования «Ясли-сад № 49» и «Ясли-сад № 152» г. Гомеля.

В повторном измерении (с 2015 по 2017 год), которое проводилось с учетом изменения социальной ситуации развития ребенка и социального положения семей, приняли участие $N = 96$ респондентов, из них: 48 (ОГ₄₈) матерей ($34,47 \pm 3,32$ года), воспитывающих ребенка с церебральным параличом: 27 мальчиков, 21 девочка ($11,68 \pm 1,83$ года), и 48 (КГ₄₈) матерей ($35,43 \pm 2,84$ года) нормативно развивающихся детей ($12,58 \pm 1,42$ года). Перед заполнением опросников и тестовых заданий респондентам предлагалось записать информацию о возрасте, образовании, составе семьи, количестве детей, с указанием имени и года рождения ребенка, семейном, материальном положении и условиях проживания семьи.

Для реализации цели исследования использовался «Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний» К.К. Яхина и Д.М. Менделевича [20]. Полученные результаты обрабатывались с помощью описательной статистики, метода значимости различий (t -критерий Стьюдента). Анализ связей проводился посредством метода линейной корреляции Пирсона, который представлен в пакете программ Statistica 6.0.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе первого измерения невротического состояния матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, были получены средние значения (показатель больше 1,28 указывает на уровень здоровья, меньше 1,28 –

болезненный характер выявляемых состояний) по всем шкалам опросника и произведена их оценка наряду с разбросом данных (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения невротических состояний респондентов ОГ₆₆

Переменные	m	Разброс		d
		min	max	
Тревога	-4,15	-6,57	-1,73	4,18
Невротическая депрессия	-7,62	-12,00	-3,24	8,76
Астения	-4,09	-7,87	-0,31	7,56
Истерический тип реагирования	-6,61	-10,72	-2,50	8,22
Обсессивно-фобические нарушения	-3,95	-7,03	-0,87	6,16
Вегетативные нарушения	-6,08	-12,50	-0,34	12,16

По результатам проведенного исследования самый высокий разброс данных выявлен по шкале «Вегетативные нарушения» ($d = 12,16$), самый низкий – по шкале «Тревога» ($d = 4,18$), при этом в среднем показатель по данной шкале у респондентов ОГ₆₆ составил $(-4,15 \pm 2,42)$. Состояние тревоги и беспокойства матери за себя, ребенка, родных и близких людей обусловлено воспитанием ребенка с церебральным параличом и необходимостью постоянного лечения и связано с ожиданием неудач, неблагоприятного развития событий. В состоянии тревоги, подавленности таким матерям с трудом удается заниматься повседневными делами, так как они охвачены ожиданием неприятного события (реального или мнимого).

В зависимости от выраженности проявления вегетативных нарушений $(-6,08 \pm 6,42)$ у матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, характеризуется головными болями, головокружением, нарушением сна, различными вегетососудистыми дисфункциями и сопровождается повышенной раздражительностью, постоянным внутренним беспокойством. Полученные данные дополняют результаты исследований Д.Н. Исаева, который отмечает у матерей умственно отсталых детей «преобладание аффективных расстройств» [21. С. 375]. Исследователь подчеркивает, что динамика психогенного заболевания характеризуется сменой острой психопатологии затяжных невротических реакций формированием патологического развития, так как большинство матерей зачастую не способны осознать глубинные переживания, лежащие в основе их душевного дискомфорта, депрессивного состояния, чувства безнадежности, беспомощности, вины, фрустрации, тревоги, астении и апатии. Изменения эмоционально-личностной сферы матери включают пониженный фон настроения, беспокойство, раздражительность, переключение ее внимания на больного ребенка.

Показатель невротической депрессии $(-7,62 \pm 4,38)$ у респондентов ОГ₆₆, соответствующий высокому уровню выраженности, отражает проявление медлительности, вялости, безразличия, состояние одиночества, подавленности, угнетенности, что является результатом постоянной зависимости матери от потребностей ребенка с церебральным параличом, отсутствия

положительных изменений в его развитии. Со временем у матери ребенка с церебральным параличом появляются состояние статичности, боязнь общества, замкнутость, а окружающий мир делится на две части, одну из которых представляет мать и ребенок, другую – окружающие люди. У матери возникает уверенность в непонимании окружающими ее проблем. Полученные данные дополняют результаты исследования Е.А. Савиной, О.Б. Чаровой, которые свидетельствуют о негативном восприятии своей настоящей жизни 72% матерей детей с интеллектуальным недоразвитием, что является признаком состояния хронической депрессии [22. С. 38].

Состояние астении ($-4,09 \pm 3,78$), по самооценке матерей, воспитывающих детей с церебральным параличом, представлено повышенной утомляемостью и усталостью, раздражительностью и вспыльчивостью, быстрой сменой настроения. Исследователь В.В. Ткачева при изучении психологических особенностей родителей, имеющих детей с церебральным параличом, пишет о том, что «матери больных детей часто жалуются на общую усталость, отсутствие сил, а также отмечают состояние общей депрессии и тоски» [4. С. 55]. Снижение нервно-психической работоспособности матери ребенка с церебральным параличом зачастую связано с психологическим напряжением, вызванным психотравмирующей ситуацией.

В отличие от астении, истерический тип реагирования ($-6,61 \pm 4,11$) представлен более выраженно на уровне средних значений шкальных оценок. У респондентов ОГ₆₆ истерический тип реагирования проявляется в виде преувеличения эмоциональных реакций, в частности обидчивости и ранимости при взаимоотношениях с родными и близкими людьми, и является одним из способов привлечения внимания окружающих к себе, своей проблеме. Способами привлечения внимания окружающих, по мнению В.В. Ткачевой, являются проявление агрессии на близких людей, нетерпеливость, нетерпимость и лабильность настроения. Исследователь подчеркивает, что для импульсивно-инертного типа родителей характерны гнев и раздражение, склонность к участию в ссорах и скандалах, противопоставление себя социальной среде (специалистам, педагогам, администрации, родственникам, не принявшим их ребенка), и отмечает отсутствие контроля за импульсивностью собственных поступков [Там же. С. 58]. Данная форма поведения, возможно, объясняется чувством вины матери, которая видит причину болезни ребенка в себе, старается держать под контролем даже то, что контролировать невозможно. Переживание матери усложняет напряженную ситуацию. Исследователи М.Н. Гуслова, Д.Н. Исаев, Е.А. Савина, О.Б. Чарова отмечают наличие депрессии, чувства вины, горя, страдания у матерей, воспитывающих детей с особенностями развития.

Обсессивно-фобические нарушения ($-3,95 \pm 3,08$) в контексте использованного опросника представлены навязчивыми воспоминаниями, мыслями, действиями, сомнениями в правильности поступков и принятии решений. Мать ребенка с церебральным параличом испытывает страх возникновения новых и возвращения старых проблем, а также страх неудач-

ного лечения ребенка, за его жизнь и дальнейшую судьбу при принятии какого-либо решения, она боится что-либо сделать, опасаясь неприятных последствий. Исследователи М.Н. Гуслова, Т.К. Стуре в статье «Психологическое изучение матерей, воспитывающих детей-инвалидов», приводят пример, характеризующий состояние матери, где она отмечает: «Я нахожусь в состоянии какого-то страха и агрессивной реакции по отношению к Кристине... Я себя чувствую крайне неуверенно и всегда сомневаюсь в правильности своих поступков...» [23. С. 31]. Многие страхи респондентов ОГ₆₆ обусловлены тревогой о будущем времени. Яркий пример тому мы находим в исследовании О.Б. Чаровой, которая приходит к выводу, что подавляющему большинству матерей, воспитывающих детей с психофизическими нарушениями, «...о будущем думать даже страшно», они стараются не думать и не говорить о будущем, так как не видят выхода [22. С. 37]. Тревога матерей за будущее своего ребенка с церебральным параличом коррелирует с опасением чего-либо, что может ему навредить [4. С. 57].

С целью определения выраженности показателей невротического состояния матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, «сырые» тестовые баллы были трансформированы в шкалу z-оценок, и, соответственно, процедура ранжирования значений осуществлялась на «взвешенных» тестовых показателях. В результате было установлено, что показатель невротической депрессии респондентов ОГ₆₆, соответствующий высокому уровню выраженности, занимает лидирующую позицию (первый ранг; $z = -0,64$). Особенностью невротического состояния, по мнению В.Д. Менделевич [2], является его проявление в психотравмирующей ситуации. Невротическая депрессия респондентов сопровождается повышенной обидчивостью и ранимостью (истерический тип реагирования – второй; $z = -0,60$). Obsessивно-фобические нарушения, занимая третью позицию ($z = -0,39$), указывают на страх матери за жизнь и здоровье ребенка, навязчивые мысли, действия и сомнения в правильности поступков, принятии решений. Показатель состояния тревоги, проявляющейся в виде отчетливых признаков беспокойства, суетливости респондентов, по степени выраженности находится на четвертом месте ($z = -0,38$) в ранге других шкальных значений. Пятая позиция респондентами ОГ₆₆ отводится состоянию астении ($z = -0,37$) и свидетельствует об утомляемости, слабости, усталости, раздражительности. Вегетативные нарушения, соответствующие шестому рангу ($z = -5,10$), отражают смену настроения, безрадостность и подавленность матери ребенка с церебральным параличом. Состояние депрессии и ее неблагоприятное воздействие на психологическое здоровье матерей, осуществляющих уход за детьми с церебральным параличом, подробно описаны в исследовании Е. Martón [12].

При дальнейшей обработке результатов мы провели интеркорреляцию невротических состояний респондентов ОГ₆₆ с использованием коэффициента корреляции Пирсона. На рис. 1 графически представлены корреляционные плеяды невротических состояний респондентов ОГ₆₆.

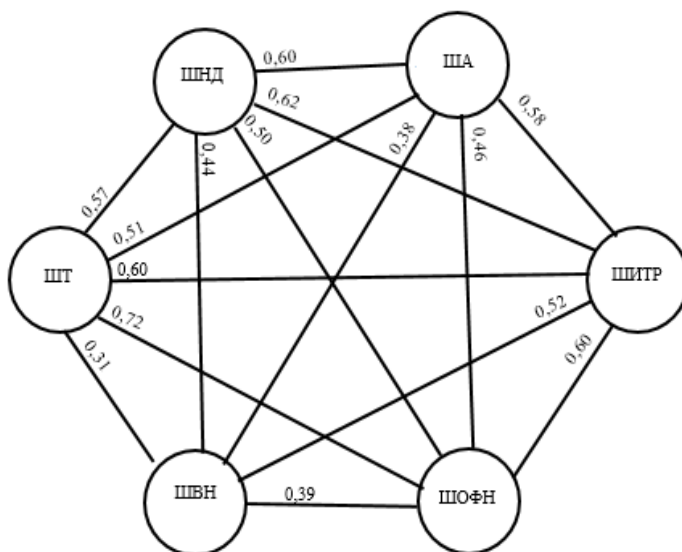

Рис. 1. Корреляционные плеяды – графическое представление связи невротических состояний респондентов ОГ₆₆: ШТ – шкала тревоги; ШНД – шкала невротической депрессии; ША – шкала астении; ШИТР – шкала истерического типа реагирования; ШОФН – шкала обсессивно-фобических нарушений; ШВН – шкала вегетативных нарушений

В результате было выявлено 15 статистически значимых корреляций невротических состояний респондентов ОГ₆₆. Полученные коэффициенты взаимосвязи (при $p < 0,05$) варьируют от $r = 0,31$ (тревога и вегетативные нарушения) до $r = 0,72$ (тревога и обсессивно-фобические нарушения). Все связи показателей невротических состояний респондентов ОГ₆₆ носят положительную направленность и тесно коррелируют между собой. Средний коэффициент корреляции $r_m = 0,52$ составляет 27,04%, т.е. в 27,04% показателей неслучайно варьируют однонаправленно. Все компоненты невротического состояния респондентов вступают в отношения взаимосвязи друг с другом, при этом невозможно выделить структурообразующий элемент. В своем исследовании В. Okurowska-Zawada с соавт. пишут о состоянии усталости, тревоги, подавленном настроении и физической нагрузке матери в течение нескольких лет после рождения ребенка с церебральным параличом [14]. Подавленное настроение респондентов связано с социальной изоляцией, посттравматическим стрессом, абстиненцией и чувством вины.

Проведем сравнительный анализ результатов первого измерения невротических состояний матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, и матерей нормативно развивающихся детей. Для 96,96% (64 человека) респондентов ОГ₆₆ характерны состояния беспокойства, нетерпеливости, суетливости и тревоги. Число таких испытуемых в КГ₆₆ составило 18,18% (12 человек). Проявление медлительности, вялости, безразличия и отсутствия прежних интересов, состояния подавленности и

угнетенности, одиночества отмечается у 96,96% (64 человека) испытуемых ОГ₆₆, в то время как в КГ₆₆ – 15,15% (10 человек). Повышенная утомляемость, раздражительность и вспыльчивость, быстрая смена настроения характерны для 92,40% (61 человек) респондентов ОГ₆₆ и 3,03% (2 человека) КГ₆₆. Обидчивость и ранимость свойственны для 93,9% (62 человека) опрошиваемых ОГ₆₆ и 13,63% (9 человек) КГ₆₆. У 92,40% (61 человек) респондентов ОГ₆₆ и 12,12% (8 человек) испытуемых КГ₆₆ присутствуют страх заболеть тяжелой болезнью, навязчивые воспоминания, мысли, действия, сомнения в правильности поступков и принятии решений. Проблемы со здоровьем отметили 92,40% (61 человек) испытуемых ОГ₆₆ и 9,09% (6 человек) респондентов КГ₆₆.

По самооценке респондентов КГ₆₆ показатель тревоги составил $3,67 \pm 3,32$, невротической депрессии – $3,26 \pm 3,21$, астении – $5,63 \pm 2,86$, истерического типа реагирования – $3,00 \pm 3,04$; обсессивно-фобических нарушений – $3,05 \pm 2,82$; вегетативных – $7,17 \pm 4,98$.

В ходе анализа «сырые» тестовые баллы были трансформированы в шкалу z-оценок и проранжированы. При проведении сравнительного анализа ранжированных средних значений невротического состояния было выявлено, что для респондентов КГ₆₆ меньше всего свойственны состояния медлительности, вялости, слезливости, безразличия, одиночества, подавленности, угнетенности, снижение активности (астения – первый ранг; $z = 0,51$) по сравнению с респондентами ОГ₆₆, у которых шкала астении занимает пятый ранг с отрицательным значением ($z = -0,37$). Положительный показатель состояния тревоги, беспокойства, суетливости респондентов КГ₆₆ находится на втором месте ($z = 0,33$) в ранге других шкальных значений, у респондентов ОГ₆₆ – на четвертом месте. Для матерей нормативно развивающихся детей выраженными являются состояния, связанные с трудоспособностью, боязливостью, возбудимостью (раздражительной слабостью), колебаниями настроения, безрадостностью и подавленностью, при этом данные состояния находятся в пределах нормы, а у респондентов ОГ₆₆ показатель вегетативных нарушений находится на низком уровне и имеет отрицательное значение ($z = -0,27$). В табл. 2 представлен сравнительный анализ оценок респондентами ОГ₆₆ и КГ₆₆ невротических состояний.

Таблица 2

Оценка невротических состояний респондентами ОГ₆₆ и КГ₆₆

Переменные	ОГ ₆₆			КГ ₆₆		
	m	z-оценки	ранг	m	z-оценки	ранг
Тревога	-4,15	-0,38	4	3,67	0,33	2
Невротическая депрессия	-7,62	-0,64	1	3,26	0,27	5
Астения	-4,09	-0,37	5	5,63	0,51	1
Истерический тип реагирования	-6,61	-0,60	2	3,00	0,27	5
Обсессивно-фобические нарушения	-3,95	-0,39	3	3,05	0,30	4
Вегетативные нарушения	-6,08	-0,27	6	7,17	0,32	3

Примечание. Жирным шрифтом выделены более высокие ранги.

Страх матери за жизнь и здоровье ребенка, навязчивые мысли, действия, сомнения в правильности поступков и принятии решений у матерей нормативно развивающихся детей проявляются менее выражено (обсессивно-фобические нарушения; четвертый ранг $z = 0,30$) по сравнению с матерями детей с церебральным параличом (третья ранговая позиция; $z = -0,39$). У респондентов КГ₆₆ показатели невротической депрессии и истерического типа реагирования занимают пятый ранг, у респондентов ОГ₆₆ – первую, доминирующую ($z = -0,64$), и вторую позиции ($z = -0,60$) соответственно.

В ходе дальнейшего анализа полученных результатов было установлено 15 положительных статистически значимых и тесно взаимосвязанных между собой интеркорреляций невротических состояний респондентов КГ₆₆. В целом коэффициенты корреляции (при $p < 0,05$) варьируют от $r = 0,44$ (невротическая депрессия и вегетативные нарушения) до $r = 0,74$ (тревога и обсессивно-фобические нарушения, тревога и вегетативные нарушения). Полученные результаты наглядно представлены на рис. 2.

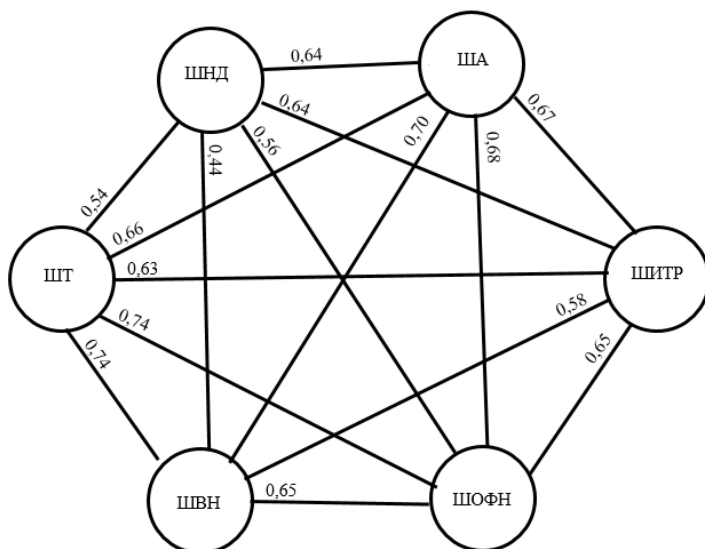

Рис. 2. Корреляционные плеяды – графическое представление связи невротических состояний респондентов КГ₆₆: ШТ – шкала тревоги; ШНД – шкала невротической депрессии; ША – шкала астении; ШИТР – шкала истерического типа реагирования; ШОФН – шкала обсессивно-фобических нарушений; ШВН – шкала вегетативных нарушений

Средний коэффициент корреляции $r_m = 0,63$ составляет 39,69%, т.е. в 39,69% показателей неслучайно варьируют однонаправленно. Необходимо отметить, что чем больше количество связей и выше уровень значимости корреляций, тем устойчивее структура состояния.

Различия между показателями невротического состояния респондентов ОГ₆₆ и КГ₆₆ достигают статистической значимости (по t -критерию Стью-

дента) при $p < 0,0001$. В целом показатели выше у матерей нормативно развивающихся детей. Полученные результаты наглядно представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Различия в показателях невротического состояния респондентов
ОГ₆₆ и КГ₆₆ по *t*-критерию Стьюдента**

Переменные	Среднее значение		Стандартное отклонение		<i>t</i> -критерий ($p < 0,0001$)
	ОГ ₆₆	КГ ₆₆	ОГ ₆₆	КГ ₆₆	
Тревога	-4,15	3,67	2,42	3,33	-15,45
Невротическая депрессия	-7,62	3,26	4,38	3,21	-16,28
Астения	-4,09	5,63	3,79	2,86	-16,65
Истерический тип реагирования	-6,62	3,00	4,11	3,04	-15,27
Обсессивно-фобические нарушения	-3,95	3,05	3,08	2,82	-13,61
Вегетативные нарушения	-6,09	7,17	6,42	4,98	-13,25

Примечание. В таблице приведены только статистически значимые различия.

В рамках лонгитюдного дизайна повторный диагностический срез невротического состояния респондентов проводился с разрывом во времени до 8 лет. Исследование выполнялось с учетом изменения социальной ситуации развития ребенка и социального положения семей на выборке $N = 96$ матерей, по 48 респондентов в каждой социальной группе, принявших участие в первом измерении.

По результатам повторного измерения невротического состояния матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, выявлены проявления состояния тревоги ($-1,71 \pm 2,46$), отсутствие прежних интересов и увлечений ($-1,48 \pm 3,93$), усталость и повышенная утомляемость ($-0,90 \pm 3,22$), чувство безразличия и отсутствие понимания со стороны окружающих ($-1,69 \pm 4,13$); навязчивые действия и опасения ($-1,15 \pm 3,28$); ухудшение самочувствия ($-0,98 \pm 4,91$). Некоторые показатели приближаются к значению +1,28, что указывает на слабо выраженное проявление данных состояний, вместе с тем показатели невротического состояния матерей, воспитывающих детей с церебральным параличом, находятся на низком уровне и изменяются в его пределах. При этом необходимо отметить повышение показателей невротических состояний у респондентов ОГ₄₈.

У матерей в ситуации воспитания ребенка с церебральным параличом отмечаются снижение состояния тревоги, медлительности, утомляемости и обидчивости, улучшение самочувствия. Возможно, улучшение состояния здоровья матерей, воспитывающих детей с церебральным параличом, объясняется появлением в семье других детей, улучшением жилищных условий и материального благополучия. Интересным является факт повышения субъективной оценки собственных состояний, соответственно, и переживания матери, связанные с ситуацией воспитания, обучения и лечения ребенка с церебральным параличом, приобретают положительный характер. Это отражает известный факт, что закономерные изменения в оценке ситуации, а также ее осмысление трансформируют состояние личности.

Положительную динамику претерпели все показатели невротических состояний респондентов по результатам повторного измерения. При этом максимальный показатель различий обнаружен по шкале «Невротическая депрессия» ($\max = 6,17$), минимальный – «Обсессивно-фобические нарушения» ($\min = 2,8$). Из результатов следует, что начальное отрицательное состояние невротической депрессии матерей, воспитывающих детей с церебральным параличом, сдвинулось в сторону его уменьшения. Также достоверно улучшился показатель обсессивно-фобических нарушений испытуемых. В совокупности эти результаты позволяют заключить, что показатели невротического состояния достоверно изменяются по сравнению с исходным уровнем в положительном направлении. Возможно, болезненный характер выявляемых расстройств матери по результатам первого измерения оправдан постановкой диагноза ребенку, отсутствием знаний матери о данном заболевании, его лечении, симптомах. Вместе с тем значения состояний находятся на низком уровне и варьируют в его пределах, следовательно, наличие большого ребенка вносит существенные коррективы в состояние респондентов.

Для выявления наиболее выраженного невротического состояния у респондентов ОГ₄₈ мы провели ранжирование «взвешенных баллов» (z-оценок), а также их сравнительный анализ с полученными результатами в первом измерении. При сопоставлении данных выявлена лидирующая позиция состояния тревоги и истерического типа реагирования (первый ранг; $z = -0,15$) в первом исследовании по сравнению с доминирующей позицией невротической депрессии у респондентов в повторном. Второй ранг ($m = -0,12$) по выраженности респондентами ОГ₄₈ отводится проявлению невротической депрессии, а респондентами ОГ₆₆ – истерического типа реагирования. Третий ($m = -0,11$) у респондентов ОГ₄₈ занимают обсессивно-фобические нарушения, как и у респондентов ОГ₆₆.

Анализ результатов повторного исследования невротического состояния матерей, воспитывающих детей с церебральным параличом, позволил выявить уменьшение числа количества интеркорреляций – 12. Корреляционные плеяды невротических состояний респондентов ОГ₄₈ графически представлены на рис. 3.

Коэффициенты корреляции варьируют от $r = 0,32$ (при $p < 0,05$) до $r = 0,52$ (при $p < 0,001$). Необходимо подчеркнуть, что структура невротических состояний респондентов ОГ₄₈ отличается большей дифференцированностью, и в среднем показатели корреляции между переменными менее тесные ($r_m = 0,44$). Минимальный показатель интеркорреляции состояний выявлен между шкалой истерического типа реагирования и шкалой астении ($r = 0,32$), а максимальный – между шкалой невротической депрессии и истерическим типом реагирования ($r = 0,52$). В среднем коэффициент корреляции между переменными составил $r_m = 0,44$, т.е. 19,36% показателей не случайно варьируют однонаправленно. При уменьшении количества связей и снижении уровня значимости корреляций структура состояния становится менее устойчивой. В целом устойчивость структуры состояния респондентов ОГ в своем развитии продвигается в сторону стагнации.

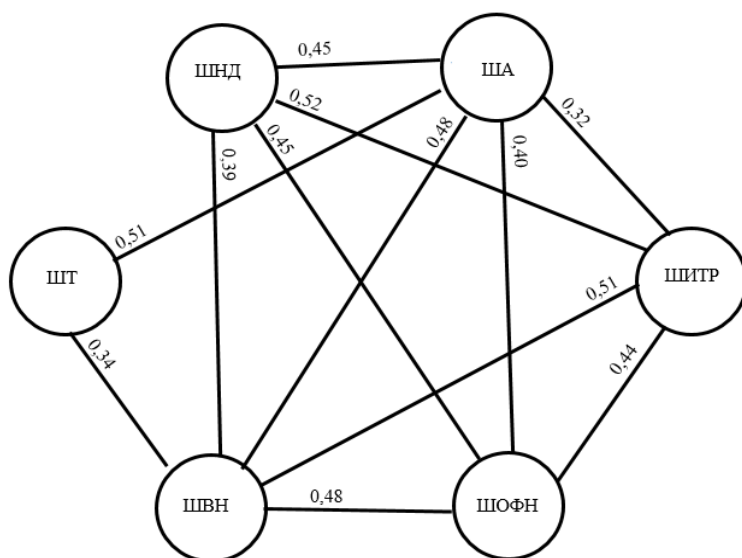

Рис. 3. Корреляционные плеяды – графическое представление связи невротических состояний респондентов ОГ₄₈: ШТ – шкала тревоги; ШНД – шкала невротической депрессии; ША – шкала астении; ШИТР – шкала истерического типа реагирования; ШОФН – шкала обсессивно-фобических нарушений; ШВН – шкала вегетативных нарушений

Обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,0001$) выраженности показателей невротического состояния у респондентов ОГ во временной перспективе. Показатели состояния респондентов во втором измерении выше по сравнению с полученными результатами в первом. По результатам повторного измерения отмечается положительная динамика показателей невротического состояния у матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, но его проявление по-прежнему носит болезненный характер.

При повторном исследовании невротического состояния у матерей нормативно развивающихся детей выявлены положительные значения всех шкал опросника, что служит показателем удовлетворенности состоянием здоровья респондентами. При этом отмечается снижение показателей невротического состояния у респондентов КГ, но значения изменяются в пределах нормы. Показатель тревоги респондентов КГ₄₈ составил $2,16 \pm 2,82$, притом что данный показатель по результатам первого измерения был $3,67 \pm 2,82$; показатель отсутствия прежних интересов и увлечений во втором этапе исследования составил $2,56 \pm 3,33$ (в первом – $2,3,26 \pm 3,21$); показатель шкалы усталости и повышенной утомляемости – $4,51 \pm 3,62$ (в первом – $5,63 \pm 2,86$); значение шкалы безразличия и отсутствия понимания со стороны окружающих – $2,50 \pm 2,56$ (в первом – $3,00 \pm 3,04$); навязчивых действий – $1,95 \pm 2,22$ (в первом – $3,05 \pm 2,82$); ухудшения самочувствия – $5,22 \pm 4,43$ (в первом – $7,17 \pm 4,98$). Происходящие изменения

в средних показателях невротического состояния у матерей нормативно развивающихся детей (респондентов КГ) характеризуются тенденцией к проявлениям тревоги, беспокойства, усталости, обидчивости, страха, навязчивых состояний, при этом диагностические коэффициенты всех шкал опросника по своим значениям больше 1,28 и, соответственно, указывают на уровень здоровья.

С целью сравнения полученных результатов средние значения невротического состояния респондентов КГ₄₈ нами были проранжированы и одновременно соотнесены с рангами значений невротического состояния респондентов ОГ₄₈ (табл. 4).

Таблица 4

Оценка невротического состояния респондентами КГ₄₈ и ОГ₄₈

Переменные	ОГ ₄₈		КГ ₄₈	
	z-оценки	ранг	z-оценки	ранг
Тревога	-0,15	1	0,19	5
Невротическая депрессия	-0,12	2	0,21	4
Астения	0,08	5	0,41	1
Истерический тип реагирования	-0,15	1	0,22	3
Обсессивно-фобические нарушения	-0,11	3	0,19	5
Вегетативные нарушения	-0,04	4	0,23	2

Примечание. Жирным шрифтом выделены более высокие ранги.

При проведении сравнительного анализа оценок состояния респондентами ОГ и КГ между собой необходимо отметить, что характеристики невротического состояния матерей нормативно развивающихся детей основываются на положительных показателях, так как все значения шкал больше 1,28 и указывают на уровень здоровья, а у респондентов ОГ₄₈ – на показателях меньше 1,28, отражая негативную окраску состояния. При оценке состояний респондентами КГ₄₈ первое место отводится состоянию астении с максимальным значением ($z = 0,41$), в то время как у респондентов ОГ₄₈ отмечается чрезмерная реакция на жизненную ситуацию (доминирующим является состояние истерического типа реагирования) в сочетании с тревогой. Немаловажное значение для матерей нормативно развивающихся детей имеет забота о здоровье (вегетативные нарушения – второй ранг; $z = 0,23$), состояние матерей, воспитывающих детей с церебральным параличом, проявляется в невротической депрессии. Для респондентов КГ₄₈ менее характерен истерический тип реагирования на события ситуации (третий ранг; $z = 0,22$), третью позицию у респондентов ОГ₄₈ занимают навязчивые мысли, действия (обсессивно-фобические нарушения; $z = 0,11$). Пятый ранг респондентами КГ₄₈ отводится тревоге, респондентами ОГ₄₈ – астении. Истерический тип реагирования (третий ранг) предшествует усталости и апатии (четвертый ранг) у респондентов КГ₄₈. У респондентов ОГ₄₈ отсутствие прежних интересов и увлечений предшествует навязчивым действиям и поступкам (третий ранг), которые проявляются неярко. В целом показатели невротического состояния у респондентов КГ₄₈ выше по сравнению с респондентами ОГ₄₈.

Для определения интеркорреляции показателей невротических состояний респондентов КГ₄₈ использовался коэффициент корреляции Пирсона. В результате анализа было установлено пять интеркорреляций. Минимальная интеркорреляция выявлена между шкалами тревоги и вегетативных нарушений ($r = 0,30$), а максимальная – между невротической депрессией и истерическим типом реагирования ($r = 0,44$). При среднем показателе корреляции $r_m = 0,35$ процент неслучайной однонаправленной варьировемости показателей составил 12,25%. Полученные коэффициенты варьируют от $r = 0,30$ до $r = 0,44$ и характеризуются положительной направленностью (рис. 4).

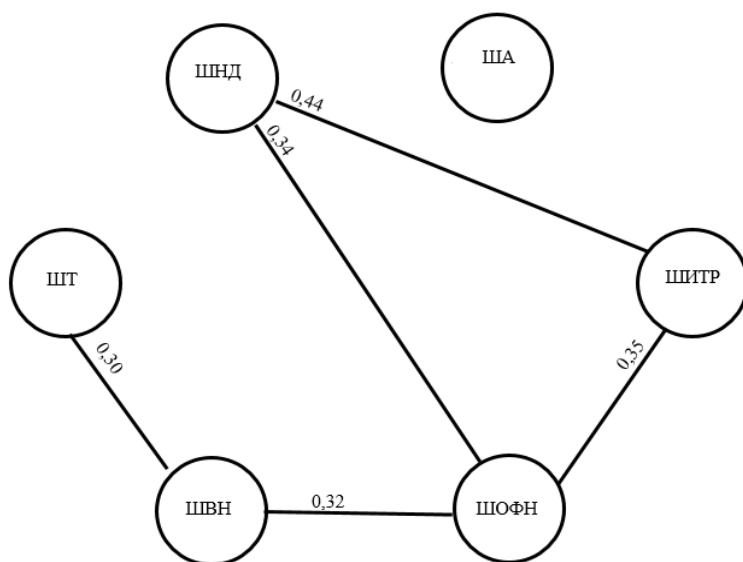

Рис. 4. Корреляционные плеяды – графическое представление связи невротических состояний респондентов КГ₄₈: ШТ – шкала тревоги; ШНД – шкала невротической депрессии; ША – шкала астении; ШИТР – шкала истерического типа реагирования; ШОФН – шкала обсессивно-фобических нарушений; ШВН – шкала вегетативных нарушений

Необходимо отметить, что структура показателей невротического состояния респондентов КГ₄₈ отличается иерархичностью и большей дифференциацией: отдельные переменные приобретают статус автономных. Наряду с этим шкала обсессивно-фобических нарушений имеет максимальное количество (3) корреляционных связей по сравнению с другими шкалами, поэтому можно выделить обсессивно-фобические нарушения в качестве структурообразующего показателя. Структура невротических состояний матерей нормативно развивающихся детей претерпевает трансформацию: уменьшается ее связность, происходит разрушение прежних связей, некоторые элементы становятся дискретными, в то же время намечается тенденция к дифференциации различных показателей, появляется ведущий элемент – обсессивно-фобические нарушения. Однако данная

структура и ее изменения, возможно, связаны с снижением показателей невротических состояний у респондентов КГ₄₈ во временном континууме.

Обращаясь к результатам исследования, необходимо отметить, что в обычной ситуации, т.е. в ситуации воспитания нормативно развивающего ребенка, невротические состояния у матерей не выражены. В ситуации воспитания и лечения ребенка с церебральным параличом у матерей отмечается болезненное проявление исследуемых состояний, даже при незначительном улучшении. Как в первом, так и в повторном измерениях невротическое состояние респондентов ОГ₄₈ характеризуется проявлениями тревоги, беспокойства, одиночества, подавленности, утомляемости и раздражительности, обидчивости и ранимости. Статистический анализ показывает значимые различия выраженности показателей невротического состояния у респондентов КГ₄₈ и ОГ₄₈ при $p < 0,0001$ (табл. 5).

Таблица 5

**Различия в показателях невротического состояния респондентов
КГ₄₈ и ОГ₄₈ по *t*-критерию Стьюдента**

Переменные	Среднее значение		<i>t</i> – критерий ($p < 0,0001$)
	КГ ₄₈	ОГ ₄₈	
Тревога	2,16	–1,71	2,55
Невротическая депрессия	2,56	–1,48	1,13
Астения	4,51	0,90	1,85
Истерический тип реагирования	2,50	–1,69	0,92
Обсессивно-фобические нарушения	1,95	–1,15	2,24
Вегетативные нарушения	5,22	–0,98	2,16

Примечание. В таблице приведены только статистически значимые различия.

Полученные результаты, возможно, указывают, что ситуация является коррелятом состояний респондентов. Данный вывод основан на идее А.О. Прохорова о том, что трансформация состояния является отражением значимости ситуации, включая ее составляющие [17]. Данное предположение требует проведения дальнейшего исследования и более глубокого анализа, при котором необходимо учитывать и другой факт: что воздействие ситуации и ее содержания на состояние опосредовано смысловой организацией сознания личности. Смысловые структуры сознания, через которые опосредуется воздействие ситуации, способствуют выделению значимых составляющих, имеющих для субъекта смысл.

В процессе сравнительного анализа ранжирования средних значений невротического состояния респондентов КГ выявлены расхождения, которые заключаются в том, что чувство обиды, ощущение недооценивания окружающими (шестой ранг) у респондентов КГ₆₆ со временем сменяется на навязчивые состояния. Страх заболеть тяжелым заболеванием (пятый ранг) у респондентов КГ₄₈ со временем сменяется тревогой. Состояние подавленности (четвертый ранг) респондентов КГ постепенно переходит в ощущение безразличия со стороны окружающих, а тревога (третий ранг) у респондентов КГ₆₆ сменяется усталостью (третий ранг). Менее всего для

респондентов КГ характерны вегетативные нарушения. Наряду с этим статистически значимые различия ($p < 0,01$) были выявлены только между показателями шкалы тревоги у матерей нормативно развивающихся детей. Возможно, проявления тревоги, беспокойства, суетливости, колебаний при принятии решений коррелируют с изменением ситуации жизнедеятельности, включающей воспитание нормативно развивающегося ребенка подросткового возраста, особенности материального положения и жилищных условий семьи, появление в семье других детей и ряд других аспектов, что требует проведения дополнительных исследований.

Подводя итог изучению особенностей невротических состояний респондентов ОГ и КГ во временной перспективе, отметим волнообразный характер показателей при тенденции к росту у матерей, воспитывающих детей с церебральным параличом, и их снижению у матерей нормативно развивающихся детей. Как следствие, заметно сближение значений (рис. 6).

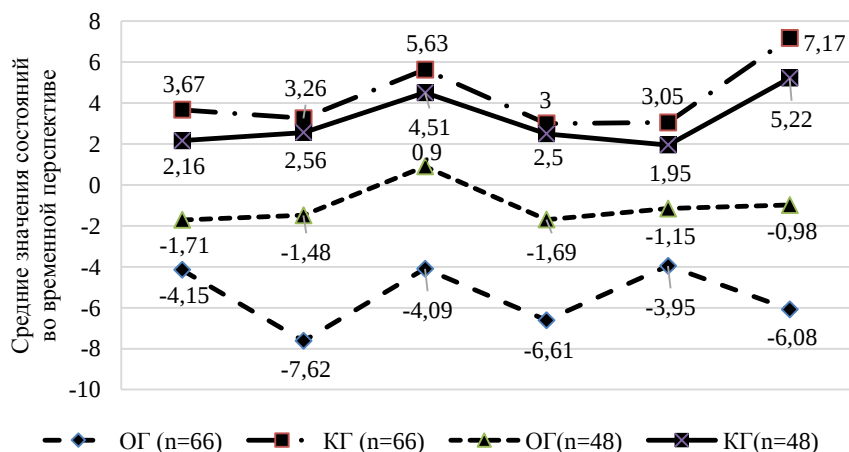

Рис. 5. Динамика средних значений невротических состояний респондентов ОГ и КГ: ШТ – шкала тревоги; ШНД – шкала невротической депрессии; ША – шкала астении; ШИТР – шкала истерического типа реагирования; ШОФН – шкала obsессивно-фобических нарушений; ШВН – шкала вегетативных нарушений

На рисунке показано, что невротические состояния испытуемых демонстрируют определенную динамику и специфику выраженности показателей. В ситуации рождения, воспитания, лечения и обучения ребенка с церебральным параличом проявление невротических состояний у матери выше, чем у матери при воспитании нормативно развивающегося ребенка. Исследователи S.Z. Baron, S.J. Younesi, A.H. Sedaghati, Z. Sedaghati [13] указывают на необходимость оказания эффективной психотерапевтической помощи родителям детей с церебральным параличом, которая поможет снизить повышенный уровень дистресса, депрессии и тревоги. Надо признать, что наличие больного ребенка в семье негативно сказывается на состоянии матери, которое связано с их адаптацией / дезадаптацией

к ситуации воспитания и лечения ребенка с церебральным параличом. В связи с этим матери детей с церебральным параличом нуждаются в психотерапевтической, психологической помощи, направленной на восстановление, сохранение и поддержание психического здоровья, а в целом – на адаптацию к ситуации жизнедеятельности.

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, отметим следующие особенности невротического состояния матери ребенка с церебральным параличом.

1. Невротические состояния матерей характеризуются динамикой показателей с разницей в значениях, что обнаруживает их сближение. У матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, установлен болезненный характер выявляемых невротических состояний, показатели которых во временном континууме улучшаются, при этом оставаясь на низком уровне и изменяясь в его пределах. У матерей нормативно развивающихся детей со временем происходит снижение показателей состояния, они варьируют в пределах нормы, наряду с этим статистически значимо проявление их тревоги и беспокойства.

2. Отличительной особенностью невротического состояния матери ребенка с церебральным параличом является смена доминирующей позиции невротической депрессии на проявление тревоги и чрезмерной реакции на обыденные жизненные ситуации. Структурная иерархия шкал невротических состояний матерей нормативно развивающихся детей отличается константностью в оценке показателя астении во временном континууме.

3. Своеобразным признаком динамики интеркорреляционных структур невротических состояний матерей, воспитывающих ребенка с церебральным параличом, являются относительная стабильность, переход от интеграции к большей дифференциации, отсутствие выраженного ведущего элемента. У матерей нормативно развивающихся детей структура трансформируется, усложняется, отличается иерархичностью и большей дифференциацией, а отдельные переменные приобретают статус автономных, появляется ведущий элемент.

Резюмируя полученные результаты, подчеркнем необходимость принятия во внимание особенностей невротического состояния специалистами общественных и государственных структур в учреждениях дошкольного, среднего, специального и дополнительного образования, социально-педагогических и психологических служб при оказании психотерапевтической, психологической помощи, направленной на адаптацию к ситуации матери ребенка с церебральным параличом.

Литература

1. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб. : Питер, 2016. 583 с.
2. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология. М. : МЕДпресс-информ, 2008. 426 с.

3. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Понятие ситуации // Психология социальных ситуаций : хрестоматия / сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб. : Питер, 2001. С. 133–138.
4. Ткачева В.В. Психологические особенности родителей, имеющих детей с детским церебральным параличом // Специальная психология. 2009. № 1. С. 53–62.
5. Винникова Е.А. Принципы и технологии взаимодействия с семьей ребенка с особенностями психофизического развития // Специальная адукация. 2010. № 6. С. 24–29.
6. Александровский Ю.А. Состояние психической дезадаптации и их компенсация: пограничные нервно-психические расстройства. М. : Наука, 1976. 272 с.
7. Пиаже Ж.П. Избранные психологические труды. М. : Междунар. пед. академия, 1994. 647 с.
8. Казак Т.В. Профессиональная самоактуализация и психосоциальная адаптация сотрудников органов внутренних дел. Минск : Республиканский ин-т высшей школы, 2015. 360 с.
9. Левчик Т.П. Особенности родительского отношения в семьях, воспитывающих детей с нормальным и нарушенным развитием // Психологический журнал. 2011. № 3/4. С. 29–33.
10. Майромян Р.Ф. Семья и умственно отсталый ребенок: психопатологические и психологические аспекты проблемы : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1976. 24 с.
11. Ogunlana M., Oyewole O., Falola J., Davis A., Lateef A., Adepoju M. Psychosocial problems among mothers of children with cerebral palsy attending physiotherapy outpatient department of two selected tertiary health centres in Ogun state: a pilot study // AIMS Medical Science. 2019. Vol. 6 (2). P. 158–169. DOI: 10.3934 / medsci.2019.2.158.
12. Marrón E., Redolar-Ripoll D., Boixadós M., Nieto R., Guillamón N., Hernández E., Gómez B. Burden on caregivers of children with cerebral palsy: predictors and related factors // Universitas Psychologica. 2013. Vol. 12 (3). P. 767–777. DOI: 10.11144/Javeriana.UPSY12-3.bccc.
13. Barog Z.S., Younesi S.J., Sedaghati A.H., Sedaghati Z. Efficacy of Mindfulness-Based Cognitive Therapy on Quality of Life of Mothers of Children with Cerebral Palsy // Iran J Psychiatry. 2015. Vol. 10 (2). P. 86–92.
14. Okurowska-Zawada B., Kułak W., Wojtkowski J., Sienkiewicz D., Paszko-Patej G. Quality of life of parents of children with cerebral palsy // Progress in Health Sciences. 2011. Vol. 1 (1). P. 116–123.
15. Ones K., Yilmaz E., Cetinkaya B., Caglar N. Assessment of the quality of life of mothers of children with cerebral palsy (primary caregivers) // Neurorehabil Neural Repair. 2005. Vol. 19 (3). P. 232–237. DOI: 10.1177/1545968305278857.
16. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1999. 349 с.
17. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна : Феникс+, 2002. 278 с.
18. Певнева А.Н. Динамика невротического состояния матери ребенка с двигательными нарушениями // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2019. № 4. С. 47–57.
19. Певнева А.Н. Психическое состояние как системно-динамическое явление // Психологическое сопровождение образовательного процесса : сб. науч. ст. Минск : РИПО, 2017. Вып. 7, ч. 1. С. 19–29.
20. Яхин К.К., Менделевич В.Д. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний // Клиническая и медицинская психология : практ. руководство. М. : МЕДпресс, 1999. С. 545–552.
21. Исаев Д.Н. Умственная отсталость детей и подростков. СПб. : Речь, 2007. 389 с.
22. Чарова О.Б., Савина Е.А. Особенности материнского отношения к ребенку с интеллектуальным недоразвитием // Дефектология. 1999. № 5. С. 34–39.
23. Гуслова М.Н., Стуре Т.К. Психологическое изучение матерей, воспитывающих детей-инвалидов // Дефектология. 2003. № 6. С. 28–32.

Поступила в редакцию 15.07.2019 г.; повторно 02.03.2020 г.;
принята 02.09.2020 г.

Певнева Анжела Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии детства Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.
E-mail: pevneva.angela@rambler.ru

For citation: Pevneva, A.N. Neurotic State Characteristics of Mothers of Children with Cerebral Palsy. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 130–152. doi: 10.17223/17267080/77/7. In Russian. English Summary

Neurotic State Characteristics of Mothers of Children with Cerebral Palsy

A.N. Pevneva^a

^a Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Str., Grodno, 230023 Belarus

Abstract

The research topicality is determined by the state policy priorities in the field of preservation, strengthening and restoration of mental and psychological health as important indicators of the individual's quality of life as well as the development of preventive measures aimed at protecting health of mothers and children, developing a support system for families with children with mental and physical needs, improving their living conditions and strengthening the institution of the family.

The goal of the research is to identify the neurotic features of a mother whose child is suffering from cerebral palsy.

From 2006 to 2009 in the study participated 132 respondents: 66 mothers raising children with cerebral palsy, and 66 mothers of neurotypical children. The restudy in 2015-2017 was conducted on a sample of 96 mothers, 48 respondents in each group. Research methods we used are theoretical analysis of literature, psych diagnostic methods, longitudinal method, correlation research as well as methods of mathematical statistics.

In the process of analyzing the results for mothers raising children with cerebral palsy there has been revealed a painful nature of the detected neurotic state characteristics followed by positive dynamics but their values are low and vary within its margins. On the contrary, the indicators of neurotic state characteristics for mothers of neurotypical children vary within the norm along with the statistically significant manifestation of their anxieties and worries. Neurotic depression of MG66 respondents occupies a dominant position in the structural hierarchy of the scales of the questionnaire which eventually gives way to the manifestation of anxiety and hysterical type of response to life situations. The structure of neurotic state is characterized by a differentiation of the respondents from main group, while in control group it is more integrated. Over time the structure of neurotic state characteristics in the main group respondents retains relative stability, and in the control group respondents it is transformed, complicated and differs in hierarchy and greater differentiation: individual variables acquire the status of autonomous ones where the additional research is required. Statistically significant differences in the severity of neurotic state characteristics for the main group and control group respondents in the time perspective were found.

The neurotic state characteristics of mothers whose children have cerebral palsy are characterized by different severity levels of indicators in all structural components with their positive dynamics in the time perspective, the predominance of neurotic depression and its changeability by anxiety and over-reaction to everyday life situations.

Keywords: features; neurotic states; structure; asthenia; anxiety; neurotic depression; obsessive-phobic disorders; vegetative disorders; hysterical type of response; cerebral palsy.

References

1. Maklakov, A.G. (2016) *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. St. Petersburg: Piter.
2. Mendelevich, V.D. (2008) *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya* [Clinical and Health Psychology]. Moscow: MEDpress-inform.
3. Burlachuk, L.F. & Korzhova, E.Yu. (2001) Ponyatie situatsii [The concept of situation]. In: Grishina, N.V. (ed.) *Psikhologiya sotsial'nykh situatsiy* [Psychology of social situations]. St. Petersburg: Piter. pp. 133–138.
4. Tkacheva, V.V. (2009) Psikhologicheskie osobennosti roditeley, imeyushchikh detey s detskim tserebral'nym paralichom [Psychological characteristics of parents having children with cerebral palsy]. *Spetsyal'naya dukatsiya*. 1. pp. 53–62.
5. Vinnikova, E.A. (2010) Printsipy i tekhnologii vzaimodeystviya s sem'ey rebenka s osobennostyami psikhofizicheskogo razvitiya [Principles and methods of interaction with the family of a child with psychological and physical development peculiarities]. *Spetsyal'naya dukatsiya*. 6. pp. 24–29.
6. Aleksandrovsky, Yu.A. (1976) *Sostoyanie psikhicheskoy dezadaptatsii i ikh kompensatsiya: pogranichnye nervno-psikhicheskie rasstroystva* [The state of mental maladaptation and the compensation: borderline neuro-mental disorders]. Moscow: Nauka.
7. Piaget, J. (1994) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Translated from French. Moscow: Mezhdunar. ped. akademiya.
8. Kazak, T.V. (2015) *Professional'naya samoaktualizatsiya i psikhosotsial'naya adaptatsiya so-trudnikov organov vnutrennikh del* [Professional self-actualization and psychosocial adaptation of employees of the Internal Affairs bodies]. Minsk: National Institute of Higher Education.
9. Levchik, T.P. (2011) Osobennosti roditel'skogo otnosheniya v sem'yakh, vospityvayushchikh detey s normal'nym i narushennym razvitiem [Parental relations in families with children with normal and impaired development]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 3/4. pp. 29–33.
10. Mayromyan, R.F. (1976) *Sem'ya i umstvenno otstalyy rebenok: psikhopatologicheskie i psikhologicheskie aspekty problemy* [Family and a mentally retarded child: mental and psychological aspects of the problem]. Abstract of Medicine Dr. Diss. Moscow.
11. Ogunlana, M., Oyewole, O., Falola, J., Davis, A., Lateef, A. & Adepoju, M. (2019) Psychosocial problems among mothers of children with cerebral palsy attending physiotherapy outpatient department of two selected tertiary health centres in Ogun state: A pilot study. *AIMS Medical Science*. 6(2). pp. 158–169. DOI: 10.3934 / medsci.2019.2.158
12. Marrón, E. et al. (2013) Burden on caregivers of children with cerebral palsy: predictors and related factors. *Universitas Psychologica*. 12(3). pp. 767–777. <https://doi.org/10.11144/Javeriana.UPSY12-3.bccc>
13. Barog, Z.S., Younesi, S.J., Sedaghati, A.H. & Sedaghati, Z. (2015) Efficacy of Mindfulness-Based Cognitive Therapy on Quality of Life of Mothers of Children with Cerebral Palsy. *Iranian Jprnal of Psychiatry*. 10(2). pp. 86–92.
14. Okurowska-Zawada, B., Kułak, W., Wojtkowski, J., Sienkiewicz, D. & Paszko-Patej, G. (2011) Quality of life of parents of children with cerebral palsy. *Progress in Health Sciences*. 1(1). pp. 116–123.
15. Ones, K., Yilmaz, E., Cetinkaya, B. & Caglar, N. (2005) Assessment of the quality of life of mothers of children with cerebral palsy (primary caregivers). *Neurorehabil Neural Repair*. 19(3). pp. 232–237. DOI: 10.1177/1545968305278857
16. Lomov, B.F. (1999) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka.
17. Prokhorov, A. (2002) *Semanticheskie prostranstva psikhicheskikh sostoyaniy* [Semantic fields of mental states]. Dubna: Fe-niks+.

18. Pevneva, A.N. (2019) Dynamics of Neurotic State of Mother of the Child with Cerebral Palsy. *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya – Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 4. pp. 47–57. (In Russian).
19. Pevneva, A.N. (2017) Psikhicheskoe sostoyanie kak sistemno-dinamicheskoe yavlenie [Mental state as a system-dynamic phenomenon]. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa*. 7(1). pp. 19–29.
20. Yahin, K.K. & Mendelevich, V.D. (1999) Klinicheskiy oprosnik dlya vyyavleniya i otsenki nevro-ticheskikh sostoyaniy [Clinical questionnaire for identifying and assessing neurotic states]. In: Mendelevich, V.D. (ed.) *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya* [Clinical and Medical Psychology]. Moscow: MEDpress-inform. pp. 545–552.
21. Isaev, D.N. (2002) *Umstvennaya otstalost' detey i podrostkov* [Mental retardation of children and adolescents]. St. Petersburg: Rech'.
22. Charova, O.B. & Savina, E.A. (1999) Osobennosti materinskogo otnosheniya k rebenku s intellektual'nym nedorazvitiem [Features of maternal attitude to children with intellectual underdevelopment]. *Defektologiya*. 5. pp. 34–39.
23. Guslova, M.N. & Sture, T.K. (2003) Psikhologicheskoe izuchenie materey, vospityvayushchikh detey-invalidov [Psychological study of mothers raising children with disabilities]. *Defektologiya*. 6. pp. 28–32.

Received 15.07.2019; Revised; 02.03.2020

Accepted 02.09.2020

Anzhela N. Pevneva – Associate Professor of the Department of Pedagogy and the Psychology of Childhood, Yanka Kupala State University of Grodno . Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: pevneva.angela@rambler.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.98

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ 5–7 ЛЕТ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ «EQ.ДЕТИ»

О.А. Токарева^а, А.В. Серый^а, М.С. Яницкий^а

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная 6

Анализируется опыт использования авторской компьютерной программы «EQ.дети» для диагностики эмоционального интеллекта у детей 5–7 лет. Программа содержит четыре субтеста для оценки сформированности элементарного эмоционального праксиса и отдельных компонентов эмоционального интеллекта. В апробации программы приняли участие 96 дошкольников. Полученные результаты свидетельствуют, что программа «EQ.дети» является надежным и валидным способом углубленной диагностики эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; тестирование; психодиагностика; компьютерная диагностика; старший дошкольный возраст; показатели оценки эмоционального интеллекта детей.

Введение

Эмоциональный интеллект стал предметом масштабных исследований относительно недавно, однако интерес к данному направлению постоянно возрастает. Расширяются и уточняются представления о его сущности, характерных чертах [1–3]. Особый интерес вызывают вопросы возрастных закономерностей его проявления, возможностей и детерминант развития в онтогенезе [4–5]. В связи с этим значимым направлением исследований становится проблема диагностики эмоционального интеллекта в детском возрасте. Разработка методов диагностики эмоционального интеллекта является актуальной прикладной сферой в современной науке, ей посвящены исследования как в области общей психодиагностики, так и в области диагностики детей.

Ставшие на сегодняшний день классическими процедуры оценки эмоционального интеллекта были разработаны на рубеже XX–XXI вв. При этом существенная разница в базовых подходах к феномену естественным образом влияла на специфику диагностического метода как по форме, так и по содержанию. Это, с одной стороны, позволяет специалисту делать выбор методики, исходя из категорийной близости, а с другой – приводит

к большому разбросу эмпирических данных и проблемам систематизации материала исследования. В русскоязычной научной и методической литературе для оценки степени сформированности эмоционального интеллекта детей предлагаются наблюдения, экспертная оценка, пробы для выявления и распознавания эмоций. Вместе с тем запрос на эффективные средства оценки эмоционального интеллекта со стороны практиков, работающих с детьми в образовательных организациях, с каждым годом возрастает.

Среди методов оценки эмоционального интеллекта взрослых можно выделить отдельную группу процедур, ориентированных на диагностику понимания эмоций, эмоциональной грамотности и компетентности, эмоциональных ценностей, использования эмоций при решении проблем. К этой группе относятся MEIS и MSCEIT, EQ-Mar, EQ, SREIT, ЭмИн, ОИЭ [2, 6–10]. Диагностические комплексы схожи в направлениях оценки, однако имеют значимые отличия, которые заключаются в применяемом методе сбора данных (наблюдение, опросник, тест, экспериментальная ситуация) и, соответственно, в стимульном материале. Тем не менее названные комплексы используются как в исследовательской, так и в прикладной психологии. К другой группе можно отнести методы оценки внутриличностных и межличностных переменных как составляющих эмоционального интеллекта. Хронологически первым вариантом в данной группе является EQ-I, а вслед за ним были созданы ECI, TEIQ, ЭмIQ-2 и ряд других комплексов [11–14]. В качестве базового способа получения фактических данных в этой группе преимущественно используются опросник и беседа. Названные методы широко применяются в практике психологической помощи, менеджмента и социальных исследований. Среди современных технологичных способов оценки эмоционального интеллекта можно обозначить мобильный тест эмоционального интеллекта (MEIT), программу Dharma Life, однако они ориентированы на взрослую популяцию и не могут быть использованы в практике работы с детьми [15–16]. Вместе с тем запрос на эффективные средства оценки эмоционального интеллекта с каждым годом возрастает.

В исследованиях эмоционального интеллекта детей поднимаются вопросы стратегий поведения ребенка, паттернов его эмоционального развития [12, 17]. При обсуждении возможностей применения тестов в детском возрасте и надежности получаемых с их помощью данных возникают серьезные возражения, поскольку вероятность адекватного понимания смысла вопроса и способности к самоотчету остается весьма малой в дошкольном и младшем школьном периоде и возрастает лишь к подростковому возрасту. Попытки адаптировать существующие методы либо разработать специализированную технологию выявления эмоционального интеллекта детей были предприняты рядом российских исследователей. Так, Т.Д. Савенкова, М.А. Нгунен предлагают использовать экспертную оценку и наблюдение как основные способы получения достоверной информации [3, 18]. Ю.А. Афонькина представила диагностическую модель оценки эмоционального интеллекта дошкольников 4–7 лет через систему экспериментальных ситуаций [19].

Отдельные диагностические пробы исследователи предлагают брать из комплексов оценки эмоционального развития (А.М. Щетинина, А.Д. Кошелева, И.О. Карелина, Е.И. Изотова, Ю.А. Лаптева и др.) [20–23].

Проведенный нами ранее обзор вышеперечисленных методов оценки эмоционального интеллекта позволяет обозначить некоторые их недостатки [24]:

1. По большей части отсутствует системный подход к феномену «эмоциональный интеллект» при выделении диагностических критериев.

2. Часть методик направлена на оценку «смежных» относительно эмоционального интеллекта параметров – самооценки, отношений в группе, понимания социальных норм и правил поведения и т.п.

3. Рекомендуемые методы экспертной оценки, опрос и анкетирование не всегда позволяют получить объективные, достоверные данные об изучаемом параметре в детской популяции.

4. Значительная часть диагностических проб для детей относится к категории проективных процедур, имеющих сложность и неоднозначность интерпретации фактов при обработке результатов.

5. Представленные в диагностических комплексах методики не учитывают изменившейся информационной среды и характера стимуляции, которую получает современный дошкольник.

6. Ни одна из предлагаемых процедур не позволяет отслеживать психофизиологические параметры эмоционального интеллекта (например, скорость решения ребенком поставленной задачи).

Настоящая статья посвящена описанию завершающего этапа проведенного исследования – результатам апробации программы и анализу ее эффективности.

Методология исследования

Для решения обозначенных проблем нами было проведено исследование, направленное на разработку и апробацию диагностического комплекса для оценки эмоционального интеллекта детей 5–7 лет.

Были поставлены следующие задачи:

- операционализация показателей эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста;
- отбор и адаптация диагностического материала;
- разработка тактики проведения обследования и системы заданий;
- разработка унифицированной системы фиксации и оценки результатов диагностической работы с детьми;
- написание кода программы;
- апробация программы и анализ ее эффективности.

Первый этап исследования был посвящен анализу подходов к структуре феномена эмоционального интеллекта и его характеристикам у детей дошкольного возраста. В результате нами были выделены следующие показатели эмоционального интеллекта детей 5–7 лет:

1. Эмоциональный праксис (способы выражения эмоции в мимике, пантомимике и просодике).

2. Перцептивный компонент (особенности распознавания базовых эмоций).

3. Языковой компонент (освоение языка эмоций).

4. Смысловой компонент (понимание содержательных сторон базовых эмоций).

5. Регулятивный компонент (способность к элементарной регуляции эмоциональных состояний).

Следует отметить, что по отдельности или в некоторых сочетаниях данные признаки включены в существующие диагностические комплексы, однако нами предложен системный подход к феномену, исходя из его структуры [25]. Мы постарались исключить из параметров оценки смежные психические явления, так или иначе связанные с эмоциональным интеллектом. Кроме того, традиционный перцептивный компонент эмоционального интеллекта был содержательно конкретизирован относительно возможностей детей дошкольного возраста: были обозначены ключевые перцептивные действия, обеспечивающие эффективность распознавания эмоциональных состояний. Содержание смыслового компонента эмоционального интеллекта также было уточнено: в него внесли способность ребенка учитывать эмоциональное состояние в процессе решения практических задач.

Решая задачу отбора и адаптации диагностического материала, мы проанализировали разработанные и зарекомендовавшие себя методы оценки эмоционального интеллекта как взрослых, так и детей [20]. Теоретический анализ позволил выделить ряд основных эмоций, доступных для освоения детьми 5–7 лет: базовые переживания (радость, грусть, страх, гнев, спокойствие), социальные эмоции (вина, гордость) и интеллектуальные эмоции (удивление). Поскольку нами было принято решение о приближении системы стимуляции в условиях диагностики к процессам восприятия и анализа эмоции в реальной жизни, мы организовали пилотажное исследование по разработке и апробации обогащенного стимульного материала. Отбор диагностического материала осуществлялся на предварительном этапе исследования методом экспертной оценки. В качестве экспертной группы выступали специалисты дошкольных образовательных организаций г. Новокузнецка, педагоги-психологи Отделения ранней помощи «Семья» ГОО Кузбасский РЦППМСП «Здоровье и развитие личности», сотрудники кафедры общей и дошкольной педагогики и психологии факультета дошкольной и коррекционной педагогики и психологии Кемеровского государственного университета. В результате был произведен отбор пиктограмм с изображением мимических реакций, разработаны пиктограммы пантомимики, gif-изображения мимики и пантомимики и аудиоматериалы для каждой из выбранных эмоций.

Была разработана тактика реализации отдельных заданий и диагностического комплекса в целом, а также унифицированная система фиксации и

оценки результатов диагностической работы с детьми. Субтесты 1–3 представляют собой экспериментальные ситуации с включением специального мультимодального стимульного материала: изображения мимических и пантомимических реакций в статике (картинка) и динамике (gif-изображения), аудиоматериалы. Содержание стимульного материала отражает признаки основных эмоций (радость, грусть, гнев, страх, удивление, вина, спокойствие, гордость). Субтест 4 фиксирует результаты наблюдения за спонтанным поведением детей в условиях свободной самостоятельной деятельности.

Апробация диагностических заданий и программы проводилась использованием формата .ppt (PowerPoint) на выборке детей 5–7 лет в 2018–2019 гг. на базе МБ ДОУ «Детский сад № 226» и МБ ДОУ «Детский сад № 248» г. Новокузнецка. Анализ эмпирических данных показал, что стимульный материал и задания являются доступными и достаточно экологичными для детей 5–7 лет [26]. Используемый формат .ppt (PowerPoint) позволил оценить качество стимульного материала, диагностировать обозначенные параметры, однако работа специалиста была осложнена необходимостью одновременно взаимодействовать с ребенком, компьютером и бланками фиксации.

Следующим шагом исследования стало написание кода программы¹. Программа «EQ.дети» реализована на современном языке программирования JavaScript с применением фреймворка Electron. Подобное решение позволяет обеспечить ее работу на различных операционных системах, что особенно актуально для образовательных организаций, где возрастает количество компьютеров с операционной системой GNU / Linux.

Структура диагностической компьютерной программы «EQ.дети»

Субтест 1. Оценка элементарного эмоционального праксиса

Задания субтеста направлены на оценку освоения ребенком способов выражения эмоции в мимике, пантомимике и просодике (элементарный эмоциональный праксис). С этой целью были использованы серии 1 и 2 из методики «Диагностика эмоционального интеллекта детей 4–7 лет» [19]. Первая часть субтеста – изучение характера мимических и пантомимических реакций ребенка. Для этого на экране представлена инструкция типа «*Изобрази (с помощью мимики и пантомимики) радостного мальчика (девочку)*» и способ фиксации качества выполнения задания ребенком. Вторая часть субтеста 1 ориентирована на диагностику голосового эмоционального праксиса. Задания по форме представления аналогичны первой части субтеста 1, изменяются только формулировка инструкции («*Произнеси фразу “У меня есть собака” как будто сердисься*») и содержание деятельности ребенка. В совокупности в данном субтесте предложено 16 заданий (8 на оценку мимического и пантомимического праксиса и 8 для оценки просодики).

¹ Токарева О.А., Токарева У.Р., Серый А.В. «EQ.дети». Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020616452 от 17.06.2020.

В зависимости от качественных характеристик деятельности дошкольника в условиях данного субтеста пользователь оценивает действия, а программа начисляет баллы. В совокупности при получении 0–15 баллов уровень сформированности элементарного эмоционального праксиса оценивается как низкий: ребенок испытывает значительные затруднения при выражении эмоциональной реакции, внешние проявления не соответствуют содержанию переживания. Движения обычно скудные, недифференцированные, однообразные, интонационная окраска бедная. Из всего арсенала выразительных средств (мимика, жестикуляция, просодика) чаще используется только одно. Если ребенок набирает 16–31 балл, уровень сформированности элементарного эмоционального праксиса оценивается как средний. Ребенок совершает несколько попыток выразить эмоцию. Помимо жестикуляции может при демонстрации базовых эмоций (страха, гнева, печали, радости) изменять положение тела. Сложные переживания отражаются в праксисе с некоторыми затруднениями или смешиваются (подменяются) базовыми. Мимические движения достаточно свободны и разнообразны. При интонировании может модулировать голос, использовать некоторые экстралингвистические и паралингвистические средства. При выполнении задания большая часть применяемых ребенком средств выразительности адекватна демонстрируемой эмоции. При получении 32–48 баллов уровень оценивается как высокий: ребенок быстро и живо реагирует, стремится максимально точно выразить эмоцию. Помимо жестикуляции может свободно изменять положение тела, мимические движения свободны и разнообразны, при интонировании модулирует голос, использует различные экстралингвистические и паралингвистические средства. Применяемые средства выразительности адекватны демонстрируемой эмоции.

Субтест 2. Оценка перцептивного и языкового компонентов эмоционального интеллекта

Субтест 2 предназначен для диагностики распознавания ребенком базовых эмоций: выделения эмоции из информационного потока, ее идентификации, соотнесения разных внешних признаков данной эмоции, формирования языка эмоций. Задания на восприятие эмоций являются достаточно распространенными в диагностической практике педагога-психолога образовательной организации и часто объединяются с получением информации относительно освоения ребенком словаря эмоций. В связи с тем что перцептивный компонент является, с одной стороны, достаточно сложным образованием, а с другой – ключевым компонентом эмоционального интеллекта, оформляющимся практически в полной мере к концу старшего дошкольного возраста, содержание диагностической программы в рамках данного субтеста наиболее обширно и разнообразно. В структуре субтеста можно обозначить два условных элемента, связанных со структурой перцептивных действий, формирующихся в детском возрасте, – это действия идентификации и соотнесения. Первое позволяет определить тип эмоционального состояния по какому-либо признаку (мимике, жестикуляции, просодике), второе помогает сопоставить получаемую перцептивную ин-

формацию разного типа (например, аудиальную и визуальную, статичную и динамичную и пр.). Подобные диагностические пробы, являясь крайне интересными и показательными, тем не менее встречаются только в работах Дж. Гилфорда и М. Салливена и не адаптированы для детей 5–7 лет в российских условиях.

При разработке тестовых заданий на идентификацию эмоций и сформированность языка эмоций использовалась вторая серия заданий из «Методики изучения понимания эмоциональных состояний людей, изображенных на картинке» (часть 1 субтеста 2) [27]. Задания были модифицированы в содержании стимульного материала: мы включили в него апробированный ранее расширенный комплект стимульного материала (пиктограммы мимики и пантомимики, gif-изображения мимики и пантомимики и аудиоматериалы для каждой из выбранных эмоций). Распознавание эмоции является одной из самых ранних способностей, возникающих в онтогенезе. Для нас важно было выяснить, насколько хорошо ребенок 5–7 лет ориентируется в различных признаках эмоции – мимике, пантомимике, интонации; причем первые два признака включены в программу в двух вариантах предъявления – в виде статичного изображения (картинка) и в динамическом виде (gif-изображение). При работе с программой пользователь периодически предъявлял ребенку мультимодальный стимульный материал. Первая часть субтеста 2 начинается с серии заданий на идентификацию пантомимических реакций в статике (пиктограммы), после чего идут серии заданий на идентификацию мимических и пантомимических реакций в динамике (gif-изображения). Пользователь озвучивал ребенку инструкцию на распознавание характера эмоции (например, *«Посмотри на картинку и скажи, какое это настроение»*). Если ребенок пользовался правильной эмотивной лексикой, называл переживание, пользуясь любой формой слов (существительные, прилагательные, глаголы, например «радость», «грустит», «злой»), то пользователь отмечал такие ответы специальным образом (ставил отметку на надписи *«Названо точное слово»*). Первая часть субтеста 2 завершается серией заданий на идентификацию интонационной окраски речи. Для этого ребенку предлагали инструкцию: *«Послушай запись и скажи, какое это настроение»*, – после чего включали аудиозапись (программа дает возможность регулировать громкость воспроизведения, повторно прослушивать и приостанавливать запись). Ответ ребенка фиксировался тем же способом, что и ранее.

Тестовые задания на соотнесение эмоций и сформированность языка эмоций были разработаны с опорой на субтест 2 «Группы экспрессии» из «Методики исследования социального интеллекта» (часть 2 субтеста 2) [28]. Данная группа заданий позволяет изучить сформированность перцептивного действия соотнесения: сопоставить получаемую перцептивную информацию разных типов (например, аудиальную и визуальную, статичную и динамичную и пр.). Для этого на экран выводится по два типа стимулов (аудиостимул и пиктограмма мимики, gif-изображение мимики и пиктограмма позы, аудиостимул и gif-изображение позы) с инструкцией, напри-

мер: «Послушай голос и выбери подходящее лицо», «Посмотри на лицо человека и выбери подходящую фигурку», «Послушай голос и выбери подходящую фигурку». Все задания сопровождались специальным значком для фиксации сформированности эмотивной лексики.

В данном субтесте предложено 56 заданий (32 на оценку перцептивного действия идентификации и 24 для оценки действия соотнесения).

В совокупности при получении 0–63 баллов уровень сформированности перцептивного и языкового компонентов эмоционального интеллекта оценивается как низкий: ребенок неверно определяет эмоциональное состояние, адекватно опознает эмоциональное состояние по «знаку» переживания, но не модальности («плохое» вместо «злое» или «грустное», «не плохое и не хорошее, нормальное» вместо «удивленное»). При сумме баллов 64–127 уровень сформированности перцептивного и языкового компонентов эмоционального интеллекта оценивается как средний. Ребенок опознает эмоциональное состояние по модальности (базовые переживания). Название по большей степени соответствует эмоции в задании (близкое по смыслу, но не точное). Может сохраняться опознание «по знаку» в социальных и интеллектуальных эмоциях. Сумма баллов 128–192 относится к высокому уровню перцептивного и языкового компонентов эмоционального интеллекта. для уровня характерны адекватное распознавание эмоциональных состояний, использование названий в форме прилагательного, существительного, глагола, допустимы синонимы в обозначении эмоции.

Субтест 3. Оценка смыслового компонента эмоционального интеллекта

Субтест 3 ориентирован на диагностику смыслового компонента эмоционального интеллекта – понимание содержательных сторон базовых эмоций. Этот тип заданий является одним из самых сложных для выполнения ребенком дошкольного возраста. Во-первых, в связи с тем, что смысловой аспект эмоции только начинает формироваться в детском возрасте и интенсивно разворачивается в подростковом и юношеском возрасте. Во-вторых, задание требует самостоятельной вербализации интрапсихических явлений, что само по себе оказывается трудным для ребенка 5–7 лет. В структуру субтеста включено два типа заданий: для актуализации осознания опыта переживания эмоциогенных ситуаций и для изучения способности учитывать эмоциональное состояние в процессе решения практических задач (эмоциональная фасилитация мышления).

Тестовые задания на актуализацию опыта поведения в эмоциогенной ситуации были составлены на основе беседы на осознание детьми собственных эмоций [27]. Дошкольнику задают вопросы типа: «Когда тебе весело? Что ты делаешь, когда тебе весело?» – и в зависимости от содержания ответа производится качественная и количественная оценка.

Тестовые задания на ориентировку в возможных формах поведения в эмоциогенной ситуации разработаны с опорой на секцию «В» теста MSCEIT v.2.0 [29]. Адаптация касалась подбора и оценки адекватности содержания ситуаций и набора эмоций, на основе теоретического анализа

и полученных ранее эмпирических материалов были выделены наиболее типичные ситуации, связанные с пониманием и переживанием основных эмоций и сформулированы вопросы-задания детям. Вторая часть субтеста 3 представлена инструкцией типа: *«Какое настроение помогло бы украсить комнату для празднования дня рождения?»* – и пиктограммами мимических реакций. Ребенку предлагается выбрать подходящий рисунок. Допустимой при проведении данной пробы является помощь ребенку в форме соответствующего интонирования при описании ситуации, однако нежелательным является мимическое и пантомимическое сопровождение ситуации психологом.

Всего в субтесте 16 заданий, из них 8 вопросов и 8 характерных ситуаций (по одной на каждую из основных эмоций).

В зависимости от качественных характеристик деятельности дошкольника в условиях данного субтеста пользователь оценивает действия, выбирает соответствующий значок, а программа начисляет баллы. В совокупности при получении 0–15 баллов уровень сформированности смыслового компонента эмоционального интеллекта оценивается как низкий: ребенок не может выделить ситуацию, в которой проявляются различные эмоциональные состояния, не устанавливает связь между ситуацией, действием и эмоцией. Может называть ситуации, в которых возникает какая-либо базовая эмоция, но испытывает затруднения при уточнении содержания ситуации, событий, действий. Сумма 16–31 балл соответствует среднему уровню смыслового компонента, который проявляется в возможности ребенка осознавать ситуации базовых переживаний (страх, радость, грусть, гнев), в остальных случаях он склонен объединять ситуации по «знаку» эмоции. Ребенок в целом ориентируется в смысловом содержании эмоций, однако для точной трактовки ему необходима помощь взрослого. При получении 32–48 баллов можно говорить о высоком уровне смыслового компонента: ребенок адекватно и свободно ориентируется в личном эмоциональном опыте, может выделить причины и последствия той или иной эмоции, предлагает несколько альтернативных и достаточно адекватных вариантов эмоционального поведения.

Субтест 4. Оценка регулятивного компонента эмоционального интеллекта

Субтест 4 предназначен для оценки регулятивного компонента эмоционального интеллекта (способность к элементарной регуляции эмоциональных состояний). Поскольку в отечественной психологии произвольность понимается как одно из ключевых новообразований дошкольного детства, способность к элементарной регуляции эмоций включена во многие диагностические пробы; к наиболее популярным пробам относится опросник «Характер проявлений эмпатических реакций и поведения у детей» [23]. Именно эта проба была выбрана нами в качестве базовой для разработки субтеста 4. Вопросы были дополнены согласно двум типам заданий: переживание эмоции ровесником и включенность в эмоциогенную ситуацию самого ребенка. Рекомендуется провести серию предварительных наблю-

дений и составить актуальную картину поведения ребенка, после чего пользователю предлагается из предложенного списка выбрать типичные для ребенка реакции.

Субтест включает в себя 15 наиболее характерных для дошкольника поведенческих реакций в эмоциогенной ситуации (от отсутствия признаков контроля эмоции и / или ее маскировки до попыток привлечения взрослого и просьб о помощи и, наконец, использования конкретных приемов саморегуляции), каждая из которых в зависимости от своего характера оценивается в баллах. Баллы суммируются и определяется уровень сформированности регулятивного компонента эмоционального интеллекта. Сумма 5–7 баллов соответствует низкому уровню, который проявляется в отсутствии в поведении ребенка каких-либо признаков эмоционального реагирования на ровесника, бедности или слабости персональной эмоциональной жизни. Возможны всплески эмоциональных реакций при отсутствии признаков управления ими. Сумма 8–11 баллов соотносится со средним уровнем регулятивного компонента. Ребенок оказывается несамостоятельным в эмоциогенной ситуации: при наличии рядом взрослого дошкольник обращается к нему, ожидает поддержки и похвалы в случае выполнения социально желательных действий (проявление сочувствия, помощи и пр.). Высокий уровень регулятивного компонента в количественном выражении охватывает интервал 12–15 баллов. В таком случае поведение ребенка в эмоциогенной ситуации носит активный и самостоятельный характер. Наблюдается инициативное стремление ребенка включиться в ситуацию, оказать партнеру поддержку; часты попытки регулировать свое поведение.

Интегральные показатели программы «EQ.дети»

Программа «EQ.дети» предназначена для диагностики эмоционального интеллекта детей 5–7 лет через оценку таких его параметров, как сформированность элементарного эмоционального праксиса и перцептивных процессов как базовых для становления способности к пониманию и регуляции переживаний при условии освоения ребенком языка эмоций. Программа предполагает количественную оценку результатов выполнения диагностических заданий с последующим суммированием и определением уровня развития каждого из компонентов. Кроме того, интегральным показателем является уровень актуального развития эмоционального интеллекта ребенка, для чего определяется суммарный балл, который соотносится с выделенными нами интервалами.

Так, низкий уровень фиксируется при итоговой сумме баллов 5–100. Ребенок в целом обладает бедной эмоциональной жизнью: не освоил эмоциональный праксис (движения скудные, недифференцированные, однообразные, а интонационная окраска бедная); в области перцепции чаще ошибочно определяет эмоциональное состояние, адекватно опознает переживание только по «знаку»; плохо осознает эмоциогенную ситуацию, не может связать ситуацию и типичные эмоции (кроме 1–2 базовых); не регу-

лирует собственное состояние и не может включиться в переживания партнера.

При сумме баллов 101–200 уровень эмоционального интеллекта в целом определяется как средний. В области праксиса доступны мимические реакции и частично пантомимические и интонационные (для базовых эмоций); возможно опознание и осознание эмоциональных состояний по модальности (базовые переживания), частично освоен словарь эмоций; ребенок в целом ориентируется в смысловом содержании эмоций, однако для точной трактовки ему необходима помощь взрослого; эта же поддержка нужна ему и для совершения регулятивных действий.

Высокому уровню эмоционального интеллекта соответствуют суммы 201–303 балла. Ребенок быстро и живо реагирует, стремится максимально точно выразить эмоцию, владеет различными практическими средствами выражения, адекватно распознает эмоциональное состояние, пользуется эмотивной лексикой, свободно ориентируется в личном эмоциональном опыте, может выделить причины и последствия той или иной эмоции; поведение ребенка в эмоциогенной ситуации носит самостоятельный и регулируемый характер.

Таким образом, программа «EQ.дети» позволяет не только получить фактические данные относительно частных способностей детей 5–7 лет, но и результат интегральной оценки эмоционального интеллекта. Перенос диагностической программы в формат компьютерного средства (.exe) позволил нам включить дополнительный параметр оценки данных, важный с точки зрения количественного подхода к интеллекту в целом: фиксировать время выполнения ребенком отдельных заданий в субтестах 1 и 2. Информация об этом признаке является доступной специалисту в базе данных программы «EQ.дети».

Общий алгоритм работы с программой «EQ.дети»

Предлагаемая программа позволяет не только оперативно собирать фактические данные относительно уровня эмоционального интеллекта детей 5–7 лет, но и хранить их и трансформировать в удобный для пользователя формат. Для обращения к базе данных программы «EQ.дети» у пользователя есть несколько возможностей: режимы «Результаты тестов», «Дети», «Группы».

При выборе «Результаты тестов» можно ознакомиться с результатами предыдущего тестирования. Пользователю будет представлен список детей, прошедших тестирование с указанием имени, даты рождения, пола, а также даты прохождения теста и его длительности. Пользователь может удалить отдельные результаты тестирования, а также просмотреть детали тестирования. На экране будет представлена информация о данных на ребенка (имя, группа), дате и длительности тестирования, пройденных субтестах и их результатах, а также краткое итоговое заключение об уровне эмоционального интеллекта.

При работе с окном «*Результаты тестирования*» можно произвести выбор результатов, проставив отметку в левой части списка. Завершенный выбор делает активной кнопку «*Экспорт*», открывает окно «*Сохранение*», предлагая пользователю сохранить выбранные результаты в формате Excel в нужной папке. Также можно произвести выбор группы детей, прошедших тестирование ранее (по умолчанию программа предлагает полный список результатов в базе). Для этого нужно кликнуть по окну «*Группа*», что откроет вкладку с перечнем имеющихся групп. Пользователь может выбрать интересующую его группу и перейти к новому списку детей для просмотра и / или иных действий с результатами.

Стартовое окно также позволяет выбрать окно «*Дети*», при переходе на которое пользователь может познакомиться со списком детей, уже находящихся в базе данных теста, удалить ненужные или ошибочно внесенные данные. Окно «*Дети*» позволяет расширять базу данных, кликнув по кнопке «*Добавить ребенка*». Это приведет к открытию диалогового окна, где необходимо заполнить соответствующие поля. По завершении заполнения данных пользователь может или отменить совершенные действия, или сохранить введенные данные. После окончания тестирования на экран выводится окно с результатами теста. В данном окне будут указаны имя ребенка, группа, длительность тестирования и его дата, количество пройденных субтестов. Результаты теста по отдельным субтестам представлены в формате линейной диаграммы. Общие результаты тестирования описываются в окне как актуальный уровень развития эмоционального интеллекта. Результаты теста можно перенести в файл формата Excel, нажав кнопку «*Экспортировать*» и сохранить в любой удобной для пользователя папке.

Условия апробации программы «EQ.дети»

Программа «EQ.дети» была апробирована в условиях МБ ДОУ «Детский сад № 226» г. Новокузнецка в январе–марте 2020 г. В выборку вошли дети, посещающие старшую и подготовительную группы ДОО в количестве 96 человек, общая характеристика выборки представлена в табл. 1. Апробация программы «EQ.дети» проводилась индивидуально с каждым из детей, временные затраты на одного ребенка составили в среднем 20 мин. Для внесения данных в субтест 4 было организовано предварительное наблюдение за поведением детей в условиях свободной деятельности.

Таблица 1

Общая характеристика выборки

Группа	Возраст	Пол		Количество
		М	Ж	
1	6 лет, 7 мес.	12	10	22
2	6 лет, 9 мес.	15	10	25
3	5 лет, 8 мес.	13	14	27
4	5 лет, 10 мес.	12	10	22

Результаты исследования

Апробация программы «EQ.дети» позволила получить большой объем эмпирических данных относительно актуального уровня развития эмоционального интеллекта у детей 5–7 лет. Средние баллы отдельных субтестов и теста в целом представлены в табл. 2.

Таблица 2

Средние значения данных программы «EQ.дети» по выборке апробации

Группа	Субтесты (балл)				Итого (балл)
	1	2	3	4	
1	21,5	87,5	22,7	10,3	142
2	24,6	91,8	25,2	10,4	152,0
3	24,3	95,1	25,0	10,9	155,3
4	24,3	101,3	24,9	10,7	161,1
М	23,8	94,5	24,6	10,6	153,4

Как показало исследование, все рассмотренные далее величины подчинены закону нормального распределения. Значения субтеста 1 (оценка элементарного эмоционального праксиса) преимущественно находятся в пределах границ среднего уровня (16–31 балл), что говорит о достаточной мере сформированности показателя «эмоциональный праксис», $\sigma = 5,8$. Значения субтеста 2 (оценка перцептивного компонента) также находятся в границах среднего уровня (64–127 баллов), $\sigma = 20,5$. Результаты оценки смыслового компонента эмоционального интеллекта (субтест 3) имеют те же тенденции, что и в предыдущих субтестах: значения в основной части находятся в пределах границ среднего уровня (16–31 балл), $\sigma = 5,7$. По результатам субтеста 4 можно говорить о том, что большая часть значений расположена в пределах границ среднего уровня (8–11 баллов), $\sigma = 1,3$.

Чаще всего фиксировались случаи поведения, когда реакция взрослого является крайне важной для ребенка, и относительно редки (10–15%) случаи самостоятельной произвольной регуляции эмоциональной реакции. Интегральный показатель (уровень актуального развития эмоционального интеллекта) у значительной части детей 5–7 лет (48%) зафиксирован на среднем уровне (средние тестовые баллы колеблются от 123 до 182). 33% выборки демонстрируют интегральный показатель на высоком уровне (тестовый балл от 201 и более). Часть детей (19%) обладают низким уровнем эмоционального интеллекта (тестовый балл от 77 до 100).

Обсуждение результатов

Поскольку настоящая статья посвящена описанию апробации программы и анализу ее эффективности, необходимо остановиться на характерных особенностях практической работы с программой «EQ.дети». В целом нами было замечено, что работа с компьютером является очень привлекательной деятельностью для детей 5–7 лет, что позволяет удерживать инте-

рес и продуктивное внимание достаточное для выполнения всех диагностических заданий время. При выполнении заданий субтеста 1 дети достаточно уверенно демонстрировали эмоциональные реакции с применением мимических движений (основной объем выборки, около 75%), а также пантомимики, просодики. Следует отметить, что выражение базовых эмоций (радость, грусть, страх, гнев) удается дошкольникам значительно лучше, тогда как интеллектуальные и социальные переживания (стыд, удивление, гордость) имеют меньшую степень выразительности. При этом при оценке праксиса мы наблюдали замену реакции стыда на грусть, удивления на страх, а движения, типичные для гордости, многие дети заменяли улыбкой.

Наблюдая за поведением детей в ходе работы с субтестом 2, мы отметили, что дети с удовольствием рассматривали gif-изображения, прослушивали стимульный аудиоматериал. При этом больший интерес у дошкольников вызывали задания на соотнесение, когда на экране одновременно представлен разнохарактерный стимульный материал и задача, казалось бы, усложнялась. Однако данную часть субтеста дети выполняли несколько лучше, чем задания на идентификацию. Субтест 2 одновременно позволил оценить сформированность языка эмоций у детей 5–7 лет. Наименьшая степень языковой опосредованности отмечена у эмоций «гордость» и «вина» (дети распознавали данные переживания, могли соотнести их с характерными ситуациями, но дать однозначного названия им пока не в состоянии), что является возрастной нормой. Остальные переживания имеют опосредованный характер, причем проще всего детям применять данную способность с опорой на динамический стимульный материал (gif-изображения). На наш взгляд, важными являются формирование у человека способности к соотнесению всего спектра впечатлений и возможность на этой основе создавать точный перцептивный образ эмоции. Мы можем подчеркнуть, что субтест 2 предоставляет широкий спектр эмпирических данных относительно перцептивного компонента эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста. Использование мультимедального стимульного материала позволяет поддерживать активное внимание детей на протяжении всей работы.

Первая часть субтеста 3 (беседа для актуализации осознания опыта переживания эмоциогенных ситуаций) вызывала некоторые затруднения у части детей в связи с недостатком освоения ими речи: дети давали краткие, односложные ответы; часты были однотипные ответы («смотрю мультики», «ничего не делаю» в ответ на вопрос о том, какие действия совершаются ребенком в разных эмоциогенных ситуациях). Однако значительное количество детей (47–75% в разных группах) успешно включались в беседу и обсуждали различные эмоциогенные ситуации. При изучении способности учитывать эмоциональное состояние в процессе решения практических задач (вторая часть субтеста 3) мы отметили, что наличие на экране визуального материала повышало продуктивность выполнения заданий, дети с удовольствием и интересом рассматривали и выбирали подходящие

пиктограммы. Причем однозначным лидером является ситуация отстаивания и защиты себя (гнев) – более 70% детей дают правильный ответ. Близкими к успешным в области осознания являются также эмоции радости, грусти, спокойствия и удивления (45–60% правильных ответов). Мы считаем, что предложенное в программе «EQ.дети» расширение критериев оценки смыслового компонента эмоционального интеллекта позволяет более точно диагностировать данный феномен и получать информацию как о представлениях ребенка об эмоциях, так и том, в какой ситуации конкретное состояние будет наиболее продуктивным и целесообразным.

Оценка регулятивного компонента эмоционального интеллекта (субтест 4) предполагала фиксацию в программе «EQ.дети» результатов предварительного наблюдения за спонтанным поведением детей в ситуациях свободного общения с ровесниками и взрослыми. Продолжительность наблюдения за детьми составила в среднем по 1,5–2 часа на ребенка, ситуации наблюдения были выбраны таким образом, чтобы регламентирующее влияние взрослого (педагога) было относительно низким – ситуации прогулки и самостоятельной игры во второй половине дня. На период 5–7 лет приходятся начальные стадии становления признака, когда психическая функция оказывается в зоне ближайшего развития и проявляется в условиях совместной деятельности с носителем функции. Следует отметить, что выбор метода наблюдения для получения первичных сведений о поведении ребенка в данном субтесте оправдан, несмотря на значительные затраты времени, поскольку беседа с ребенком может предоставить информацию о его представлениях, но не о реальной картине совершаемых действий, а опросы педагогов и / или родителей не всегда дают достоверные сведения. Включение данного метода в программу позволяет ускорить обработку результатов и избежать необходимости распечатки бланков наблюдений или анкет.

Одним из важных аспектов разработки нового диагностического средства является оценка степени его достоверности и устойчивости получаемых фактических данных. При оценке валидности результатов мы опирались на содержательное соответствие характеристик, получаемых с помощью программы «EQ.дети», и результатов проведенных ранее исследований развития эмоциональной сферы дошкольника вообще и эмоционального интеллекта в частности [19, 21–22]. Так, выявленные характеристики эмоционального праксиса содержательно совпадают с результатами, полученными в исследованиях Ю.А. Афонькиной, А.Д. Кошелевой. Поскольку идентификация эмоций, возможность понимать и регулировать их являются процессами, интенсивно изучавшимися на протяжении более чем 50 лет, то мы можем установить содержательное соответствие полученных нами результатов с данными проведенных ранее исследований (И.О. Карелина, Ю.А. Лаптева). Проверка валидности второй части субтеста 2 и второй части субтеста 3 несколько сложнее, поскольку ранее подобные пробы с детьми дошкольного возраста не проводились. В связи с этим мы сопоставили данные, полученные с помощью программы «EQ.дети», с материалами пилотажного

исследования; получены показатели корреляции (г-Пирсона) $R = 0,74$ и $R = 0,68$ соответственно, что подтверждает достоверность результатов [26].

Критериальная валидность программы «EQ.дети» проверялась с помощью экспертной оценки. Для этого были проведены опросы относительно степени сформированности показателей эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста. Нами был разработан опросный лист, в содержание которого включены отдельные признаки каждого из показателей эмоционального интеллекта детей 5–7 лет. Респондентам было предложено оценить их по 4-балльной системе: от «практически не проявляется» (0 баллов) до «проявляется очень часто» (3 балла). В качестве экспертов выступали педагоги ДОО, работающие с данными детьми не менее 12 месяцев, и родители дошкольников. Общее количество привлеченных экспертов составило 105 человек (в том числе 8 педагогов и 96 родителей). Значения коэффициента корреляции г-Пирсона отражены на рис. 1 и подтверждают общую достоверность результатов программы «EQ.дети» ($R = 0,77$). Частные случаи отклонений возможно объяснить субъективной оценкой признака с позиции отдельных родителей. Мы также можем отметить, что при сопоставлении результатов экспертного опроса и данных программы «EQ.дети» по отдельным показателям эмоционального интеллекта отмечается некоторая разница. Так, максимально приближены значения корреляции по показателю «эмоциональный праксис» ($R = 0,9$), тогда как показатели «перцептивный компонент» и «регулятивный компонент» несколько ниже: $R = 0,83$ и $R = 0,86$ соответственно, – но тем не менее подтверждают достоверность результатов диагностической программы «EQ.дети».

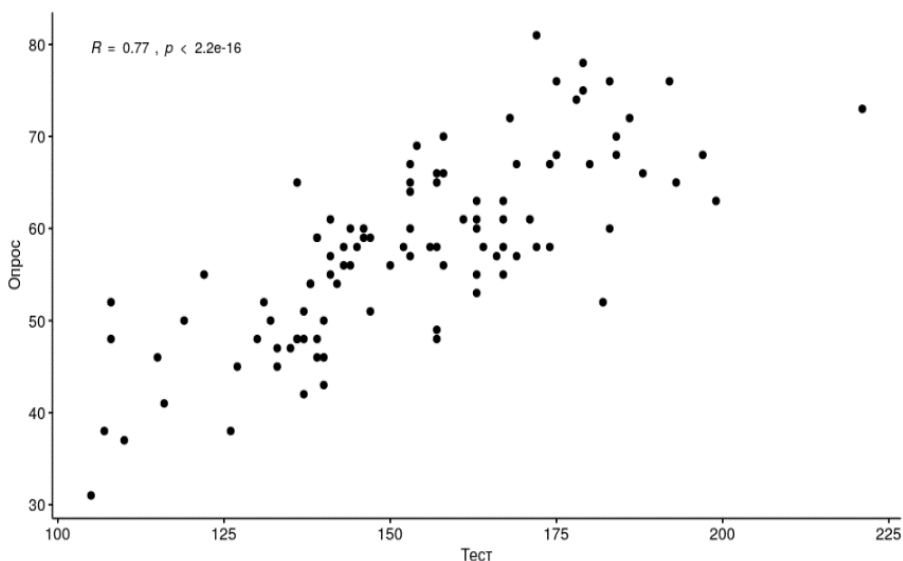

Рис. 1. Показатели критериальной валидности программы «EQ.дети»

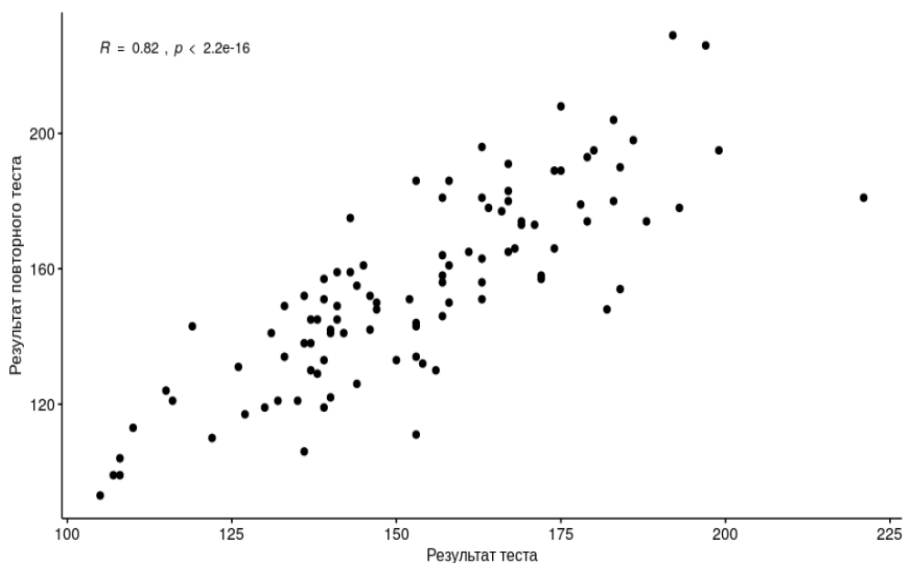

Рис. 2. Показатели ретестовой надежности программы «EQ.дети»

Ретестовая надежность в рамках настоящего исследования проверялась с помощью повторного тестирования детей. Интервал между отдельными тестами составил 20 дней (± 4 дня). Для проверки был использован коэффициент корреляции г-Пирсона. Расчеты производились в компьютерной программе R Project. Значения коэффициента корреляции, отраженные на рис. 2, показывают достаточно высокую степень устойчивости методики к воздействиям внешней среды ($R = 0,82$).

Выводы

В рамках настоящего исследования была разработана диагностическая компьютерная программа «EQ.дети», предназначенная для оценки эмоционального интеллекта детей 5–7 лет. Программа ориентирована на выявление таких показателей эмоционального интеллекта, как сформированность элементарного эмоционального праксиса и перцептивных процессов как базовых для становления способности к пониманию и регуляции переживаний при условии освоения ребенком языка эмоций. Нами было конкретизировано содержание перцептивного и смыслового компонентов относительно возможностей детей 5–7 лет: помимо действия идентификации в перцептивный компонент включено действие соотнесения различных признаков эмоции как предпосылка формирования ее целостного перцептивного образа; в содержание смыслового компонента внесена способность ребенка учитывать эмоциональное состояние в процессе решения практических задач.

В качестве способов получения фактической информации были выбраны экспериментальные ситуации, беседа и наблюдение как наиболее эффективные методы оценки психических возможностей ребенка 5–7 лет. Сделан акцент на необходимость изучения эмоционального интеллекта с опорой не только на статичное изображение мимической реакции, но и на динамические аспекты эмоции. Разработаны и введены в программу мультимодальные стимульные материалы (пиктограммы, gif-изображения и аудиофайлы). Технические сложности предъявления динамических изображений мы смогли разрешить через использование современных информационных технологий. В результате диагностика осуществляется, во-первых, с опорой на разнообразные признаки эмоциональной реакции, во-вторых, с включением разных экологических для дошкольника методов (экспериментальная игровая ситуация, беседа, наблюдение), в-третьих, собственно работа с компьютерной программой для современных дошкольников является привлекательной и понятной формой взаимодействия. Удовлетворяются требования по форме проведения диагностики (индивидуальная) и по ее продолжительности (20–25 мин).

Фактические данные обрабатываются программой и предлагаются пользователю в удобном формате (график, текст, таблица). Помимо балльной оценки программа предоставляет сведения о скоростных характеристиках эмоционального праксиса и перцепции как базовых для развития эмоционального интеллекта в детском возрасте. Программа позволяет минимизировать временные и материальные ресурсы как специалиста, так и детей, при этом предоставляя широкий диапазон сведений как по отдельным показателям эмоционального интеллекта, так и по феномену в целом. Полученные в ходе апробации программы результаты совпадают в общих тенденциях с возрастными закономерностями становления психической функции вообще (неравномерность, гетерохронность), а также с закономерностями развития эмоциональной сферы в детском возрасте. Получены положительные результаты относительно ретестовой надежности и валидности программы «EQ-дети».

Перспективным направлением исследования эффективности программы можно обозначить ее апробацию на расширенной выборке с включением детей младшего школьного возраста. Это позволит изучить степень экологичности стимульного материала и провести рестандартизацию результатов. В практике работы специалистов ДОО программа «EQ-дети» будет полезна как альтернативный способ углубленной диагностики эмоционального интеллекта в целом и его частных параметров.

Литература

1. Mancini G. Trait Emotional Intelligence and Draw-A-Person Emotional Indicators: a First Study on 8-Year-Old Italian Children // *Child Indicators Research*. 2018. Vol. 12 (5). P. 1629–1641. DOI: 10.1007/S12187-018-9601-0.
2. Schutte N.S., Malouff J.M. Comment on Developments in Trait Emotional Intelligence Research: a Broad Perspective on Trait Emotional Intelligence // *SAGE*. 2016. Vol. 8, is. 4. P. 343–344. DOI: 10.1177/1754073916650499.

3. Савенкова Т.Д. Методика диагностики базовых параметров эмоционального интеллекта дошкольника // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. педагогика и психология. 2017. № 3. С. 47–53.
4. Ravindran G., Ramesh P.G., Inayath S.B. Ahamed and Arumugam Dharmaraj. Dynamics of Family Structure on Emotional Intelligence of Secondary School Children // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. Vol. 24, is. 5. P. 1828–1834. DOI: 10.37200/IJPR/V24I5/PR201855.
5. Silakova M.M., Zakharova L.M. Sociocultural context of emotional intelligence development of 5–7 year old children // J Psychol Cognition. 2018. Vol. 3 (1). P. 6–10. DOI: 10.35841/psychology-cognition.3.1.6-10.
6. Cooper R.K. EQ-Map: Interpretation guide. San Francisco : AIT and Essi systems. Plians ; New York : Addison Wesley Longman, 1996.
7. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. Emotional intelligence: Theory, Findings, and Implications // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15, № 3. P. 197–215.
8. Диагностика «эмоционального интеллекта» (Н. Холл) // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. С. 57–59
9. Князев Г.Г, Митрофанова Л.Г., Разумникова О.М., Барчард К. Адаптация русскоязычной версии опросника эмоционального интеллекта К. Барчард // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 4. С. 112–120.
10. Робертс Р.Д., Мэттьюс Д., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 1 (4). С. 3–26.
11. Bar-On R. Development of the Bar-On EQ-I: a measure of emotional intelligence : Paper presented at 105th Annual Convention of American Psychological Association. Chicago, 1997.
12. Orel E.A., Ponomareva A.A. The Patterns of the First-Graders' Noncognitive Development at the Very Beginning of Their School Life // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2018. Vol. 15, № 1. P. 107–127. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-107-127.
13. Petrides K.V., Furnham A. Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomis // European Journal of Personality. 2001. Vol. 15. P. 428–448.
14. Гουλман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М. : Альпина Паблишер, 2018. 301 с.
15. Poonamallee L., Harrington A.M., Nagpal M., Musial A. Improving Emotional Intelligence through Personality Development: the Effect of the Smart Phone Application based Dharma Life Program on Emotional Intelligence // Front. Psychol. 2018. Vol. 9. P. 169. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00169.
16. Sanchez-Gomez M., Bresó E. The Mobile Emotional Intelligence Test (MEIT): an Ability Test to Assess Emotional Intelligence at Work // Sustainability. 2019. Vol. 11, is. 3. P. 827. DOI: 10.3390/su11030827.
17. Kolpakov V.V., Larkina N.Y., Tomilova E.A. et al. Health state, emotional intelligence, and behavior strategy: I. The development of emotional intelligence and the variability of behavior strategies in older preschool children with different levels of habitual physical activity // Hum Physiol. 2017. Vol. 43. P. 404–415. DOI: 10.1134/S0362119717030082.
18. Нгуен М.А. Психологические предпосылки возникновения эмоционального интеллекта в старшем дошкольном возрасте // Культурно-историческая психология. 2007. № 3. С. 46–51.
19. Афонькина Ю.А. Диагностика эмоционального интеллекта у дошкольников // Детский сад: теория и практика. 2014. № 4 (40). С. 6–17.
20. Изотова Е.И. Динамика эмоционального развития современных дошкольников // Мир психологии. 2015. № 1 (81). С. 65–76.
21. Карелина И.О. Развитие понимания эмоций в период дошкольного детства: психологический ракурс. Прага : Sociosféra-CZ, 2017. 178 с.

22. Лаптева Ю.А. Возрастная изменчивость показателей эмоционального развития детей в период дошкольного возраста // Известия волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10 (113). С. 19–25.
23. Щетинина А.М. Диагностика социального развития ребенка. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. 88 с.
24. Токарева О.А., Серый А.В., Федоров А.И. Теоретико-методологические проблемы исследования эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 129–139. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-129-139.
25. Токарева О.А. К вопросу о разработке модели эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста // Вестник педагогического опыта. 2018. № 41. С. 179–186.
26. Токарева О.А. Особенности эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология. 2020. № 1 (40). С. 56–61.
27. Данилина Т.А., Зедгенидзе В.Я., Степина Н.М. В мире детских эмоций : пособие для практических работников ДОУ. М. : Айрис-Пресс, 2004. 160 с.
28. Шалаева Т.И. Использование методики исследования социального интеллекта в профконсультировании. Саратов : Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 2000. 49 с.
29. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0) : руководство. М. : Ин-т психологии РАН, 2010. 176 с.

Поступила в редакцию 08.07.2020 г.; принята 04.09.2020 г.

Токарева Ольга Александровна – аспирант кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета.

E-mail: olga.76@outlook.com

Серый Андрей Викторович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета.

E-mail: avgrey@yahoo.com

Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, директор Социально-психологического института Кемеровского государственного университета.

E-mail: direktorspi@kemsu.ru

For citation: Tokareva, O.A., Seryy, A.V., Yanitskiy, M.S. The Diagnostics of Emotional Intelligence of Children Aged 5–7 Held in the «EQ.Children» Digital Program. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 153–175. doi: 10.17223/17267080/77/8. In Russian. English Summary

The Diagnostics of Emotional Intelligence of Children Aged 5–7 Held in the «EQ.Children» Digital Program

O.A. Tokareva^a, A.V. Seryy^a, M.S. Yanitskiy^a

^a *Kemerovo State University, 6, Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation*

Abstract

The demand for effective tools of emotional intelligence (EI) evaluation is currently increasing. It is related to the fact that the existing methods for assessing EI have disadvantages and limits. In most cases, there is no consistency in the selection of diagnostic criteria; some methods are actually aimed at evaluating "related" parameters; survey methods

do not always allow obtaining objective data; projective procedures are characterized by complexity and ambiguity in the interpretation of results; most methods do not take into account changes in the informational environment of a modern child; none of the proposed procedures allows us to evaluate the psychophysiological parameters of EI.

To solve this problem, the authors have developed their own diagnostic system designed to assess the EI of children aged 5–7. The program is called «EQ.children» and is implemented in JavaScript. The program includes 4 subtests aimed at evaluating the elementary emotional praxis; the perceptual and linguistic components of EI; the semantic component of EI; and the regulatory component of EI. The program involves a quantitative assessment of the results of performing diagnostic tasks, followed by summing up and determining the level of development of each component. An integral indicator of EI development is the total score for all components. The program was tested in a pre-school educational institution. The sample included 96 children aged 5–7 years. Testing was conducted individually with each child.

In the study group, the values for all subtests, as well as the integral EI indicator, showed a normal distribution and were mostly within the boundaries of the average level. The validity of the method is confirmed by the content correspondence of the characteristics obtained using the program «EQ.children», and the results of previous research on the development of EI. The criteria validity of the program was checked using expert evaluation. To do so, surveys were conducted on the degree of formation of EI indicators, experts were 96 parents and 8 teachers. The results of the program «EQ.children» and the expert survey found a significant correlation ($R=0.77$). Retest reliability was checked by retesting children after 20 ± 4 days. The values of the correlation coefficient between the results of 1 and 2 sections ($R=0.82$) show a high degree of stability of the method to external influences.

The program «EQ.children» allows you to minimize the cost of conducting an EI research, while providing a wide range of information both on individual EI indicators and on the phenomenon in general. Positive results were obtained regarding the validity and test-retest reliability of the program. In General, the results conclude that the program «EQ.children» is useful as a tool for in-depth diagnostics of EI and its particular parameters.

Keywords: emotional intelligence; testing; psychological testing; computer diagnostics; senior preschool age; indicators for evaluating children's emotional intelligence.

References

1. Mancini, G. (2018) Trait Emotional Intelligence and Draw-A-Person Emotional Indicators: a First Study on 8-Year-Old Italian Children. *Child Indicators Research*. 12(5). pp. 1629–1641. DOI: 10.1007/S12187-018-9601-0
2. Schutte, N.S. & Malouff, J.M. (2016) Comment on Developments in Trait Emotional Intelligence Research: a Broad Perspective on Trait Emotional Intelligence. *SAGE*. 8(4). pp. 343–344. DOI: 10.1177/1754073916650499
3. Savenkova, T.D. (2017) Metodika diagnostiki bazovykh parametrov emotsional'nogo intellekta doshkol'nika [Methods for diagnosing the basic parameters of preschoolers' emotional intelligence]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. pedagogika i psikhologiya*. 3. pp. 47–53.
4. Ravindran, G., Ramesh, P.G., Inayath, S.B., Dharmaraj, Ah. & Dharmaraj, Ar. (2020) Dynamics of Family Structure on Emotional Intelligence of Secondary School Children. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. 24(5). pp. 1828–1834. DOI: 10.37200/IJPR/V24I5/PR201855
5. Silakova, M.M. & Zakharova, L.M. (2018) Sociocultural context of emotional intelligence development of 5–7 year old children. *Journal of Psychology and Cognition*. 3(1). pp. 6–10. DOI: 10.35841/psychology-cognition.3.1.6-10

6. Cooper, R.K. (1998) *EQ-Map: Interpretation guide*. San Francisco: AIT and Essi systems; Plians; New York: Addison Wesley Longman.
7. Mayer, J.D., Salovey, P. & Caruso, D. (2004) Emotional intelligence: Theory, Findings, and Implications. *Psychological Inquiry*. 15(3). pp. 197–215.
8. Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manuylov, G.M. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups]. Moscow: Institute of Psychotherapy. pp. 57–59
9. Knyazev, G.G., Mitrofanova, L.G., Razumnikova, O.M. & Barchard, K. (2012) Adaptatsiya russkoyazychnoy versii oprosnika emotsional'nogo intellekta K. Barchard [Adaptation of the Russian-language version of K. Barchard's emotional intelligence questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 33(4). pp. 112–120.
10. Roberts, R.D., Matthews, D., Seidner, M. & Lyusin, D.V. (2004) Emotional Intelligence: Theory, Measures, and Applications. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 1(4). pp. 3–26. (In Russian).
11. Var-On, R. (1997) *Development of the Vag-On EQ-I: a measure of emotional intelligence*. Paper presented at 105th Annual Convention of American Psychological Association. Chicago.
12. Orel, E.A. & Ponomareva, A.A. (2018) The Patterns of the First-Graders' Noncognitive Development at the Very Beginning of Their School Life. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 15(1). pp. 107–127. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-107-127
13. Petrides, K.V. & Furnham, A. (2001) Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomis. *European Journal of Personality*. 15. pp. 428–448.
14. Goleman, D., Boyatzis, R. & McKee, E. (2018) *Emotsional'noe liderstvo: iskusstvo upravleniya lyud'mi na osnove emotsional'nogo intellekta* [Primal Leadership: Learning to Lead with Emotional Intelligence]. Translated from English by A. Lisitsyna. Moscow: Al'pina Publisher.
15. Poonamallee, L., Harrington, A.M., Nagpal, M. & Musial, A. (2018) Improving Emotional Intelligence through Personality Development: the Effect of the Smart Phone Application based Dharma Life Program on Emotional Intelligence. *Front. Psychol*. 9. pp. 169. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00169
16. Sanchez-Gomez, M. & Bresó, E. (2019) The Mobile Emotional Intelligence Test (MEIT): an Ability Test to Assess Emotional Intelligence at Work. *Sustainability*. 11(3). pp. 827. DOI: 10.3390/su11030827
17. Kolpakov, V.V., Larkina, N.Y., Tomilova, E.A. et al. (2017) Health state, emotional intelligence, and behavior strategy: I. The development of emotional intelligence and the variability of behavior strategies in older preschool children with different levels of habitual physical activity. *Hum Physiol*. 43. pp. 404–415. DOI: 10.1134/S0362119717030082
18. Nguen, M.A. (2007) *Psikhologicheskie predposylki vzniknoveniya emotsional'nogo intellekta v starshem doshkol'nom vozraste* [Psychological preconditions for the emergence of emotional intelligence in senior preschool age]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 3. pp. 46–51.
19. Afonkina, Yu.A. (2014) Diagnostika emotsional'nogo intellekta u doshkol'nikov [Diagnostics of emotional intelligence in preschoolers]. *Det-skiy sad: teoriya i praktika*. 4(40). pp. 6–17.
20. Izotova, E.I. (2015) Dinamika emotsional'nogo razvitiya sovremennykh doshkol'nikov [Dynamics of emotional development of modern preschoolers]. *Mir psikhologii*. 1(81). pp. 65–76.
21. Karelina, I.O. (2017) *Razvitie ponimaniya emotsiy v period doshkol'nogo detstva: psikhologicheskii rakurs* [Developing an understanding of emotions during preschool childhood: a psychological perspective]. Prague: Sociosféra-CZ.

22. Lapteva, Yu.A. (2016) Age changeability of indicators of emotional development of children in preschool period. *Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9-10(113). pp. 19–25. (In Russian).
23. Shchetinina, A.M. (2000) *Diagnostika sotsial'nogo razvitiya rebenka* [Diagnostics of the child's social development]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University.
24. Tokareva, O.A., Seryy, A.V. & Fedorov, A.I. (2018) Theoretical and methodological problems of emotional intelligence research in children of senior preschool age. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 129–139. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-129-139
25. Tokareva, O.A. (2018) K voprosu o razrabotke modeli emotsional'nogo intellekta detey doshkol'nogo vozrasta [On the development of a emotional intelligence model in preschool children]. *Vestnik pedagogicheskogo opyta*. 41. pp. 179–186.
26. Tokareva, O.A. (2020) Features of emotional intelligence of children of senior preschool age. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika, psikhologiya – Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 1(40). pp. 56–61. (In Russian).
27. Danilina, T.A., Zedgenidze, V.Ya. & Stepina, N.M. (2004) *V mire detskikh emotsiy: posobie dlya prakticheskikh rabotnikov DOU* [In the world of children's emotions: a guide for practitioners of preschool educational institutions]. Moscow: Ayris-Press.
28. Shalaeva, T.I. (2000) *Ispol'zovanie metodiki issledovaniya sotsial'nogo intellekta v profkonsul'tirovanii* [The use of social intelligence research methods in vocational counseling]. Saratov: Izd-vo Povolzh. mezhregion. ucheb. Tsentra.
29. Sergienko, E.A. & Vetrova, I.I. (2010) *Test Dzh. Meyera, P. Seloveya, D. Karuzo "Emotsional'nyy intellekt" (MSCEIT v. 2.0)* [Emotional Intelligence (MSCEIT v. 2.0) Test by J. Mayer, P. Salovey, D. Caruso]. Moscow: Institute of Psychology RAS.

Received 08.07.2020; Accepted 04.09.2020

Olga A. Tokareva – Postgraduate Student, Department of Psychological Sciences, Kemerovo State University.

E-mail: olga.76@outlook.com

Andrey V. Seryy – Professor, Department of Psychological Sciences, Kemerovo State University. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: avgrey@yahoo.com

Mikhail S. Yanitskiy – Director, Social and Psychological Institute, Kemerovo State University. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: direktorspi@kemsu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БАЗОВЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ, СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ФРУСТРИРОВАННОСТИ МОЛОДЕЖИ¹

Р.М. Шамионов^а

*^а Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83*

Изучение соотношения удовлетворенности базовых потребностей, субъективного благополучия, социальной фрустрированности и приверженности к различным формам активности позволит понять внутреннюю регуляцию социального поведения молодежи. Установлено, что удовлетворенность базовых потребностей является основным фактором социальной активности: положительным в наиболее распространенных и просоциальных видах и негативным в случае протестных видов активности. Высокая субъектная позиция (автономность) более явно проявляется у реализующих досуговую и религиозную активность и наименее явно – у лиц, реализующих протестные виды активности.

Ключевые слова: молодежь; социальная активность; удовлетворенность базовых потребностей; удовлетворенность социальной жизнью; социальная фрустрированность.

Введение

Социальная активность понимается как частный случай инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую социальную среду. Социальная активность личности и групп предполагает не только участие в общественной жизни, но, прежде всего, инициативно-творческое отношение к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также самой себе как субъекту социального бытия. Поэтому целесообразно говорить о социальной активности личности и группы как той, которая имеет не просто отношение к социальному поведению (коммуникации, взаимодействию, оказанию помощи и пр.), но к социальному по происхождению и по целям поведению, инициативному и преобразующему социальную реальность, включая и саму личность или группу, в результате чего появляется новое

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 18-18-00298.

качество и того, и другого [1]. Это значит, что социальная активность полинаправлена. Особенно это выражено у молодежи как такой социальной группы, которая одновременно совмещает несколько форм бытия и находится в нескольких «мирах» – учения и экономической деятельности, активного волонтерства и творчества, общения в малой группе и включения во «взрослые» политические и другие формы активности. Однако, несмотря на полинаправленность, существуют определенные группы активности, которые могут быть предпочтительны для разных личностей [2]. Они организованы в единый симптомокомплекс и предполагают совместную изменчивость.

Множество исследований, проведенных в последнее десятилетие, свидетельствует о том, что приверженность к той или иной форме активности или определенной группе активности обусловлена различными социальными и психологическими явлениями. Наиболее актуальными являются исследования факторов конкретных видов социальной активности, например в киберпространстве [3–5], добровольческой активности [6, 7], гражданской [8] и политической [9] активности молодежи, а также комплексные исследования, в которых рассматриваются факторы различных форм активности [1, 2, 10–12]. В этих исследованиях анализируются личностные и психофизиологические факторы, а также ряд социально-психологических (аттитуды, социальный опыт родителей и др.).

Исследования влияния переживаний и удовлетворенности конкретных базовых потребностей на характер социальной активности весьма редки. В то же время многие исследователи отмечают их значительную роль в поведении и активности человека [13–15]. В теоретических исследованиях отмечается, что удовлетворенность / неудовлетворенность личности относится к вторичным побудительным механизмам социальной активности – это механизмы согласования / рассогласования системы взаимодействия личности и среды [1]. Поэтому их роль важна с точки зрения мотивации активности.

В соответствии с концепцией Е. Deci и R. Ryan [15, 16] реализация основных потребностей (автономии и компетенции) имеет прямое, положительное влияние на внутреннюю мотивацию субъекта для активности. Причем считается, что потребность в автономии является самой важной для функционирования внутренней мотивации [17]. Очевидно, возможность контролировать собственные действия и поведение, способность быть их независимым инициатором, стремление к выбору и собственной инициативе, самоконтролю поведения будут способствовать поддержанию одних и отказу от других форм социальной активности. Более того, имеются также данные о том, что лица, испытывающие более высокую удовлетворенность базовых потребностей, демонстрируют более высокий уровень трудовых достижений [18], а в пожилом возрасте удовлетворенность потребности в компетенции является залогом социальной активности [19]. В целом исследователи отмечают важность удовлетворения базовых потребностей для поддержания продуктивного характера мотивации [17].

В современных исследованиях отмечается важная роль удовлетворенности базовых потребностей в просоциальных и связанных с риском для здоровья формах поведения [14]. Иначе говоря, приверженность к отдельным формам активности и их продуктивность связаны с удовлетворенностью базовых потребностей. Однако проведенные исследования не вносят ясности в то, какова степень их детерминации, какого рода эти связи и являются ли они систематическими.

Важное значение для регуляции поведения имеет также субъективное благополучие личности, включающее удовлетворенность жизнью и переживание счастья [20, 21]. Результаты исследования А. Steptoe, D. Fancourt (2019) хоть и получены на старшей возрастной группе, но весьма примечательны с точки зрения выявленного соотношения социальной активности вообще и конкретных ее форм (гражданской, культурной, волонтерской) с характеристиками субъективного благополучия. Авторы отмечают, что расширение социальной активности (наряду с другими факторами) способствует субъективному благополучию, но и субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью способствуют поддержанию значимых социальных отношений [22]. Вместе с тем имеется и опыт установления обратной зависимости: от активности через удовлетворенность базовых потребностей к удовлетворенности жизнью [23]. Авторы обосновывают такую направленность анализа тем, что более активное участие предоставляет молодежи более широкий спектр мероприятий, связанных с опытом роста, повышенным уровнем опыта социализации и более широкими сетями социальной поддержки. Действительно, удовлетворение потребностей в значительной степени определяется социальным контекстом [24]. Однако это не значит, что всякая социальная активность создает такой контекст. Вполне очевидно, что одни формы активности более предпочтительны лицами с высоким уровнем субъективного благополучия и удовлетворенности базовых потребностей, другие формы способствуют в большей степени достижению этого. Таким образом, направления связей могут быть принципиально разными в зависимости от каждого конкретного случая.

Эмпирические исследования ряда авторов [20, 21, 24–26] свидетельствуют, что в зависимости от переживания удовлетворенности или неудовлетворенности потребностей возможны различные характеристики активности, например отказ от риска, предпочтение самой активности какому-либо материальному результату, просоциальность-асоциальность и т.п.

Таким образом, результаты исследований высвечивают проблему соотношения удовлетворенности базовых потребностей, переживания счастья и удовлетворенности жизнью с приверженностью к различным (конкретным) формам социальной активности или общей выраженностью сочетанной активности. По своей сути это проблема источников активности и ее адекватности жизненному сценарию личности.

Цель исследования – изучить соотношение характеристик удовлетворенности базовых потребностей, субъективного благополучия, социальной фрустрации и приверженности к социальной активности молодежи.

Предполагается значимость фактора удовлетворенности базовых потребностей, субъективного благополучия в приверженности отдельным видам социальной активности молодежи.

Материалы и методы исследования

Участники исследования были проинформированы, что предполагаемое участие добровольно, а их ответы анонимны. Анкеты были предъявлены в письменной форме и заполнялись самостоятельно. Каждый участник передал заполненную анкету исследователю. Все данные обработаны анонимно.

В исследовании приняли участие 305 человек, средний возраст $M = 21,2$ $SD = 2,95$ (35,4% мужчин). Основные характеристики выборки: 17,4% – семейных, 44,6% проживают в малых городах, 44,3% – в больших городах, 56% имеют среднее (школьное) образование, 14% – профессиональное образование, 29,5% – высшее образование.

Были использованы анкета, направленная на фиксацию социально-демографических характеристик, и разработанные шкалы, направленные на измерение приверженности к тому или иному виду социальной активности (размерность шкалы – 5 пунктов в соответствии со шкалой Лакерта): Альтруистическая деятельность (АА), Досуговая активность (ЛА); Социально-политическая активность (ПА); Интернет-сетевая активность (ИА); Гражданская активность (SV); Социально-экономическая активность (SE); Образовательно-развивающая активность (ЕА); Духовная активность (ЕА); Религиозная активность (РА); Протестная активность (PR); Радикально-протестная активность (RP); Субкультурная активность (SK). Шкалы разработаны на основе исследований представлений о социальной активности [2, 13, 27 и др.]. Все шкалы имеют приемлемый уровень надежности: α Cronbach = 0,68–0,74; χ^2 Friedman = 1306,3, $p < 0,001$.

Для оценки степени удовлетворенности потребностей в автономии, компетентности, связанности использована Шкала удовлетворенности базовых потребностей (The Basic Needs Satisfaction in General Scale) [28], адаптированная нами. Шкалы имеют достаточный уровень надежности: α Cronbach = 0,66–0,76; χ^2 Friedman = 87,01, $p < 0,001$.

Оценка субъективного благополучия включала два основных параметра – удовлетворенность жизнью и переживание счастья. Эмоциональный компонент субъективного благополучия диагностировался посредством Шкалы субъективного счастья (Нар) С. Любомирски и Х. Леппер в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина [29] (вариант шкалы из четырех утверждений), которая имеет приемлемый уровень надежности: α Cronbach = 0,74; χ^2 Friedman = 172,3, $p < 0,001$. Использована Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера [30] в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина (вариант шкалы из пяти утверждений) [29]. Шкала имеет хороший уровень надежности, (LS) α Cronbach = 0,83; χ^2 Friedman = 178,22, $p < 0,001$. Шкалы субъективного благополучия оцениваются по 7-балльной шкале в зависимости от согласия-несогласия с утверждением либо выраженности-невыраженности признака.

Применена также методика социальной фрустрированности Л.И. Васермана в нашей модификации, включающая список из 15 пунктов для оценки уровня социальной фрустрированности. Каждый пункт оценивается от 0 до 4 баллов (полностью удовлетворен – полностью не удовлетворен). Общий индекс социальной удовлетворенности / социальной фрустрации выводится на основе вычисления среднего арифметического по всем пунктам [31].

Для обработки первичных данных применялась статистическая программа IBM SPSS Statistics + PS IMAGO PRO, включающая программу AMOS для проведения моделирования с помощью структурных уравнений.

Результаты исследования

Показатели описательной статистики, приведенные в табл. 1, свидетельствуют в целом об относительной однородности распределения параметров удовлетворенности базовых потребностей, удовлетворенности жизнью и переживания счастья. Показатели приверженности к различным формам активности имеют определенные расхождения: более однородны в отношении менее предпочтительных форм активности и более разбросаны в отношении предпочтительных.

Наиболее популярными типами социальной активности молодежи являются досуговая, интернет-сетевая, образовательно-развивающая, социально-экономическая и духовная активность. Наименее выражены приверженность к политической, религиозной, протестной, радикальной и субкультурной активности. Из этих результатов также следует невысокий уровень приверженности к альтруистической и гражданской активности. Тем не менее видно, что показатели приверженности к гражданской и политической активности достаточно близки, но стандартное отклонение показателя гражданской активности несколько выше. Это значит, что эти формы социальной активности близки в своем проявлении, но среди респондентов имеются лица, сильно различающиеся в своей приверженности к гражданской активности.

Как видно из табл. 1, между показателями счастья, удовлетворенности жизнью и удовлетворенностью базовых потребностей (в автономии, компетенции и связанности с другими) выявлены тесные положительные связи, а с социальной фрустрированностью – отрицательные, что говорит о высокой их сопряженности. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что удовлетворенность базовых потребностей способствует переживанию счастья, удовлетворенности жизнью и препятствует социальной фрустрированности.

Наиболее тесно приверженность к различным видам активности связана с удовлетворенностью потребности в компетентности, разрозненные связи выявлены также с показателями субъективного благополучия – удовлетворенностью жизнью и переживанием счастья. Менее всего связей обнаружено с удовлетворенностью потребности в связанности с другими.

Очевидно, фрустрация данной потребности является одним из основных побудителей социальной активности.

Таблица 1

Описательная статистика и корреляции между приверженностью к типу социальной активности, удовлетворенности базовых потребностей, счастья и удовлетворенности жизнью

Параметры	M	SD	SocFr	LS	HAP	AUT	KOM	RED
SocFr	1,47	0,63	1,00	-0,49**	-0,29**	-0,26**	-0,38**	-0,33**
LS	4,36	1,22	-0,49**	1,00	0,59**	0,24**	0,39**	0,35**
HAP	4,71	1,13	-0,29**	0,59**	1,00	0,36**	0,44**	0,39**
AUT	4,87	0,89	-0,26**	0,24**	0,36**	1,00	0,61**	0,58**
KOM	4,43	0,83	-0,38**	0,39**	0,44**	0,61**	1,00	0,49**
RED	4,73	0,78	-0,33**	0,35**	0,39**	0,58**	0,49**	1,00
AA	2,40	1,18	-0,04	0,18**	0,03	0,06	0,08	0,11
LA	3,94	1,04	-0,14*	0,09	0,13*	0,28**	0,22**	0,26**
PA	1,73	0,94	-0,06	0,07	-0,05	-0,05	0,05	-0,08
IA	2,95	1,32	0,11*	-0,08	-0,12*	0,04	-0,06	0,09
SV	1,84	1,08	-0,17**	0,18**	0,07	0,00	0,13*	0,05
SE	2,69	1,37	-0,17**	0,16**	0,10	0,05	0,22**	0,11
EA	2,68	1,27	-0,19**	0,24**	0,17**	0,07	0,27**	0,11
EX	2,54	1,28	-0,08	0,05	0,05	0,11	0,15**	0,05
RA	1,55	0,95	-0,01	0,21**	0,13*	0,02	0,12*	0,05
PR	1,46	0,88	0,18**	-0,05	-0,10	-0,15**	-0,11	-0,10
RP	1,32	0,76	0,14*	-0,02	-0,12*	-0,20**	-0,22**	-0,03
SK	1,43	0,95	-0,03	-0,06	-0,11*	-0,10	-0,16**	0,03
GSA	2,21	0,55	0,09	0,17**	0,04	0,04	0,15*	0,12*

Примечание. LS – удовлетворенность жизнью, HAP – счастье, AUT – удовлетворенность потребности в автономии, KOM – в компетентности, RED – в связанности с другими, AA – альтруистическая деятельность, LA – досуговая активность, PA – социально-политическая активность, IA – интернет-сетевая активность, SV – гражданская активность, SE – социально-экономическая активность, EA – образовательно-развивающая активность, EX – духовная активность, RA – религиозная активность, PR – протестная активность, RP – радикально-протестная активность, SK – субкультурная активность, GSA – общая разнонаправленная активность. ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Обратимся к данным о взаимосвязи приверженности к социальной активности с характеристиками социальной фрустрации. Как видно из полученных данных, социальная фрустрация связана положительно лишь с протестной, радикально-протестной и лишь в одном случае – с субкультурной активностью. В остальных случаях активность не сопряжена с социальной фрустрированностью, напротив, она связана с удовлетворенностью различными составляющими социальной жизни. Так, больше всего отрицательных связей с характеристиками социальной фрустрации выявлено в случае приверженности к гражданской (SV), социально-экономической (SE) и образовательно-развивающей (EA), досуговой активности (LA). Приверженность к религиозной активности связана с характеристиками социальной фрустрированности двояко: имеются положительные и отрицательные связи.

Таблица 2

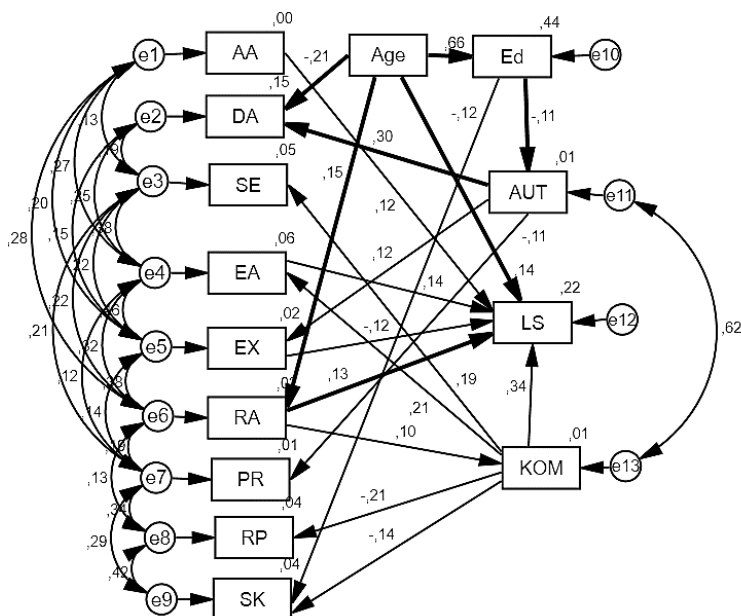
**Корреляции между приверженностью к типу социальной активности
и характеристиками социальной фрустрации**

Хар. соц. фр.	AA	DA	PA	IA	SV	SE	EA	EX	RA	PR	RP	SK
ES	0,05	-0,13*	-0,03	0,07	-0,11	-0,11	-0,10	-0,04	-0,02	0,20**	0,11	-0,04
RS	-0,02	-0,12*	-0,01	0,02	-0,10	-0,14*	-0,12*	-0,08	-0,02	0,05	0,00	-0,03
WS	-0,03	-0,05	-0,09	0,05	-0,14*	-0,12*	-0,14*	-0,09	-0,07	0,04	0,02	-0,03
PS	-0,03	-0,10	-0,09	0,07	-0,19**	-0,22**	-0,24**	-0,14*	-0,06	0,05	0,08	0,05
StS	0,00	-0,09	-0,09	0,09	-0,16**	-0,13*	-0,11	-0,04	-0,01	0,07	0,09	-0,01
IS	-0,03	-0,04	-0,03	0,11	-0,13*	-0,09	-0,15**	-0,03	-0,10	0,06	0,07	-0,10
HS	-0,03	-0,11*	0,06	0,02	-0,04	-0,05	-0,05	-0,03	0,08	0,22**	0,16**	-0,03
FS	0,08	-0,06	0,00	0,09	-0,05	-0,06	-0,08	-0,05	0,04	0,17**	0,13*	-0,02
KS	-0,04	0,04	-0,05	0,18**	-0,17**	-0,08	-0,13*	-0,03	-0,13*	0,18**	0,02	0,08
FrS	-0,05	-0,11	0,07	0,01	-0,03	-0,01	-0,01	0,00	0,13*	0,26**	0,17**	-0,04
SrS	-0,07	-0,02	-0,05	0,15**	-0,14*	-0,13*	-0,13*	-0,04	0,00	0,14*	0,08	-0,01
MS	-0,07	0,08	-0,12*	0,02	-0,14*	-0,12*	-0,16**	-0,06	-0,13*	-0,02	-0,02	-0,07
LS	-0,02	-0,26**	-0,11	0,04	-0,11	-0,14*	-0,14*	-0,05	0,15**	0,02	0,03	-0,11
ScS	-0,07	-0,12*	0,00	0,09	-0,03	-0,02	-0,04	0,01	0,02	0,10	0,17**	0,12*
LsS	-0,08	-0,15*	0,03	0,03	-0,03	-0,10	-0,11	-0,10	0,05	0,09	0,10	-0,04

Примечание. Удовлетворенность своим образованием – ES, взаимоотношениями с коллегами по работе (однокурсниками) – RS, содержанием своей работы (учебы) – WS, жизненными перспективами – PS, своим положением в обществе – StS, материальным положением – IS, жилищно-бытовыми условиями – HS, отношениями в семье – FS, обстановкой в обществе и государстве – KS, отношениями с друзьями и ближайшими знакомыми – FrS, сферой услуг и бытового обслуживания – SrS, сферой медицинского обслуживания – MS, проведением досуга – LS, уровнем безопасности в месте проживания – ScS, своим образом жизни в целом – LsS. ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

На следующем этапе исследования мы предприняли структурное моделирование (рис. 1). Как видно из показателей согласия, приведенных под рисунком, они дали приемлемый результат. В качестве экзогенной переменной в модель была введена переменная возраста. Кроме того, нами использована также переменная образования.

Далее предпринят анализ путей. Из данной модели видно, что ряд форм социальной активности связан с удовлетворенностью потребности в автономии и компетентности, а также с удовлетворенностью жизни. Однако эти связи преимущественно разнонаправленные: от удовлетворенности потребностей связи направлены в сторону активности и от форм активности – в сторону удовлетворенности жизнью. Это значит, что статус этих явлений применительно к социальной активности отличается. Из представленной модели видно, что максимальный вклад оказывается удовлетворенностью потребности в автономии совместно с возрастом в вариации досуговой активности (15%), а 4–5% вариаций социально-экономической, образовательно-развивающей (положительно) и радикально-протестной, субкультурной (отрицательно) активности обусловлено удовлетворенностью потребности в компетентности. В остальных случаях этот вклад представлен значительно скромнее.

CMIN=54,703; df=50; p=.301;
CFI=.995; AGFI=.948; GFI=.975; RMSEA=.018; PCLOSE=.991

Рис. 1. Структурная модель взаимосвязей между типом социальной активности, удовлетворенностью жизнью и базовых потребностей:

Age – возраст, Ed – образование, LS – удовлетворенность жизнью, НАР – счастье, AUT – удовлетворенность потребности в автономии, КОМ – в компетентности, АА – альтруистическая деятельность, LA – досуговая активность, РА – социально-политическая активность, SE – социально-экономическая активность, EA – образовательно-развивающая активность, EX – духовная активность, RA – религиозная активность, PR – протестная активность, RP – радикально-протестная активность, SK – субкультурная активность

В то же время ряд форм социальной активности вносит вклад в вариации удовлетворенности жизнью (совокупный вклад совместно с возрастом составляет 22%). Из этих данных следует различие функций удовлетворенности базовых потребностей и удовлетворенности жизнью. Прямые и косвенные эффекты возраста и удовлетворенности в компетентности будут рассмотрены в следующем разделе.

Обсуждение результатов исследования

Согласованность показателей удовлетворенности базовых потребностей в автономии, компетенции, связанности с другими с удовлетворенностью жизнью и переживанием счастья (положительно), а также социальной фрустрированностью (отрицательно) свидетельствует о том, что они характеризуют комфортное бытие в соответствии с потребностями и эмоцио-

нально-оценочным отношением к жизни в целом при отсутствии социальной фрустрации. Эти данные согласуются с результатами ряда исследований, проведенных в разных странах, в которых установлены связи между удовлетворенностью потребности в компетентности и автономии с показателями субъективного благополучия [17, 23].

Выдвинутое предположение о сопряженности показателей удовлетворенности базовых потребностей и субъективного благополучия с приверженностью к различным формам социальной активности в основном подтвердилось. Важно отметить, что выявлены разнонаправленные связи с разными формами активности. Наиболее тесно связана с показателями субъективного благополучия приверженность к досуговой активности. Это значит, что данный тип активности способствует как удовлетворению базовых потребностей, так и достижению счастья. Очевидно, данный вид социальной активности имеет наиболее важное значение для молодежи и выступает не просто способом общения, самореализации и достижения удовольствий, но и сферой социализации личности, сферой нормативной активности в данный возрастной период жизни. Исследования последнего времени указывают, что в досуговой деятельности молодые люди находят реализацию важнейших бытийных потребностей [32, 33]. Подобная картина обнаруживается и в области образовательно-развивающей активности. Приверженность к этой деятельности связана с удовлетворенностью потребности в компетенции, удовлетворенности жизнью и счастьем. Очевидно, приверженность к образовательной активности также соответствует социальной «возрастной норме». Ее действие заключается в том, что если ожидания других (контактирующих взрослых, родителей, работодателей и даже сверстников), от которых молодые люди еще зависят, согласуются с реализуемой активностью (образовательной), удовлетворяются базовые и социальные потребности, меньше оказывается фрустрирующих факторов, оказывается также и социальная поддержка. Ранее проведенные исследования свидетельствуют о том, что образовательная активность молодежи, являясь одной из наиболее предпочтительных, связана с социальными ожиданиями и стремлением молодых людей к духовному развитию [36].

Своеобразной противоположностью данному виду активности служит радикально-протестная активность, с которой негативно связаны счастье и удовлетворенность потребности в автономии и компетентности. Это значит, что такой тип активности сопряжен с негативными эмоциями, а также нереализованностью потребности в автономии и компетентности. Возможно, участники радикально-протестных акций испытывают недостаточную личностную зрелость. Очевидно, так же обстоит дело и с субкультурной активностью, приверженность к которой негативно связана со счастьем и потребностью в компетентности. Такая картина может быть связана, с одной стороны, с трендом в обществе на стигматизацию участников протестных акций и представителей субкультур, а с другой – с побудительной силой фрустрированных потребностей к данной форме активности. И то и другое отмечается в исследованиях ряда социальных психологов и социологов [34–37].

Из результатов исследования следует, что наиболее сильно связаны с различными характеристиками активности удовлетворенность потребностями в компетенции (что указывает на сильную когнитивную детерминанту активности) и удовлетворенность жизнью и счастьем. Слабее всего связи с удовлетворенностью потребности в автономии и связанности с другими.

Далее обсудим результаты корреляционного анализа, выполненного для установления взаимосвязей между формами активности и характеристиками социальной фрустрации. Из полученных данных видно, что протестная активность связана с неудовлетворенностью своим образованием, жилищно-бытовыми условиями, отношениями в семье, обстановкой в государстве, отношениями с друзьями, сферой услуг и бытового обслуживания. Радиально-протестная активность связана с неудовлетворенностью жилищно-бытовыми условиями, отношениями в семье, отношениями с друзьями и уровнем безопасности в месте проживания. Иначе говоря, протестные и радикально-протестные виды активности обусловлены двумя видами факторов – социальными (обстановка в государстве, безопасность) и личными (фрустрированность в области семейной жизни, отношений с друзьями). Очевидно, что среди этих факторов есть те, которые служат причиной активности, и те, которые сопровождают эту активность. Например, можно предположить, что фрустрированность потребности в безопасности является следствием потери ощущения безопасности ввиду участия в протестных акциях (не всегда в легитимных). Совершенно не случайно в связи с этим то, что в исследованиях социологов выявляется более весомое число несчастливых лиц среди склонных к практическим действиям по протесту [38. С. 98].

Интересным представляется и то, что интернет-сетевая активность положительно связана с неудовлетворенностью обстановкой в обществе и сферой услуг. Такая картина не кажется удивительной, поскольку интернет-сетевая активность предоставляет полную свободу информации и, с одной стороны, может служить средством ухода от фрустрации, а с другой – создавать ее, поскольку Интернет изобилует критической информацией об обществе и сфере услуг.

В остальных случаях активность связана с фрустрацией негативной связью. Гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая активность – три формы активности, весьма похожих с точки зрения связанности с удовлетворенностью содержанием своей работы, жизненными перспективами, сферой услуг и медицинского обслуживания, проведением досуга. Кроме того, приверженность к гражданской и образовательной активности связана с удовлетворенностью материальным положением и обстановкой в обществе и государстве, социально-экономическая и образовательно-развивающая активность – с удовлетворенностью взаимоотношениями с коллегами по работе или учебе, гражданская и социально-экономическая активность – с удовлетворенностью своим положением в обществе. Эти данные свидетельствуют в пользу сопряженности гражданской, социально-экономической и образовательно-развивающей активности с удовлетво-

ренностью основных социальных потребностей. Можно также предположить, что лица, приверженные этим формам активности, нацелены на определенные ценности – работу, жизненные перспективы, хорошее медицинское обслуживание, наличие различных услуг, они стремятся занять определенное положение в обществе и т.д. Скорее, этим они отличаются от тех, кто привержен к протесту, радикальной активности или субкультурной активности.

Несколько отличны связи социальной фрустрации и досуговой активности. Приверженность к последней сопряжена с удовлетворенностью образованием и взаимоотношениями с коллегами по работе или учебе, жилищно-бытовыми условиями, проведением досуга, уровнем безопасности и своим образом жизни в целом. Очевидно, приверженные к досуговой активности не испытывают особых социальных проблем. Этого нельзя сказать о тех, кто привержен к религиозной активности. Такая форма активности сопряжена с удовлетворенностью обстановкой в обществе и государстве, сферой медицинского обслуживания и неудовлетворенностью отношениями с друзьями и ближайшими знакомыми и проведением досуга. Эти связи можно объяснить, исходя из особенностей современного российского общества: с одной стороны, религия поддерживается государством и крупным бизнесом, граждане толерантны к верующим, и поэтому религиозные лица не испытывают никаких проблем в этой области; с другой стороны, молодежь в основном нерелигиозна и ближайшее окружение (сверстники) не всегда разделяет подобные воззрения и тем более активность.

Наконец, в результате структурного моделирования удалось установить ряд важных направленных связей в изучаемом контексте, которые уточняют функцию удовлетворенности потребностей и удовлетворенности жизнью в отношении к социальной активности. Из приведенной модели следует, что возраст как независимая переменная оказывает позитивное влияние на удовлетворенность жизнью и приверженность к религиозной активности и негативное – на приверженность к досуговой активности. Эту причинно-следственную связь можно объяснить тем, что с возрастом люди все меньше тратят время на развлечения и больше задумываются о различных ценностях. Кроме того, шансов на то, чтобы быть удовлетворенным жизнью, становится больше. В исследованиях субъективного благополучия отмечается, что удовлетворенность жизнью увеличивается с возрастом [39, 40]. Поэтому выявлена и связь с общим уровнем удовлетворенности жизнью. При этом религиозная активность становится медиатором влияния возраста на удовлетворенность жизнью, ослабляя прямую причинную связь. Заметим, что речь идет о молодежной выборке, в которой религиозная активность выражена незначительно.

В данной модели примечательны еще два блока. В одном блоке образование и удовлетворенность потребности в автономии опосредуют связь между возрастом и досуговой активностью. Во втором – потребность в компетенции является медиатором прямой причинной связи религиозной

активности и удовлетворенности жизнью. Ключевым звеном в этих случаях являются базовые потребности, только в одном случае речь идет о влиянии на активность, а в другом – на удовлетворенность.

На удовлетворенность жизнью положительно влияет приверженность к альтруистической, образовательной и религиозной активности. В то же время духовная активность усиливает неудовлетворенность жизнью. Иначе говоря, как активность (религиозная, образовательная и альтруистическая), так и возраст обуславливают удовлетворенность жизнью. Ведущая роль религиозной, образовательной и альтруистической активности молодежи в удовлетворенности жизнью примечательна тем, что эти формы активности не только обеспечивают чувство принадлежности, но и предполагают реализацию актуальных в этом возрасте потребностей. Духовные поиски в молодости, очевидно, связаны с какими-то диссонансными отношениями и, как следствие, способствуют неудовлетворенности жизнью.

Вместе с тем удовлетворенность базовых потребностей (в автономии и компетентности) обуславливает приверженность к семи формам социальной активности. Удовлетворенность потребности в автономии влияет на приверженность к досуговой, духовной (положительно) и протестной (отрицательно) активности, а в компетентности – на социально-экономическую и образовательно-развивающую активность позитивно и радикально-протестную и субкультурную активность негативно. Иначе говоря, удовлетворенность потребности контролировать собственные действия и поведение, быть инициатором своего поведения влияет на склонность к досуговой и духовной активности, а неудовлетворенность – к протестной активности. Из этих данных также следует, что удовлетворенность потребности в компетентности, желания достичь результатов в своей жизни, быть эффективным способствует самореализации молодых людей в социально-экономической и образовательно-развивающей активности, а неудовлетворенность мотивирует их к радикально-протестной и субкультурной активности.

Религиозная активность молодежи находится в особом положении. Она способствует удовлетворенности потребности в компетентности. Видимо, реализуя религиозные действия, молодые люди обнаруживают реальные результаты, свидетельствующие об их успешности (по крайней мере в ограниченной области религии). Из этих данных следует, что в основе протестной и радикально-протестной активности находятся неудовлетворенность базовых потребностей российской молодежи – потребности в автономии и компетентности.

Выводы

Проведенное исследование позволило ответить на ряд вопросов о соотношении социальной активности и удовлетворенности базовых потребностей и субъективного благополучия молодежи. Исходя из его результатов, можно сделать несколько выводов.

1. Удовлетворенность базовых потребностей, удовлетворенность жизнью, переживание счастья связаны с приверженностью к различным формам социальной активности. Наиболее высокий уровень детерминации (по числу корреляций и тесноте связей) выявлен в отношении досуговой, образовательно-развивающей, религиозной (положительно) и радикально-протестной (отрицательно) активности. При этом удовлетворенность потребности в компетентности является важнейшей в мотивации разных форм активности.

2. Переживание самоэффективности, способность решать различные бытийные задачи являются основным фактором ряда видов социальной активности: положительным в наиболее распространенных и просоциальных видах и негативным в случае протестных видов активности. Высокая субъектная позиция (автономность) более явно проявляется у реализующих досуговую и религиозную активность и наименее явно – у лиц, реализующих протестные виды активности.

3. Гражданская, социально-экономическая и образовательно-развивающая активности сопряжены с социальной удовлетворенностью в различных сферах (содержанием своей работы, жизненными перспективами, сферой услуг и медицинского обслуживания, проведением досуга и др.), а социальная фрустрация связана положительно с протестной, радикально-протестной и лишь в одном случае (неудовлетворенность безопасностью) – с субкультурной активностью.

4. В результате структурного моделирования установлено, что удовлетворенность базовых потребностей объясняет от 2 до 15% вариаций приверженности к различным формам социальной активности, а удовлетворенность жизнью – около 22% вариаций социальной активности. Однако влияющие и подверженные влиянию переменные активности различаются: влияют альтруистическая и религиозная активности, в то время как образовательная и духовная активности имеют двойственный статус – они влияют на удовлетворенность жизнью и подвержены влиянию базовых потребностей.

Ограничения данного исследования заключаются в том, что вклад переменных удовлетворенности базовых потребностей в разные формы социальной активности различен и варьирует от 2 до 15%. Очевидно, что более весомый вклад связан с комплексом различных переменных. Можно предположить, что совместный вклад удовлетворенности базовых потребностей с переменными, связанными с социализацией индивида (источники информации о социальной жизни общества, опыт участия родителей в общественной жизни, социальные установки о возможностях участия в общественной жизни), будет более весом, поскольку они добавляют порядка 10–15% вариаций [35], а волевые качества личности – до 20–21% вариаций различных форм активности [36]. Данные результаты также ограничены и национальными и культурными особенностями. Это актуализирует необходимость кросскультурных исследований соотношения социальной активности и удовлетворенности базовых потребностей и социальной фрустрации молодежи.

Литература

1. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 4. С. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.
2. Shamionov R.M., Grigoryev A.V. The Image of Socially Active Individual in the Representations of Student Youth // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2019. Vol. 7 (1). P. 15–20. DOI: 10.5937/ijcrsee1901015S.
3. Savrasova-V'un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth // Communication today. 2017. Vol. 8 (1). P. 104–112.
4. Seigfried-Spellar K.C., Lankford C.M. Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak // Personality and individual differences. 2018. Vol. 124. P. 54–56. DOI: 10.1016/j.paid.2017.11.047.
5. Sherman L.E., Greenfield P.M., Hernandez L.M., Dapretto M. Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood // Child development. 2018. Vol. 89 (1). P. 37–47. DOI: 10.1111/cdev.12838.
6. Свищева Е.Е. Волонтерская деятельность в социальной работе с пожилыми людьми как одна из форм проявления социальной активности молодежи // Известия Шадринского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (34). С. 60–65.
7. Перминова М.С. Специфика формирования социальной активности молодежи в условиях волонтерской деятельности // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, № 1. С. 22–25.
8. Grant P.R., Bennett M., Abrams D. Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum // British Journal of Social Psychology. 2017. Vol. 56 (3). P. 455–474. DOI: 10.1111/bjso.12186.
9. Russo S., Amna E. When political talk translates into political action: the role of personality traits // Personality and individual differences. 2016. Vol. 100. P. 126–130. DOI: 10.1016/j.paid.2015.12.009.
10. Grigoryeva M.V. Students' readiness for changes as a predictor of social activity // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. Vol. LVI (6). P. 43–48. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/iccsbs2018F06.pdf>
11. Бочарова Е.Е. Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 4 (28). С. 333–345. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345.
12. Арендачук И.В. Ценностно-смысловые факторы социальной активности молодежи в разных условиях жизнедеятельности // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 4 (28). С. 346–358. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358.
13. Ferguson R., Gutberg J., Schattke K., Paulin M., Jost N. Self-determination theory, social media and charitable causes: an in-depth analysis of autonomous motivation // European journal of social psychology. 2015. Vol. 45 (3). P. 298–307. DOI: 10.1002/ejsp.2038.
14. Hardy S.A., Dollahite D.C., Johnson N., Christensen J.B. Adolescent Motivations to Engage in Pro-Social Behaviors and Abstain From Health-Risk Behaviors: a Self-Determination Theory Approach // Journal of Personality. 2015. Vol. 83 (5). P. 479–490. DOI: 10.1111/jopy.12123.
15. Deci E.L., Ryan R.M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human need and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. P. 227–268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.
16. Deci E.L., Ryan R.M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality // Journal of Research in Personality. 1985. Vol. 19. P. 109–134. DOI: 10.1016/0092-6566(85)90023-6.

17. Osin E.N., Suchkov D.D., Gordeeva T.O., Ivanova T.Yu. Basic Psychological Need Satisfaction as a Source of Work Motivation and Subjective Well-being in Russian Employees. *Psychology // Journal of Higher school of Economics*. 2015. Vol. 12, № 4. P. 103–121.
18. Baard P.P., Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic need satisfaction: a motivational basis of performance and well-being in two work settings // *Journal of Applied Social Psychology*. 2004. Vol. 34. P. 2045–2068. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2004.tb02690.x.
19. Brown C.L., Gibbons L.E., Kennison R.F., Robitaille A., Lindwall M., Mitchell M.B., Shirk S.D., Atri A., Cimino C.R., Benitez A., MacDonald S.W.S., Zelinski E.M., Willis S.L., Schaie K.W., Johansson B., Dixon R.A., Mungas D.M., Hofer S.M., Piccinin A.M. Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: a Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies // *Journal of Aging Research*. 2012. Vol. 2012. Article ID 287438. 12 p. DOI: 10.1155/2012/287438.
20. Шамионов Р.М. Взаимосвязь стратегий поведения и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов // *Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12, № 1. С. 79–83.
21. Shamionov R.M. Risk Society and Humanity // *Chaos, Complexity and Leadership 2014 (Springer Proceedings in Complexity)* / von S.S. Erçetin (Hrb.). Springer ; Auflage, 2015. P. 209–225.
22. Steptoe A., Fancourt D. Leading a meaningful life at older ages and its relationship with social engagement, prosperity, health, biology, and time use // *Proceedings of the national academy of sciences of the United States of America*. 2019. Vol. 116 (4). P. 1207–1212. DOI: 10.1073/pnas.1814723116.
23. Leversen I., Danielsen A.G., Birkeland M.S., Samdal O. Basic Psychological Need Satisfaction in Leisure Activities and Adolescents' Life Satisfaction // *Journal of Youth and Adolescence*. 2012. Vol. 41 (12). P. 1588–1599. DOI: 10.1007/s10964-012-9776-5.
24. Deci E.L., Ryan R.M. Facilitating optimal motivation and psychological well-being across life's domains // *Canadian Psychology-Psychologie Canadienne*. 2008. Vol. 49 (1). P. 14–23. DOI: 10.1037/0708-5591.49.1.14.
25. Tian L., Zhang X., Huebner S.E. The Effects of Satisfaction of Basic Psychological Needs at School on Children's Prosocial Behavior and Antisocial Behavior: The Mediating Role of School Satisfaction // *Front Psychol*. 2018. Vol. 9. P. 548. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00548.
26. Grigoryeva M.V. Characteristics of Young People's Social Activity in Adaptive Situations // *Helix*. 2019. Vol. 9 (3). P. 4890–4893. DOI: 10.29042/2019-4890-4893.
27. Балабанова Е.С. Социально-психологический подход к исследованию социальной активности молодежи // *Знание. Понимание. Умение*. 2018. № 3. С. 210–223.
28. Johnston M.M., Finney S.J. Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale // *Contemporary Educational Psychology*. 2010. Vol. 35. P. 280–290. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2010.04.003.
29. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf
30. International differences in wellbeing / E. Diener, J.F. Helliwell, D. Kahneman (eds.). New York : Oxford University Press, 2010.
31. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Беребин М.А. Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и ее практическое применение : пособие для врачей и клинических психологов. СПб. : Ин-т им. В.М. Бехтерева, 2004. 28 с.
32. Еремина Л.И. Соотношение креативности и социальной активности студентов в социально-преобразующей деятельности // *Известия Саратовского университета. Сер. Акмеология образования. Психология развития*. 2015. Т. 4, № 2. С. 155–159.

33. Шарковская Н.И. Социокультурная активность – понятие современной социокультурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры. 2016. № 3 (71). С. 116–121.
34. Гусейнов А.Ш. Психологические предпосылки зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения молодежи // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 120–127.
35. Shamionov R.M. Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth // Helix. 2019. Vol. 9 (1). P. 4813–4817. DOI: 10.29042/2019-4813-4817.
36. Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Григорьев А.В. Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 1. С. 18–34. DOI: 10.17759/sps.2019100102.
37. Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 25. P. 1–19.
38. Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. 164 с.
39. Шамионов Р.М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 109–122.
40. Xing Z., Huang L. The Relationship Between Age and Subjective Well-Being: Evidence from Five Capital Cities in Mainland China // Social Indicators Research. 2014. Vol. 117 (3). P. 743–756. DOI: 10.1007/s11205-013-0396-6.

Поступила в редакцию 10.02.2020 г.; повторно 26.02.2020 г.;
принята 02.09.2020 г.

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
E-mail: shamionov@mail.ru; shamionov@info.sgu.ru

For citation: Shamionov, R.M. The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-being and Social Frustration of Young People. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 176–195. doi: 10.17223/17267080/77/9. In Russian. English Summary

The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-being and Social Frustration of Young People

R.M. Shamionov^a

^a *Saratov State University, 83, Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation*

Abstract

The study of the ratio of meeting the basic needs, subjective well-being, social frustration and commitment to various forms of activity will help to understand the internal regulation of young people's social behavior. Such scientific knowledge is necessary to expand the opportunities for social self-determination of young people and risk management of social activity. The purpose is to study the ratio of meeting the basic needs, characteristics of subjective well-

being (life satisfaction and happiness experience), social frustration and social activity of young people, to identify direct and indirect effects using structural equation modeling.

305 people took part in the study. We used the questionnaire aimed at evaluating the inclusion in various social activity types, and the Basic Needs Satisfaction in General Scale (Johnston, Finney, 2010), the Life Satisfaction Scale (Diener, Emmons, Larsen, Griffin, 1985), the Happiness Scale (Lyubomirsky, Lepper, 1999), and the Social Frustration Scale (Wasserman, 2004).

We have established that meeting the basic needs, life satisfaction, and happiness are associated with commitment to various forms of social activity. The highest level of determination (in terms of the number of correlations and the closeness of connections) was found in relation to leisure, educational and developmental, religious (positive) and radical protest (negative) activity. At the same time, satisfaction of the need for competence is the most important in motivating different forms of activity. Civil, socio-economic, and educational-developmental activities are associated with social satisfaction in various areas (the content of their work, life prospects, services and medical services, leisure activities, etc.), and social frustration is associated positively with protest, radical protest, and only in one case (dissatisfaction with security), with subcultural activity. Satisfaction of basic needs accounts for 2 to 15% of variations in commitment to various forms of social activity, and life satisfaction accounts for about 22% of variations in social activity.

Keywords: young people; social activity; meeting the basic needs; satisfaction with social life; social frustration.

References

1. Shamionov, R.M. (2018) Social activity of personality and groups: definition, structure and mechanisms. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser. Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 15(4). pp. 379–394. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.
2. Shamionov, R.M. & Grigoryev, A.V. (2019) The Image of Socially Active Individual in the Representations of Student Youth. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 7(1). pp. 15–20. DOI: 10.5937/ijcsee1901015S
3. Savrasova-Viun, T. (2017) Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth. *Communication Today*. 8(1). pp. 104–112.
4. Seigfried-Spellar, K.C. & Lankford, C.M. (2018) Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak. *Personality and Individual Differences*. 124. pp. 54–56. DOI: 10.1016/j.paid.2017.11.047
5. Sherman, L.E., Greenfield, P.M., Hernandez, L.M. & Dapretto, M. (2018) Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood. *Child Development*. 89(1). pp. 37–47. DOI: 10.1111/cdev.12838
6. Svishcheva, E.E. (2017) Volonterskaya deyatel'nost' v sotsial'noy rabote s pozhilymi lyud'mi kak odna iz form proyavleniya sotsial'noy aktivnosti molodezhi [Volunteer activity in social work with older people as a form of young people's social activity]. *Izvestiya Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*. 2(34). pp. 60–65.
7. Perminova, M.S. (2016) Specificity of formation of social activity of young people in volunteer activities. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. So-tsiologiya. Politologiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 16(1). pp. 22–25. (In Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-22-25
8. Grant, P.R., Bennett, M. & Abrams, D. (2017) Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum. *British Journal of Social Psychology*. 56(3). pp. 455–474. DOI: 10.1111/bjso.12186

9. Russo, S. & Amna, E. (2016) When political talk translates into political action: the role of personality traits. *Personality and Individual Differences*. 100. pp. 126–130. DOI: 10.1016/j.paid.2015.12.009
10. Grigoryeva, M.V. (2019) Students' readiness for changes as a predictor of social activity. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. LVI(6). pp. 43–48. [Online] Available from: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/iccsbs2018F06.pdf>
11. Bocharova, E.E. (2018) Regulatory and Worldview Factors of Various Forms of Social Activity of Young People. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 7(4). pp. 333–345. (In Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345
12. Arendachuk, I.V. (2018) Value-based Meaningful Factors of Social Activity of Youth under Different Conditions of Life Activities. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 7(4). pp. 346–358. (In Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358
13. Ferguson, R., Gutberg, J., Schattke, K., Paulin, M. & Jost, N. (2015) Self-determination theory, social media and charitable causes: an in-depth analysis of autonomous motivation. *European Journal of Social Psychology*. 45(3). pp. 298–307. DOI: 10.1002/ejsp.2038
14. Hardy, S.A., Dollahite, D.C., Johnson, N. & Christensen, J.B. (2015) Adolescent Motivations to Engage in Pro-Social Behaviors and Abstain From Health-Risk Behaviors: a Self-Determination Theory Approach. *Journal of Personality*. 83(5). pp. 479–490. DOI: 10.1111/jopy.12123
15. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2000) The “what” and “why” of goal pursuits: Human need sand the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*. 11. pp. 227–268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01
16. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (1985) The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*. 19. pp. 109–134. DOI: 10.1016/0092-6566(85)90023-6
17. Osin, E.N., Suchkov, D.D., Gordeeva, T.O. & Ivanova, T.Yu. (2015) Basic Psychological Need Satisfaction as a Source of Work Motivation and Subjective Well-being in Russian Employees. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 12(4). pp. 103–121. (In Russian).
18. Baard, P.P., Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2004) Intrinsic need satisfaction: a motivational basis of performance and well-being in two work settings. *Journal of Applied Social Psychology*. 34. pp. 2045–2068. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2004.tb02690.x
19. Brown, C.L., Gibbons, L.E., Kennison, R.F., Robitaille, A., Lindwall, M., Mitchell, M.B., Shirk, S.D., Atri, A., Cimino, C.R., Benitez, A., MacDonald, S.W.S., Zelinski, E.M., Willis, S.L., Schaie, K.W., Johansson, B., Dixon, R.A., Mungas, D.M., Hofer, S.M. & Piccinin, A.M. (2012) Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: a Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies. *Journal of Aging Research*. 2012. Article ID 287438. DOI: 10.1155/2012/287438
20. Shamionov, R.M. (2012) Strategies of Behavior Interrelation Subjective Well-Being Representatives Contact Ethnic Groups. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 12(1). pp. 79–83. (In Russian).
21. Shamionov, R.M. (2015) Risk Society and Humanity. In: Erçetin, S.S. von (ed.) *Chaos, Complexity and Leadership 2014*. Springer. pp. 209–225.
22. Steptoe, A. & Fancourt, D. (2019) Leading a meaningful life at older ages and its relationship with social engagement, prosperity, health, biology, and time use. *Proceedings of the*

- national academy of sciences of the United States of America*. 116(4). pp. 1207–1212. DOI: 10.1073/pnas.1814723116
23. Leversen, I., Danielsen, A.G., Birkeland, M.S. & Samdal, O. (2012) Basic Psychological Need Satisfaction in Leisure Activities and Adolescents' Life Satisfaction. *Journal of Youth and Adolescence*. 41(12). pp. 1588–1599. DOI: 10.1007/s10964-012-9776-5
24. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2008) Facilitating optimal motivation and psychological well-being across life's domains. *Canadian Psychology-Psychologie Canadienne*. 49(1). pp. 14–23. DOI: 10.1037/0708-5591.49.1.14
25. Tian, L., Zhang, X. & Huebner, S.E. (2018) The Effects of Satisfaction of Basic Psychological Needs at School on Children's Prosocial Behavior and Antisocial Behavior: The Mediating Role of School Satisfaction. *Front Psychol*. 9. pp. 548. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00548
26. Grigoryeva, M.V. (2019) Characteristics of Young People's Social Activity in Adaptive Situations. *Helix*. 9(3). pp. 4890–4893. DOI: 10.29042/2019-4890-4893
27. Balabanova, E.S. (2018) Sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k issledovaniyu sotsial'noy aktivnosti molodezhi [Socio-psychological approach to the study of social activity of youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 3. pp. 210–223.
28. Johnston, M.M. & Finney, S.J. (2010) Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale. *Contemporary Educational Psychology*. 35. pp. 280–290. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2010.04.003
29. Osin, E.N. & Leontiev, D.A. (2008) Aprobatsiya russkoyazychnykh versiy dvukh shkal ekspress-otsenki sub'ektivnogo blagopoluchiya [Approbation of Russian-language versions of two scales for express assessment of subjective well-being]. In: *Materialy III Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proceedings of the Third All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Institute of Sociology RAS. [Online] Available from: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf
30. Diener, E., Helliwell, J.F. & Kahneman, D. (eds) *International differences in wellbeing*. New York: Oxford University Press.
31. Wasserman, L.I., Iovlev, B.V. & Berebin, M.A. (2004) *Metodika dlya psikhologicheskoy diagnostiki urovnya sotsial'noy frustrirovannosti i ee prakticheskoe primeneniye: posobie dlya vrachey i klinicheskikh psikhologov* [Methodology for psychological diagnostics of social frustration and its practical application: a guide for doctors and clinical psychologists]. St. Petersburg: V.M. Bekhterev Institute.
32. Eremina, L.I. (2015) Sootnoshenie kreativnosti i sotsial'noy aktivnosti studentov v sotsial'no-preobrazuyushchey deyatel'nosti [The ratio of creativity and social activity of students in socially transforming activities]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 4(2). pp. 155–159. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-2-155-158
33. Sharkovskaya, N.I. (2016) Sotsiokul'turnaya aktivnost' – ponyatie sovremennoy sotsiokul'turnoy deyatel'nosti [The concept of modern sociocultural activity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'-tury*. 3(71). pp. 116–121.
34. Guseinov, A.Sh. (2016) Psychological background of genesis and maintenance of extremist worldview of youth. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*. 3(116). pp. 120–127. (In Russian).
35. Shamionov, R.M. (2019) Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth. *Helix*. 9 (1). pp. 4813–4817. DOI: 10.29042/2019-4813-4817

36. Shamionov, R.M., Grigoryeva, M.V. & Grigoryev, A.V. (2019) Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 10(1). pp. 18–34. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2019100102
37. Shiratuddin, N., Hassan, S., Mohd Sani, M.A., Ahmad, M.K., Khalid, K.A., Abdull Rahman, N.L. & Ahmad, N.S.Y. (2017) Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*. 25. pp. 1–19.
38. Smoleva, E.O. & Morev, M.V. (2016) *Udovletvorennost' zhizn'yu i uroven' schast'ya: vzglyad sotsiologa* [Life satisfaction and the level of happiness: a sociologist's perspective]. Vologda: RAS.
39. Shamionov, R.M. (2015) Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological Well-Being in Urban and Rural Populations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 6(4). pp. 109–122. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2015060408
40. Xing, Z. & Huang, L. (2014) The Relationship Between Age and Subjective Well-Being: Evidence from Five Capital Cities in Mainland China. *Social Indicators Research*. 117(3). pp. 743–756. DOI: 10.1007/s11205-013-0396-6

Received 10.02.2020; Revised 26.02.2020;

Accepted 02.09.2020

Rail M. Shamionov – Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University. Professor, D. Sc. (Psychol.).
E-mail: shamionov@mail.ru; shamionov@info.sgu.ru

УДК 159.99

БАЙКАЛ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПОДТАЛКИВАНИЯ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ПАТРИОТИЗМУ¹

А.Д. Карнышев^а, Е.А. Иванова^а, О.А. Карнышева^а

^а Иркутский государственный университет, 664003 Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, 1

Анализируются возможности использования теории подталкивания, разработанной в рамках экономической психологии, с целью создания особых условий для формирования экологического патриотизма у людей. Приводятся данные социально-психологических исследований, проведенных за последние 13 лет, демонстрирующих экологические установки и мнения жителей Байкальского региона России. Опираясь на изоморфную концепцию личности, анализ параметров экологической деятельности и отношение российской молодежи к экологической активистке Грете Тунберг, авторы формулируют положения и выводы о психологических ресурсах подталкивания к экологическому патриотизму.

Ключевые слова: поведенческая экономика; либертарианский патернализм; экологические установки; модель ресурсов личности; экологический патриотизм и оппортунизм; отношение к санкциям.

Нобелевскую премию по экономике в 2017 г. получил американец R. Thaler – специалист по поведенческой экономике. Считается, что он объединил экономический и психологический подходы при анализе процесса принятия решений, хотя надо признать, что такие же аспекты наблюдались в работах других Нобелевских лауреатов по экономике – G. Simon и D. Kahneman. Но R. Thaler сформулировал понятие «либертарианский патернализм» – стратегию, направленную на то, чтобы человек делал оптимальный выбор, продиктованный разумом, а не чувствами. Идеи либертарианского патернализма легли в основу разработанной зарубежными учеными «теории подталкиваемого выбора». Искусство организации подталкиваемого выбора заключается в том, чтобы продумать такую последовательность подключения внешних стимулов, которая, во-первых, создавала бы у субъекта ощущение свободного (от фр. *liberalis*) избрания необходимых шагов и действий, во-вторых, обеспечивала бы не показное, а заботливое, «отеческое» (от лат. *paternus*) наставничество в продвижении субъекта к намеченному (желательному) результату, в-третьих, в некото-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00785 «Экономический патриотизм как объект междисциплинарного исследования в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)» (2018–2020 гг.).

рых случаях заставляла бы субъекта задуматься о негативных последствиях отсутствия шагов в необходимом направлении.

D. Kahneman описал некоторые особенности современного развития данной концепции. С одной стороны, он отметил, что в 2008 г. R. Thaler и K. Sunstein опубликовали работу «Подталкивание: как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье», которая сразу же стала библией поведенческих экономистов. Они ввели в лексикон несколько новых терминов, включая понятие «архитектура выбора» и термины «экон» и «гуман». С другой стороны, D. Kahneman показал, что исследователями предлагаются решения дилеммы – как помочь людям сделать правильный выбор, не ограничивая их свободы: «Талер и Санстейн защищают позицию либертарианского патернализма: государственные и общественные институты могут подталкивать людей к решениям, которые пойдут им на пользу в долговременной перспективе» [1. С. 539]. Здесь можно увидеть историческую параллель с идеями Конфуция о наличии пяти иерархических моделей отношений между людьми в китайском обществе: отец–сын, муж–жена, старший брат–младший брат, друг–друг и правитель–подданный. Аналогичные отношения характерны и для корейцев и японцев [2. С. 23]. При этом даже в управленческой иерархии предполагалось использовать неформальность в отношениях «старших» к «младшим». Китайский ученый Sing Yu в книге «Азиатский стиль управления» дает следующую рекомендацию по применению восточных методов менеджмента: «Патерналистский восточный стиль управления подразумевает, что руководители должны поддерживать и наставлять подчиненных. Это сокращает разницу между ожиданиями руководителя и ожиданиями подчиненных» [Там же. С. 307].

Несколько категоричным примером патерналистского подхода со стороны властных структур, выступает закон, принятый Сенатом США в период мирового экономического кризиса, – «Покупай американское» (1929). Закон, активно действовавший вплоть до середины 1940-х гг., помог преодолеть многие кризисные явления в стране. Скорее всего, демонстрируя историческую параллель, названный законодательный акт усилил новый президент Америки Д. Трамп своим первым указом в 2017 г.: «Покупай американское. Нанимай американцев». Эксперты отмечают, что, руководствуясь стратегией экономического патриотизма, США идут по пути обособления и экономического протекционизма, и это стало особенно заметно на примере «торговой войны» не только с Китаем, но и с некоторыми союзниками Соединенных Штатов. Принятие «патриотических» законов и указов, предоставление с их помощью льгот и преференций по отношению к «своим», а также использование санкций по отношению к разного рода нарушителям норм, прежде всего «чужим», позволяют утверждать, что не только поощрение, но и применение ссудящих «карательных» мер может быть в арсенале «подталкивания». Тем более это относится к проблемам экологического поведения людей и групп в современном обществе.

Концепция «подталкивания», на наш взгляд, отличается тем, что она не может не учитывать психологическую готовность и способность индивидов и групп к дальнейшим действиям. «Отцовское» подталкивание чаще всего базируется на стремлении «родителя» простимулировать внутренние ресурсы «подталкиваемого» лица от внешней помощи (толчка) в ускорении активности до полностью самостоятельного движения в необходимом направлении. Приведенные выше закон США и указ Д. Трампа ученые относят к важным шагам по развитию экономического патриотизма американцев, но в обоих случаях они (и указ, и закон) повлияли на экономический рост и сказались на благосостоянии многих американцев [3].

В данной статье мы делаем попытку рассмотреть возможности использования концепции «подталкивания» применительно к актуальной проблематике сегодняшнего дня – экологическому патриотизму. Понятие «экологический патриотизм» отражает не только активную жизненную позицию по охране и восстановлению природы, но и деятельное участие в конкретных мероприятиях по укреплению экологического благополучия. Причем во многих случаях деятельная забота об экологии не может осуществляться без использования определенных экономических мер. Вот почему мы считаем, что экологический патриотизм целесообразно рассматривать в единстве с экономическим [Там же. С. 102–103].

Экологический патриотизм – феномен, который эффективно может проявляться только в условиях гармонии отношений и взаимодействий:

- а) между человеком и природной средой;
- б) между человеком и «принявшим», взрастившим его социумом;
- в) внутри психологического, духовного мира человека.

В 2016 г. несколько экологических организаций России, объединившись, подписали в Москве «Патриотический акт экологических организаций» и «Меморандум о приоритетах развития экологического патриотизма». При подписании документов присутствовали лидеры Экологической палаты России, Общероссийского общественного движения «Зеленый век», экологического движения «Кедр», движения «Зеленая Россия», Российской экологической партии «Зеленые». Участниками было отмечено, что именно патриотизм в формировании экологической культуры может подтолкнуть сегодня людей к заботе об экологии во имя благополучия будущих поколений. Принцип экологического патриотизма позволит обеспечить баланс между биосферой и техносферой, между использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды. Экологический патриотизм – реальный фактор, нацеленный на нейтрализацию экологических вызовов и угроз современности, – считают инициаторы Патриотического акта.

При этом, конечно, проблему можно рассматривать и несколько шире: определенное подталкивание не помешает и людям, недостаточно задумывающимся о своих действиях, поступках, потребностях, идущих вразрез с принципами защиты природы. На наш взгляд, образ экологической защитницы планеты – шведской школьницы Г. Тунберг – часто используется

сегодня зарубежными СМИ и политиками именно в связи с его (образа) возможностями подталкивания к соответствующему поведению даже мало информированных молодых людей. Манифестации и демонстрации, прошедшие в защиту позиций Г. Тунберг во многих европейских странах, достаточно убедительно подтвердили это [4].

Как бы ни подчеркивалось значение глобальных проблем экологии планеты, истинная забота о природе начинается обычно с локальных мест, где каждый человек может (если хочет) внести свою лепту в защиту и облагораживание окружающей среды. Байкал в этом плане может «похвастаться» одним существенным в масштабах страны, и не только страны, обстоятельством: он стал точкой отсчета, с которой началась практическая реализация борьбы за чистоту и безопасность окружающей природы в СССР. В 1958 г. в «Литературной газете» появилась статья, которая имела острое название «В защиту Байкала». В статье резко критиковался проект инженера Н.А. Григоровича, предлагавшего улучшить гидроэнергетические характеристики р. Ангары, углубив ее русло в истоке посредством взрыва. Уровень Байкала собирались вначале понизить на три-пять метров, а затем в течение последующих десятилетий повышать и вновь понижать с шестиметровым размахом колебаний. Проект, как полагали инициаторы, должен был принести два миллиарда рублей прибыли народному хозяйству.

В борьбе против горе-проекта важную роль сыграли суждения профессора М. Кожова: «Именно миллиарды хватают за сердце некоторые наши планирующие организации, углубляют и усложняют борьбу против проекта... Два миллиарда! А сколько будет стоить тридцать тысяч аммонита, нужные для взрыва? А сколько будет стоить гибель рыбного богатства Байкала, которая произойдет при взрыве? Байкал – глубочайшее в мире озеро, а для животного мира имеют значение лишь мелководные прибрежные участки... Наши подсчеты показывают, что загубленное рыбное хозяйство Байкала составит те же два миллиарда рублей». Вместе с М. Кожовым протестную статью подписали известные деятели Иркутской области.

Самое главное, борцам за Байкал приходилось выступать против установок КПСС и мнений известных партийных деятелей, что в то время было «чревато». Например, секретарь Иркутского обкома КПСС тех лет К. в адрес ученых бросал следующие слова: «Мы хотим создать новое предприятие, сотни тысяч тонн алюминия выдать, а вы нам там всяких козляков, рачков-бычков собираете». Секретарь Бурятского обкома КПСС М., в свою очередь, назвал ученого Г.И. Галазия за его позицию «врагом бурятского народа».

Победа байкальских «зеленых» в противостоянии с «южной трубой» (слив отходов целлюлозного комбината в реку Иркут) в 1987–1988 гг., а тем более в борьбе с «северной трубой» (маршрут нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» у северных берегов Байкала) в 2006 г., когда их на совещании в Томске поддержал Президент России, показали,

что это движение способно достигать патриотических целей. Сегодня, в связи с возрастанием загрязнений на Байкале отходами от «ажиотажных» потребностей современных людей, в связи с неоправданным использованием байкальских ресурсов не только отечественными, но и китайскими и иными зарубежными предпринимателями, проблема формирования экологического патриотизма становится, на наш взгляд, еще более острой [5–7].

Как уже говорилось, рациональное подталкивание может базироваться только на понимании сути процесса и его естественной технологии (природосообразности) развития. Раньше отцы «подталкивали», опираясь на собственный, традиционно закрепившийся опыт (внешние явления и процессы повторялись) и руководствуясь правилом «добра» для следующих поколений. «Мы» подтолкнули, а «он», следуя по нашим стопам, уже не собьется с пути. Авторитет знаний также был высок. Все, даже самые умные, машины «подталкивались» человеческим знанием. Французские специалисты по бионике фиксируют: «Для того чтобы машина могла эффективно работать, программисты а-priori должны вложить в искусственную систему огромное множество человеческих знаний» [8. С. 95].

Сегодня «подталкивают» без должной опоры на знания, надеясь на волюнтаризм и «авось», поскольку повторяющийся опыт старших зачастую не срабатывает: все быстро меняется. Необходимость «бережного» подталкивания часто возникает в связи с известным психологическим явлением, называемым «недостатком самоконтроля» – человек в определенных ситуациях поддается сиюминутному искушению. Этот недостаток становится одной из главных причин крушения планов многих людей, ранее намеревавшихся улучшить окружающую обстановку или укрепить здоровье.

Роль знаний и / или конкретных качеств человека в целесообразности его подталкивания делает актуальными существующие концепции личности. Каким бы искусным ни было подталкивание, но все же пусковым крючком принимаемого конкретного решения является какое-то конкретное психологическое побуждение (образование). То, что мне «помогли» двинуться, не означает, что мне хватит внутренней энергии для продолжения движения, если я не подключу собственные ресурсы.

При этом очень важно понять, что может выступить в качестве первопричины или / и «топлива» для внутреннего двигателя личности после внешнего акта подталкивания. При анализе данного вопроса мы опираемся на работы Г. Allport и уже неоднократно оправдавшую себя модель личностных ресурсов, которую используем в наших теоретических исследованиях и практических разработках не менее 25 лет [9–12]. Такой анализ выделяет ряд взаимоувязанных друг с другом компонентов структуры личности, учет которых может привести к успеху реализации намерений «подталкивающего» в экологической деятельности (рис. 1).

В связи с целью и задачами статьи обратимся к конкретным параметрам личности в их связи с экологическим «подталкиванием».

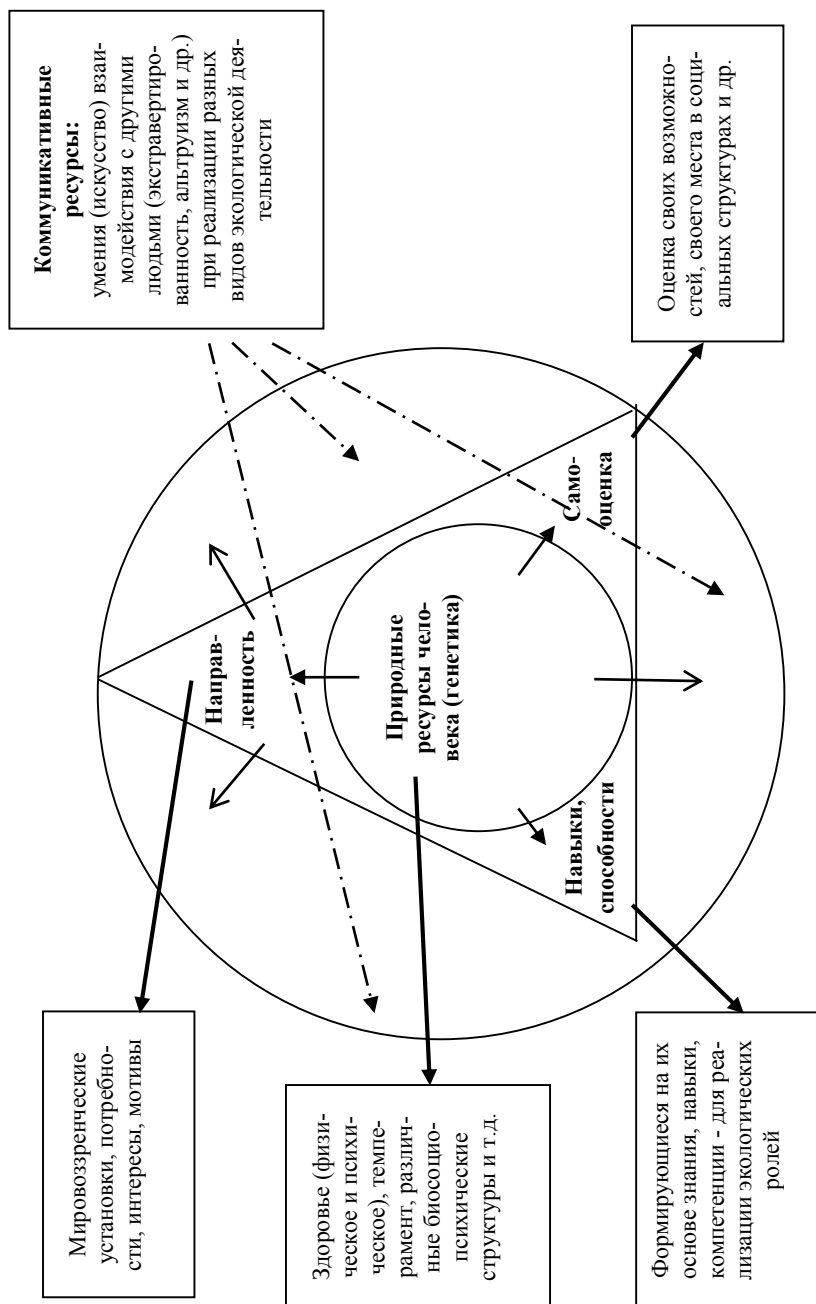

Рис. 1. Модель ресурсов личности, ориентированных на эффективную связь с природой и обществом

1. Природные ресурсы человека. Обращение в психологических и экологических работах к понятию «природа» имеет как минимум два аспекта – внешний и внутренний. В первом случае речь идет о качествах, свойствах и законах функционирования внешнего мира и о его экологической защите и самозащите от вредных воздействий. Так, американка Jenin M. Benius в созданном ею гимне Природе в книге «Биомимикрия – инновации, вдохновленные природой» приводит простые и убедительные утверждения типа: природа использует солнечную энергию, причем использует ее бережно; природа все перерабатывает без отходов; природа ограничивает все крайности и т.д. [8]. В этих словах, с одной стороны, отражены преимущества Природы над человеком: например, для бытия современного человека необходима масса источников энергии – уголь, газ, нефть, вода и т.д., а для всего живого на земле хватает одной солнечной энергии, которую каждый из живых организмов расходует очень экономно. С другой стороны, в каждой из формулировок гимна Природа как бы дает человеку «предписание» – в каком направлении ему надо следовать, но благопожелания такого рода чаще всего остаются не воспринятыми и / или нереализованными.

Именно в оценке географических возможностей окружающей среды, на наш взгляд, состоит один из главных ресурсов подталкивания людей к экологическому патриотизму, естественно, при учете некоторых сторон национального менталитета. Например, японцы, проживающие на небольших островах, в ходе промышленного «бума» уже в 70-х гг. XX в. поняли его пагубное влияние на природу и человека и приняли экстренные и действенные меры по защите природы. И то, что русские и «иже с ними» люди, достаточно давно осознавшие безграничность просторов своей страны, нередко бездушны и расточительны по отношению к окружающей флоре и фауне, также является некоторым следствием масштабности восприятия окружающего мира. Подспудная мысль «у нас всего и всем хватит» на уровне подсознания формирует психологию растрачивания и транжирства природных ресурсов, отсутствия должной заботы о них, делает экологический патриотизм «расплывчатым» понятием.

Отсюда субъекту подталкивания чрезвычайно важно обратиться к такому внутреннему природному параметру человека, который побудит последнего к конкретным действиям и поступкам защиты природы внешней. Таким обобщенным параметром является, на наш взгляд, здоровье человека. Обратившись непосредственно к данному понятию, стоит вспомнить, что вплоть до XIX в. болезнь и здоровье рассматривались или через призму борьбы добра и зла, или – в религиозной интерпретации – как последствия греховности / не греховности человека. Болезнь считалась указанием на зло и совершение грехов, здоровье – на добро и следование божественным канонам. Отсюда в христианской медицинской науке лучшим средством лечения было не лекарство, а молитва. Сегодня на смену общих понятий «грех» и «зло» должны прийти осознанные и неосознанные установки о вреде для организма природных «проступков». Человек должен

безусловно принять, что любое экологическое нарушение чревато негативными последствиями, которые могут отражаться на нем двумя путями: во-первых, с ухудшением состояния окружающей среды (т.е. практически условий нормального проживания) наносится вред самому человеку, что скажется в виде регрессии физического и психического здоровья по обычному правилу – «капля за каплей камень точит»; во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов последствия, которые сегодня на житейском уровне называют просто – «природа мстит человеку», причем не только через снижение ее рекреационных возможностей, но и непосредственно через «агрессивность» стихийных сил. На глазах одного поколения усилилось разрушающее влияние наводнений, селевых потоков, ураганов, циклонов и тайфунов, и нередко причинами этого служат результаты непродуманной человеческой деятельности. Может, несколько преувеличенным, но достаточно верным будет афоризм: «Если человек выстрелит в природу из пистолета, она ответит ему из пушки».

Чтобы проверить уровень осознания связи экологии с собственным здоровьем мы провели исследование, которое подтвердило наличие определенных тенденций (табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос «Есть ли взаимосвязь между ухудшением экологической ситуации и здоровьем человека и его близких?»

Вариант ответа о наличии взаимосвязи	Ответы респондентов из разных населенных пунктов, %			
	Из крупных городов	Из небольших городков, рай-центров	Из крупных сел	Из небольших сел, деревень
Определенно нет взаимосвязи	3,5	2,2	1,9	2,4
Возможно, есть, но совсем незначительная	16,9	17,3	16,7	14,6
Иногда эта взаимосвязь вполне заметна	13,9	21,2*	18,5	22,0*
Стал чувствовать это все чаще и чаще	11,9	8,4	14,8	7,3
В том, что взаимосвязь есть, нет никаких сомнений	52,7	47,8	44,4*	53,7
Затруднились ответить	0,5	1,3	3,7	0,0

Примечание. * $p < 0,05$.

Данные, приведенные в табл. 1, прежде всего демонстрируют близость мнений жителей разных территорий о негативном влиянии ухудшения экологии на здоровье человека. Помимо этого, они позволяют утверждать, что психологическая оценка экологических последствий неразумной деятельности человека сдвигается к принятию тезиса «Себе дороже», который может сменить нерациональную позицию «Все виноваты, а я здесь ни при чем». Посредством подталкивания следует постараться сделать все воз-

можное, чтобы установки подобного рода стали постоянным достоянием экологического сознания и экологичного поведения людей.

2. Направленность личности. Мотивация и убеждения человека чаще всего предшествуют конкретным поступкам и действиям. Любые, не только созидательные, но и губительные решения и действия рождаются прежде всего в сознании людей, выныривают из него и, получив поддержку со стороны других людей, врываются в жизнь. Поэтому психологически целесообразно и социально важно разобраться в мотивах людей, выбиравших в прошлом и выбирающих сегодня в вопросе об экологии Байкала позиции «за» или «против» строительства всяческих разрушительных для природы объектов. Итак, мотивы людей, выступающих за строительство экологически вредных производств и проявляющих самоуспокоенность:

- уверенность в лоббировании интересов страны, экономическая и стратегическая выгода (производство бумаги, «чистой» целлюлозы и т.п.);
- бездумность, привычка следовать тому, что говорят в верхах, исполнительство;
- стремление угодить начальству; боязнь за свою карьеру;
- подверженность давлению со стороны сильных мира сего;
- вера, что такие незначительные загрязнения Байкалу не страшны, ведь уже сегодня Байкал вбирает загрязненные воды Селенги и других рек, но «ничего с ним не делается»;
- уверенность в том, что все стоки целлюлозных комбинатов абсолютно безвредны для фауны и флоры бассейна озера;
- у защита «чести мундира» после принятия решения или согласования проекта;
- ссылки на трату средств: уже началось, отложить нельзя;
- боязнь признаться в ошибке.

Примеров и подтверждений конкретных мотивов людей, пренебрегших интересами Байкала, можно привести бесчисленное множество. Сегодня это не так уж важно. Укрепившаяся за многие десятилетия зависимость не только муниципального управления, но и науки от властных структур, прежде всего в вопросе финансирования (в науке – исследовательских и фундаментальных проектов), породила стремление значительного количества практиков и ученых либо открыто не противоречить чиновникам, либо направлять свои усилия на разработку «благословенных», но заранее безуспешных проектов или предоставлять абстрактные и обтекаемые выводы, безопасные для авторов положений и фраз.

Между тем в экологической истории Байкала было больше людей другого сорта, о которых мы кратко сказали в начале статьи. Истинные рыцари и хозяева Байкала, которые не искали выгоды и карьеры, бросались на защиту его достоинства и благополучия в любые коллизии, не боясь ни за свои утраченные «ранги» и прибыли, ни за свой покой. Мотивами, кроме страстной любви к природе и Священному морю, для них, несомненно, были:

- отказ от губительного безразличия по отношению к перспективам существования человечества, да и самой Земли;
- личная озабоченность судьбой Байкала;
- понимание негативных последствий, которые могут возникнуть для людей не только в регионе, но и в других точках планеты;
- желание бороться за общественно значимое дело: гражданская позиция;
- стремление влиять на «зарвавшиеся» власти;
- поддержка экологического движения и укрепление экологического самосознания людей.

Нетрудно сделать вывод, что позитивное подталкивание к экологическому патриотизму должно базироваться в первую очередь на такого рода мотивации, преодолевая барьеры чинопочитания, равнодушия, пренебрежения к экологическим проблемам. Вместе с тем нельзя не сказать о негативе и противоположных взглядах. Признание крайностей в разрушении природы становится порой основой позиций адептов от экологии о необходимости аскетизма в удовлетворении потребностей. О таких проявлениях весьма оригинально размышляет П. Шварц: «По своей сути доктрина зеленых требует, чтобы человек отказался от комфорта, благополучия и *самого себя*. Перестаньте стремиться к счастью, увещевает она, и подумайте лучше, как доставить удовольствие улиткам и совам» (курсив П. Шварца) [13. С. 82; 14. С. 145].

3. Навыки и компетенции. Известная психологически оправданная мудрость гласит: «Посеешь желание – пожнешь поступок, посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу». В данной мудрости наиболее значимо то, что и экологическая судьба человека во многом зависит от тех конкретных поступков и привычек, которые в нем формируются с детства и с которыми он «вторгается» в окружающий мир. В частности, на Байкале любой местный житель должен не только знать, что негативно влияет на природные детерминанты его здоровья и самочувствия, но и уметь своими поступками и действиями, своим конкретным участием вносить реальную лепту в защиту и облагораживание природной среды, ее флоры и фауны.

О том, что сибирские жители начали уже понимать, что они сами не играют должной роли в защите природы, свидетельствуют данные наших опросов жителей Байкальского региона в 2007 и 2013 гг., осуществленные при финансовой поддержке РГНФ, и опроса 2019 г., проведенного за счет гранта РФФИ. На вопрос: «В какой мере местное население способствует защите и благоустройству окружающей среды на территории, где Вы проживаете?», мы получили следующие ответы (табл. 2). Особый комментарий здесь, на наш взгляд, не нужен, хотя явно заметно увеличение мнений о «равнодушии» населения (за счет роста числа заботящихся «на словах»). Стоит добавить, что во всех трех исследованиях близкие по содержанию ответы были получены и на аналогичный вопрос: «В какой мере, на Ваш взгляд, местные власти заботятся о природе?».

Таблица 2

**Мнение респондентов об активности местного населения в защите
и благоустройстве окружающей среды (данные по трем опросам)**

Варианты ответов	Опросы		
	2019 г.	2013 г.	2007 г.
Все местное население озабочено и стремится внести свой вклад	3,3%	7,1%	6,5%
Большинство жителей стремятся что-то сделать, но не все получается	19,5%	15,3%	23,6%
Этим озабочены немногие, большинство же равнодушно	55,8%*	33,3%	24,3%*
Забота осуществляется лишь на словах, на деле продолжается загрязнение природы	16,7%*	27,7%	35,3%*
Никто об этом даже не задумывается	1,4%	8,7%	7,3%
Затруднились ответить	1,4%	6,4%	2,9%

Примечание. * $p < 0,05$.

Для «подталкивания» людей к экологичному поведению важно четко представлять его возможные варианты и потенциальные формы реального вклада с подсчетом их конкретной эффективности. В частности, экономическому расчету можно подвергнуть все нижеперечисленные формы экологичного поведения:

- значение (можно просчитать) повседневных привычек: чистка зубов без лишнего потребления воды, отказ от пластиковых пакетов и посуды, экономия бумаги, газа, электроэнергии;
- утилизация вторичного сырья: сборание пластиковой посуды и бутылок, жестяных банок, бумаги, металлолома и т.п.;
- посадка деревьев и сбор семян их ценных пород, сооружение «домиков» для птиц и насекомых;
- очистка берегов Байкала и близлежащих водоемов (озер, рек и речек, заводей и т.п.) от мусора;
- уборка мусора на природе: «после меня должно быть только чище»;
- организация «зеленых» и «голубых» патрулей;
- деятельность туристических гидов для экологических туристов;
- реклама и PR любых форм экологичной экономики;
- благотворительность, меценатство, спонсорство дел и действий по защите и охране природы;
- волонтерские акции ради природы, организация волонтерского экологического туризма.

4. Самооценка и социальный статус. Интересно отметить, что роль самооценки в «подталкиваемом выборе» была в свое время апробирована в педагогике. Так, известный в 60–70-е гг. XX в. учитель-новатор В. Шаталов объяснял один из своих главных методов обучения всех школьников – желающих и не желающих изучать дисциплины – трудному предмету «физика» тем, что, дифференцируя набор трудных и легких задач для школьников и побуждая ребят на их выбор (например, из совокупности 100 задач

разной сложности надо было выбрать и решить 20), учитель подталкивал к решению все более и более сложных задач. В этой динамике важнейшую роль играла постепенно, пошагово растущая самооценка личности в связи с успешным решением части задач.

Данный пример учит подталкиванию посредством стимулирования самооценки. Несомненно, правильно организованный самоанализ на основе адекватной самооценки приводит не только к осознанию наличия собственных ресурсов, но и к пониманию собственных позитивных или негативных перспектив. D. Kahneman на своем примере ученого так показывает это: «Полагаю, без иллюзорного ощущения собственной значимости человек попросту опускает руки, раз за разом переживая мелкие поражения и редкие победы» [1. С. 346].

Сегодняшний день показывает, что рассчитывать только на сознательность и ответственность граждан в формировании разумного отношения к природе не приходится. Немалое количество и рядовых обывателей, и деловых людей, и даже представителей государственных организаций своими повседневными делами и привычками наносят ощутимый вред окружающей среде. Именно поэтому в настоящее время приемлемы меры потенциального подталкивания к поведению, не нарушающему экологические нормы. Психология самоконтроля и самооценки должна стимулироваться конкретными факторами. Рассмотрим в связи с этим принцип «горячей печи», который когда-то обосновал американский психолог Douglas MacGregor. Вот суть его рассуждений, переложенная на экологическую почву:

а) Горячая печь излучает жар, т.е. предупреждает всех, что прикосновение к ней вызывает ожог. Система борьбы с экологическими нарушениями также должна быть предупредительной, т.е. информация о негативных последствиях должна быть известна заранее.

б) Горячая печь обжигает сразу же в случае прикосновения к ней, никто не подвергает сомнению связь между прикосновением к печи и ощущением боли. Возмездие за обнаруженные преступления, а также за небрежность в экологической сфере должно неминуемо следовать сразу же реальным фактом.

в) Горячая печь обжигает каждого, не обращая внимания на его отношение, позицию, протекцию. Бедой экологического законодательства стали избавления нарушителей от ответственности по субъективным причинам. Нарушитель, обросший связями и знакомствами в коррумпированных органах, чаще всего уверен в своей безнаказанности.

г) Горячая печь обжигает всегда, при любом соприкосновении, нет такого положения, чтобы ожог не произошел. Общая атмосфера в органах, обладающих правом наказывать за экологические нарушения, не должна допускать случаев, когда ответственные лица могут пренебречь установленными правилами: один карает, а другой – в его отсутствие – прощает.

д) Обжегшийся человек обижается на печь «не сильно и не долго», а больше обижается на себя.

Кому-то предлагаемый подход «горячей печи» может показаться «драконовским»: не соответствует демократическим и гуманным принципам. Но давайте пройдемся по экологическим «порядкам» некоторых стран. Во Франции въезд в Булонский лес на автомобиле или разведение там костра обойдется примерно в стоимость автомобиля. В Норвегии штрафуют даже за сорванный в лесу гриб (потому что грибы – для белок). Именно поэтому в Европе нигде не валяются автомобильные шины, не горят костры в парках, а в лесу стоят красавцы-боровики. Какие-то природоохранные меры на бумаге существуют и в Байкальском регионе. Например, штраф за уничтожение газонов и клумб в Иркутской области составляет 3–5 минимальных оплат труда, мойка машины во дворе – 1–10 МРОТ, порча, вырубка деревьев, кустов – 5–10 МРОТ, захламление придомовой территории – 3–10 МРОТ. Но эти «бутафорские» санкции пока не приносят какого-либо осязаемого эффекта по двум основным причинам. Во-первых, не такой, как у иностранца, менталитет у сибирского (шире – российского) жителя: экология и порядок в родных местах для него – дело третьестепенное, он сам их зачастую не блюдет и с других не спрашивает. Во-вторых, и принцип «горячей печи» у нас не в почете: и власти его далеко не всегда соблюдают, и общественность до него только дорастает.

Правда, можно утверждать, что «дорастание» людей до понимания справедливости принципа «горячей печи» в последнее время все же происходит. В двух наших исследованиях 2007 и 2019 г. на вопрос «В какой степени Вы согласны с мнением, что сегодня необходимо резко ужесточить карательные меры за загрязнение и порчу природы со стороны любого человека?», были получены следующие ответы (табл. 3).

Таблица 3

Мнения респондентов о поддержке ужесточения карательных мер за загрязнение и порчу природы

Мнение о характере поддержки / не поддержки карательных мер	Ответы респондентов из Байкальского региона, %	
	2007 г. (N = 1 062 чел.)	2019 г. (N = 447 чел.)
Полностью и безусловно поддерживаю	65,2	34,0
В целом поддерживаю, но надо широко проработать какие-то условия наказания и т.п.	31,0	55,0
С жесткими мерами я не согласен	1,8	1,8
Затруднились ответить и не ответили	2,0	9,2

Опросы показали, что процент поддержки жестких мер значителен, т.е. респонденты в большинстве являются сторонниками жесткого подталкивания, опираясь на нежелание людей подвергаться негативным санкциям. Правда, за последние годы заметно увеличилось число тех, кто ратует за усиление правовой основы таких мер, что надо воспринимать как позитивный факт. Очевидно, надо подумать и показать всем болеющим за уникальность и чистоту Байкала, какими конкретными механизмами это осуществлять, опираясь, конечно, на местную инициативу.

5. Коммуникативные ресурсы личности. Выше мы упоминали о том, что Конфуций предлагал пять иерархических моделей отношений в обществе: «отец–сын», «муж–жена», «старший брат–младший брат», «друг–друг» и «правитель–подданный». Каждое взаимодействие, осуществляемое в рамках конкретной модели, предполагает свои особенности. Но любые коммуникации могут стать потенциалами взаимного подталкивания людей к действиям и поступкам по экологическим нормам. Более того, экологический патриотизм – это такое явление, которое может по-настоящему сформироваться в самых массовых формах. Так, в Японии широко распространены выезды на природу не только семьями, но и разноуровневыми корпоративными сообществами. Здесь гармонично сочетается совместное любование природными объектами (цветущей сакурой, первым снегом и т.п.) с содержательным общением «на природе и о природе». Такие контакты между людьми и окружающей средой, вне всякого сомнения, воздействуют не только на экологическое воспитание (особенно детей), но и на психологическое здоровье всех и каждого. Еще более важную роль в данном отношении можно отвести экологическим акциям, в ходе которых осуществляется облагораживание природных ландшафтов и флоры (меры по Байкалу, кратко упомянутые выше) [15, 16].

Межличностное подталкивание может особенно эффективно подействовать на оппортунистически настроенных людей, которых сегодня в экологии хватает. Напомним механизм проявления «оппортунизма» и его последствия. «...Если группа велика, то участник сознаёт, что его личное участие или неучастие общей картины существенно не изменит. Поэтому, поддерживая идею организации в целом, он склонен сэкономить свои ресурсы и “выехать” за счет других. Соблазн “безбилетного” проезда очевиден, и проблема “безбилетника” становится камнем преткновения. Причем важно то, что она порождается не ошибочными расчетами или отсутствием информации, а, напротив, сугубо рациональными установками индивидов» [17. С. 145]. К сожалению, в экологической деятельности сегодня немало «рациональных» безбилетников, способных только в «псевдопатриотическом» раже провозглашать лозунги о загубленной природе, но не участвовать в конкретных делах по ее защите и восстановлению. И здесь нужны особые меры по подталкиванию.

В настоящее время в ряде стран Запада, особенно в молодежной аудитории, анализ глобальных проблем экологии и надежда привлечь к их решению как можно больше людей связаны с образом Г. Тунберг. В частности, сегодня в движении Fridays For Future, которое выросло из забастовок Греты, активно участвуют более двух миллионов человек. В 2019 г. ряд зарубежных СМИ назвал Г. Тунберг одной из «персон года». В вышедшей в Италии в конце 2019 г. книге «Наш дом в огне» Грета со своими единомышленниками представляет свою переписку с разными научными, экологическими и политическими организациями по проблемам загрязнения планеты. Девушка становится ярким символом защитника Земли, хотя многие из ее требований утопичны: даже у самых богатых государств се-

годня нет средств на активную борьбу с предприятиями, выделяющими парниковые газы. Понимая это, многие взрослые относятся к Грете неоднозначно. В российских СМИ порой звучит мнение, что эта девочка не стоит того внимания, которое ей уделяют. Можно было бы с этим согласиться, но, на наш взгляд, замалчивание информации о Грете в России кое для кого будет звучать нашим самопризнанием в особых недостатках в формировании экологического сознания людей, особенно молодежи. Поэтому разобраться в возможностях образа Греты в стимулировании экологической активности российской молодежи стоит. Наш анкетный опрос дал более подробные данные о характере отношения молодежи сибирских городов и сел (гг. Иркутск и Улан-Удэ, Усольский р-н Иркутской обл.) к личности и деятельности Г. Тунберг (табл. 4).

Таблица 4

Оценка сверстниками из России влияния примера шведской школьницы Г. Тунберг на рост экологической активности молодежи Байкальского региона

Варианты ответа на вопрос: «Повлияет ли пример шведской школьницы Г. Тунберг на рост экологической активности молодежи Байкальского региона?»	% ответов (N = 222)
Да, в полной мере	4,9
Да, но незначительно	13,3
Может быть повлияет, а может и нет	32,2
Вряд ли повлияет	16,0
Не повлияет	12,5
Затруднились ответить	18,2
Другое	2,9
Не оценили, поскольку не знают о позиции и делах Г. Тунберг	225 из 447 чел. (50,3%)

Таким образом, оценку влияния примера Греты Тунберг на экологическую активность молодежи можно считать скорее неопределенной, чем позитивной или негативной. Но все же стоит признать положительное влияние рассматриваемого примера шведской школьницы на некоторые позиции и характеристики определенной части сибирской молодежи, и данное обстоятельство можно и нужно дифференцированно использовать в рассматриваемых нами целях.

Выводы

Если говорить о психологической базе процесса подталкивания к экологическому патриотизму, можно показать те установки, которые могут стать органичными для человека в силу их слитности с естественными состояниями и запросами и поэтому должны быть использованы в соответствующих целях. Это могут быть:

– понимание влияния экологической ситуации на личное здоровье, четкое видение сути влияния конкретных природных факторов на самочувствие, образ и длительность жизни индивида, когда любой вред, наносимый природе, бумерангом возвращается в разные системы человеческого

организма (известное русское изречение «себе дороже» хорошо раскрывает данный аспект);

– осознание солидарности своих экологических позиций и действий, своих помыслов с мнениями и установками других людей и отсюда их социальной значимости;

– представление возможностей использования своего потенциала для защиты окружающей среды, обеспечения ее процветания, для развития своих дарований, которые так или иначе связаны с природным миром, для процветания окружающей среды;

– стремление к высокой самооценке, в которую обязательно включены элементы осознания роли своего «Я» в преобразовании окружающего мира, в достижении гармоничного единства с природой;

– желание взаимодействовать с другими людьми по поводу жизненно значимых ценностей, которыми наполнена природоохранная деятельность в силу своей социальной и личностной пользы (популярность разных вариантов «зеленого» движения на Западе весьма красноречиво иллюстрирует это).

Названные позиции и установки становятся тем внутренним фундаментом, на котором выстраивается общее отношение к природе. Но психика – это всегда многостороннее движение, и, соответственно, глобальные и национальные влияния могут во многом менять мышление и поведение индивида.

Литература

1. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М. : АСТ, 2019. 653 с.
2. Ю С.О. Азиатский стиль управления: как руководят бизнесом в Китае, Японии и Южной Корее. М. : Альпина Паблишер, 2018. 318 с.
3. Глобальное, национальное и личное в экономическом и экологическом патриотизме (на примере молодежи Байкальского региона) / А. Карнышев, Е. Иванова, О. Карнышева, Н. Грицких, Е. Решетникова. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2019. 407 с.
4. Карнышев А.Д., Иванова Е.А. Феномен Греты Тунберг как индикатор глобальных и этнорегиональных проявлений экологического патриотизма // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. 2019. Т. 30. С. 4–12. DOI: 10.26516/2304-1226.2019.30.40.
5. Вайцзеккер Э. Фактор 5. Формула устойчивого роста. М. : АСТ-Пресс, 2013. 368 с.
6. Герт К. Куда пойдет Китай, туда пойдет мир: как китайские потребители меняют правила игры. М. : Юнайтед Пресс, 2011. 271 с.
7. Планета Земля: будущее. СПб. : Амфора, 2008. 319 с.
8. Гийо А., Мейе Ж.-А. Бионика. Как наука имитирует природу. М. : Техносфера, 2013. 280 с.
9. Карнышев А.Д. Восприятие Байкала и Сибири в контексте отношения к природе // Сибирский психологический журнал. 2005. № 5-6. С. 5–17.
10. Карнышев А.Д. Природосообразность и психологическое здоровье личности // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 141–156. DOI: 10.17223/17267080/57/10.
11. Карнышева О.А. Этническая идентичность и национальное достоинство как психологические детерминанты экономического поведения // Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития : 13-я междунар. науч.-практ. конф., 26–29 ноября 2013 г., Санкт-Петербург. СПб. : НВШ-СПб., 2013. С. 135–138.

12. Олпорт Г. Становление личности : избранные труды. М. : Смысл, 2002. 462 с.
13. Радаев В. О роли насилия в российских деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 81–100.
14. Радаев В. О рациональности и коллективном действии (о книге М. Олсона «Логика коллективных действий») // Вопросы экономики. 1996. № 10. С. 138–152.
15. Дагбаева Н.Ж. Модели школ экологической направленности в образовательном пространстве Байкальского региона. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т, 2002. 142 с.
16. Хардин Д. «Волк». Энергия Матери-Земли. Возвращение к истокам природы. СПб. : Весь, 2011. 240 с.
17. Рэнд А. Возвращение примитива: антииндустриальная революция. М. : Альпина Паблишер, 2015. 347 с.

Поступила в редакцию 10.03.2020 г.; принята 04.09.2020 г.

Карнышев Александр Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной работы Иркутского государственного университета.

E-mail: ale3441@yandex.ru

Иванова Елена Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета.

E-mail: ea444@yandex.ru

Карнышева Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета.

E-mail: borisovvla@yandex.ru

For citation: Karnyshev, A.D., Ivanova, E.A., Karnysheva, O.A. Lake Baikal and Psychological Resources to Encourage Environmental Patriotism. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 196–214. doi: 10.17223/17267080/77/10. In Russian. English Summary

Lake Baikal and Psychological Resources to Encourage Environmental Patriotism

A.D. Karnyshev^a, E.A. Ivanova^a, O.A. Karnysheva^a

^a *Irkutsk State University, 1, K. Marx St., 664003, Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The American scientist R. Tyler formulated the concept of “libertarian paternalism”, which outlined a strategy aimed at ensuring that a person makes optimal choices dictated by reasons, not feelings. These ideas formed the basis of the “nudge theory”. In this article, we make an attempt to consider the possibility of using the concept of pushing with reference to the urgent problems of today - the development of environmental patriotism in people. The concept of “environmental patriotism” reflects not only an active life position on the protection and restoration of nature, but also active participation in specific activities to strengthen environmental well-being. Ecological patriotism today is a real factor aimed at neutralizing the environmental challenges and threats of our time.

The nudge theory with the development of environmental patriotism can be demonstrated by the example of the inclusion of a person’s individual resources, which in turn explains what exactly “shifts” in the process of pushing and makes a person make his choice:

– Natural resources of a person: understanding the impact of the ecological situation on personal health, a clear vision of the essence of the influence of specific natural factors on the well-being, lifestyle and life expectancy of an individual, when any harm caused to nature is

returned by a boomerang to different systems of the human body (the famous Russian saying is «more expensive for yourself» discloses this aspect well). For today researches conducted by the authors of the article show that so many people are united by the idea that their health is directly related to the ecology of the region in which they live. Through “encourage” we must try to do everything possible so that installations of this kind become a constant possession of environmental consciousness and the environmentally friendly behavior of people;

- Personality orientation: awareness of the solidarity of their environmental positions and actions, their thoughts with the opinions and attitudes of other people and hence their social significance;

- Skills and competencies: presentation of the possibilities of using one’s potentials to protect the environment, ensure its prosperity, to develop its talents that are somehow related to the natural world, for the prosperity of the environment;

- Self-esteem and social status: the desire for high self-esteem, which necessarily includes elements of awareness of the role of “me” in the transformation of the world, in achieving harmonious unity with nature;

- Communicative resources of the individual: a desire to interact with other people about the vital values that environmental activity is filled with because of its social and personal benefits (the popularity of various options for the “green” campaign in the West eloquently illustrates this).

Today shows that it is not necessary to rely only on the consciousness and responsibility of citizens in the formation of a reasonable attitude to nature. The above positions and attitudes become that internal foundation on which a careful attitude of man to nature can be nurtured. In our opinion, the image of the planet’s environmental defender, the Swedish schoolgirl G. Thunberg, is often used today by foreign media and politicians precisely in connection with his (image) ability to encourage even poorly informed young people to appropriate behavior. The demonstrations and demonstrations held in defense of G. Thunberg’s positions in many European countries have convincingly confirmed this.

Keywords: behavioral economics; libertarian paternalism; environmental attitudes; personality resource model; environmental patriotism and opportunism; attitude towards sanctions.

References

1. Kahneman, D. (2019) *Dumay medlenno... reshay bystro* [Thinking, Fast and Slow]. Translated from English. Moscow: AST.
2. Yu, S.O. (2018) *Aziatskiy stil' upravleniya: kak rukovodyat biznesom v Kitae, Yaponii i Yuzhnoy Koree* [Asian management style: how business is run in China, Japan and South Korea]. Moscow: Al'pina Publisher.
3. Karnyshev, A., Ivanova, E., Karnysheva, O., Gritskikh, N. & Reshetnikova, E. (2019) *Global'noe, natsional'noe i lichnoe v ekonomicheskom i ekologicheskom patriotizme (na primere molodezhi Baykal'skogo regiona)* [Global, national and personal in economic and ecological patriotism (a case study of the youth in the Baikal region)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Karnyshev, A.D. & Ivanova, E.A. (2019) Greta Thunberg Phenomenon as an Indicator of Global and Ethno-Regional Manifestations of Ecological Patriotism. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya – The Bulletin of Irkutsk State University. Psychology*. 30. pp. 4–12. (In Russian). DOI: 10.26516/2304-1226.2019.30.40
5. Weizsäcker, E. (2013) *Faktor 5. Formula ustoychivogo rosta* [Factor 5. Formula of Sustainable Growth]. Translated from German. Moscow: AST-Press.
6. Gerth, K. (2011) *Kuda poydet Kitay, tuda poydet mir: kak kitayskie potrebiteli menyayut pravila igry* [As China Goes So Goes the World]. Translated from English by N. Mezin. Moscow: Yunayted Press.

7. Filatova, T. (ed.) (2008) *Planeta Zemlya: budushchee* [Planet Earth. The Future. What the Experts say]. Translated from English by D. Polteva. St. Petersburg : Amfora.
8. Guillot, A. & Meillet, J.-A. (2013) *Bionika. Kak nauka imitiruet prirodu* [Bionics. How science imitates nature]. Translated from French. Moscow: Tekhnosfera.
9. Karnyshev, A.D. (2005) Vospriyatie Baykala i Sibiri v kontekste otnosheniya k prirode [Perception of Baikal and Siberia in the context of attitude to nature]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 5-6. pp. 5–17.
10. Karnyshev, A.D. (2015) Prirodosoobraznost' i psikhologicheskoe zdorov'e lichnosti [Conformity to nature and psychological health of the individual]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 57. pp. 141–156. DOI: 10.17223/17267080/57/10.
11. Karnysheva, O.A. (2013) [Ethnic identity and national dignity as psycho-logical determinants of economic behavior]. *Ekonomicheskaya psikhologiya: sovremennye problemy i perspektivy razvitiya* [Economic Psychology: Modern Problems and Development Prospects]. Proc. of the 13th International Conference. St. Petersburg, November 26–29, 2013. St. Petersburg: NVSh-St. Petersburg. pp. 135–138. (In Russian).
12. Allport, G. (2002) *Stanovlenie lichnosti: izbrannye trudy* [Formation of Personality: Selected Works]. Translated from English. Moscow: Smysl.
13. Radaev, V. (1998) O roli nasiliya v rossiyskikh delovykh otnosheniyakh [On the role of violence in Russian business relations]. *Voprosy ekonomiki*. 10. pp. 81–100.
14. Radaev, V. (1996) O ratsional'nosti i kollektivnom deystvii (o knige M. Olsona "Logika kollektivnykh deystviy") [On rationality and collective action (about M. Olson's "The Logic of Collective Actions")]. *Voprosy ekonomiki*. 10. pp. 138–152.
15. Dagbaeva, N.Zh. (2002) *Modeli shkol ekologicheskoy napravlenosti v obrazovatel'nom prostranstve Baykal'skogo regiona* [Models of ecological schools in the educational space of the Baikal region]. Ulan-Ude: Buryat State University.
16. Khardin, D. (2011) "Volk". *Energiya Materi-Zemli. Vozvrashchenie k istokam prirody* ["The Wolf". Energy of Mother Earth. Return to the Origins of Nature]. St. Petersburg: Ves'.
17. Rand, A. (2015) *Vozvrashchenie primitiva: antiindustrial'naya revolyutsiya* [The Return of the Primitive: The Anti-Industrial Revolution]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.

Received 10.03.2020; Accepted 04.09.2020

Aleksandr D. Karnyshev – Professor of the Department of Social Work, Irkutsk State University. Professor, D. Sc. (Psychol.).
E-mail: ale3441@yandex.ru

Elena A. Ivanova – Associate Professor of the Department of Psychology of Education and Personal Development, Irkutsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).
E-mail: ea444@yandex.ru

Olga A. Karnysheva – Senior Lecturer of the Department of Psychology of Education and Personal Development, Irkutsk State University.
E-mail: borisovvla@yandex.ru